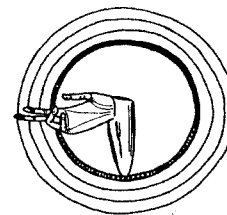

Норберт Нойхауз

**ЦЕННОСТИ
ХРИСТИАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИИ**

Москва
Издательство «Республика»
2005

УДК 329
ББК 66.68
Н78

NORBERT NEUHAUS

WERTE
DER CHRISTLICHEN
DEMOKRATIE

Перевод с немецкого

Нойхауз Н.

Н 78 Ценности христианской демократии / Пер. с нем. –
М.: Республика, 2005. – 192 с.
ISBN 5–250–01916–1

Руководитель фонда «Помощь Церкви в беде» д-р Норберт Нойхауз, исходя из представлений христианской антропологии о сущности человека, о смысле и задаче его жизни, излагает принципы и приоритеты политико-экономического устройства общества с точки зрения христианского социального учения. Основное внимание автор уделяет такому порядку «совместной жизни людей», который создает благоприятные условия для развития личности. В этой связи рассматриваются понятия subsidiarности и солидарности, свободы, общего блага, социальной рыночной экономики, взаимоотношения государства, гражданского общества и различного рода объединений (общин). Автор высказывает свою точку зрения на либеральное общество и на социализм.

Адресовано всем, кто размышляет о путях современного социального развития.

ББК 66.68

ISBN 5–250–01916–1

© Издательство «Республика», 2005

ВВЕДЕНИЕ

В политике речь идет не только о власти, личной карьере, влиянии и деньгах, как может показаться из ежедневных сообщений в газетах и электронных средствах массовой информации: «Меркель против Шрёдера», «Мюнтерферинг против Штойбера» или вообще какие-нибудь коварные стратегии и уловки. Политика – это не только «грязное занятие, от которого лучше держаться подальше».

Предметом политики является обустройство нашей совместной жизни. Политика есть то, что касается всех нас (Аристотель), поэтому она не должна быть делом лишь немногих специалистов. Политические решения оказывают прямое воздействие на нашу повседневную, конкретную жизнь. Мы не можем уклониться от этих воздействий, как бы мы ни хотели, и нам не следует замыкаться в своем личном мире, если мы испытываем недовольство сложившимися условиями.

Так как решения, касающиеся устройства совместного бытия, затрагивают каждого человека, то каждый должен принимать участие в принятии подобных решений. В условиях *представительской демократии* это осуществляется, во-первых, посредством регулярного участия в выборах народных представителей и, во-вторых, посредством участия в публичных дискуссиях, посредством гражданских инициатив, деятельности в какой-либо партии и – почему нет? – посредством занятия официальной должности в объединениях, союзах, профсоюзах, социальных учреждениях, в органах коммунального самоуправления или государственных учреждениях. При этом действует нравственный прин-

цип: «Там, где я имею влияние, там я несу и ответственность!» И эта ответственность повышается по мере роста влияния, которое я имею или могу приобрести в силу моих знаний и способностей или же моих материальных возможностей и общественного положения.

В условиях демократии каждый человек, обладающий правом голоса, имеет по крайней мере возможность оказать влияние своим голосованием. Если он этого не делает, то поступает безответственно. Он предоставляет другим решать не только свою собственную судьбу, но и судьбу своей страны, народа. При голосовании он должен также ясно представлять себе, кому он оказывает доверие. Приход к власти Гитлера в Германии в 1933 г. со всеми ужасными последствиями этого должен служить предостерегающим примером.

Но если мы говорим об ответственности, то ответственности перед кем? Где берем мы критерии для правильного решения? И что значит вообще «правильное решение»? Является ли правильным решение, которое удовлетворяет мои личные интересы? Или есть нечто такое, например общее благо, во что вмещается также и мое личное благо? Короче говоря, как должна быть организована совместная жизнь? Каковы критерии ее правильной организации?

Политические партии и социальные мыслители предлагают нам различные проекты общества. Различия между ними иногда отчетливо видны, потому что они противоположны, иногда они очень возвышенны, но тем не менее имеют значение на долгую перспективу.

В основе любого воззрения на общество, в основе каждой общественно-политической программы любой партии лежит ответ на вопрос: что есть человек? Даже если ответ на этот вопрос дается лишь имплицитно, потому что на первый план обычно выступают социально-организационные программы и предложения. В конечном итоге по поводу любых структурно-определяющих предложений, касающихся общественной политики, принципиального устройства экономики, культурной политики, следует задавать вопрос:

какое представление о человеке, о счастье человека, о смысле жизни стоит за всем этим? Идет ли речь об удовлетворении его чисто материальных потребностей, как, например, в благотворительном государстве? Идет ли речь об идеологической мобилизации, как при коммунистах. Следует задавать вопрос, какое представление об обществе, культуре и человеке стоит за всем этим¹.

Ибо ложное представление о человеке, о смысле его жизни неизбежно приводит к ложному развитию общественной, хозяйственной и культурной жизни.

Человек может пытаться произвольно конструировать эти представления по своему духу и своему желанию. Но в конечном итоге они сталкиваются с реальностью того, что есть на самом деле человек, что есть общество, что есть культура, короче – с реальностью творения, с реальностью бытия. Современный немецкий философ Йозеф Пипер говорит по этому поводу в своем трактате о мужестве, который стал манифестом христианского сопротивления против национал-социализма в Германии: «Из ложных или неправильных толкований действительности бытия с внутренней необходимостью вытекают ложные цели и неправильные идеалы. А именно: как все Должное находит свое обоснование в Бытии, так и все образы, определяющие наши деяния, коренятся в познании действительности».

Таким образом, критерием всякой политической деятельности является действительность. И только действительность показывает, соответствуют ли высокие идеалы человека реальности его бытия. Политика как искусство возможного должна не только соблюдать объективные законы природы и экономики, но и учитывать особую реальность того, что есть человек, иначе она будет обречена на неудачу. Об этом свидетельствуют тоталитарные идеологии последнего столетия. Все попытки диктатурой воспитания, с помощью принуждения и «индоктринирования» создать но-

¹ Это особенно относится к предложениям, которые касаются семейного и брачного права и хоть в какой-то степени права на жизнь.

вого человека разбили о самого человека. Идеалы столкнулись с реальностью бытия человека, и от них осталась лишь узколобая диктатура номенклатуры, которая боялась потерять свои привилегии и ради этого готова была учинять преследования. Творческая сила людей, их моральная целостность и само экономическое развитие оказались утраченными в пути.

Поэтому хорошо, а также очень полезно – если мы хотим иметь политический успех – остановиться и задуматься над вопросом: какова действительность человека и общества, их обусловленная временем реальность? И даже более того: какова сущность человека и общества, каковы цель и смысл жизни? Из такого осмысления временной и надвременной действительности вытекает познание, которое дает эффективные направляющие идеи или образы для наших дел и замыслов и побуждает нас к тому, чтобы творить политику на благо человека.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА?

Несомненно, есть много мотивов, побуждающих к тому, чтобы ангажировать себя политически. Одни видят в политическом мандате в первую очередь возможность заработать деньги, обрести влияние, обратить себе на пользу процесс приватизации и т. д. Однако только это отнюдь не является легитимной базой для политической деятельности. Другими движет амбиция, честолюбие, стремление к личному признанию и карьере; это вполне понятно, однако не создает солидной базы, на которой может строиться ответственная политика. Некоторые идут в политику, чтобы представлять конкретные интересы; они проявляют гражданскую инициативу для достижения определенных ограниченных целей или осуществления конкретных мер. Демократия предусматривает столкновение интересов, но если их мотивация корректна, а не строится только на критике. Другие же включаются в политику из сознания ответственности за общее благо, они хотят активно участвовать в улучшении окружающего жизненного пространства, хотят создать для себя и для своих детей более гуманный и богатый возможностями мир.

Часто приходится сталкиваться с мнением, что политика – это дело специалистов. Нужно учиться, чтобы понимать и делать политику. Или другая крайность: политика – грязное занятие, и поэтому она есть зло.

Что же все-таки есть политика? Аристотель¹ определяет ее коротко и ясно: политика есть то, что касается всех. Таким образом, она отнюдь не является сугубо специальной областью деятельности.

¹ Аристотель (384–322 до Р. Х.) – греческий философ, основатель реалистической метафизики.

В политике речь идет не только о том, чтобы обеспечить необходимые материальные жизненные условия. Во времена коммунизма главными темами внутренней политики были кампании по сбору урожая, битвы за производительность труда, «великие скачки вперед»¹; все газеты были полны соответствующими пропагандистскими лозунгами. Это логически вытекает из определения человека у Карла Маркса: «Человек есть трудящееся в обществе существо». Действительно, труд является жизненной необходимостью, а труд в самом широком смысле слова служит средством, благодаря которому человек развивает самого себя. Однако эффективность труда в большей степени вопрос организации и в меньшей – политики. При социализме/коллективизме политикой становится все, что имеет отношение к обеспечению жизненно необходимых вещей и условий, а доступность благ, хозяйственный процесс и функционирование системы объявляются высшим политическим приоритетом. Можно видеть, что при этом тоже соответствующий взгляд на человека является решающим для определения того, что есть и чем должна быть политика². И здесь вновь подтверждается положение, высказанное Йозефом Пипером³: ложное понимание человека и смысла его жизни автоматически ведет к ложным выводам относительно общества, права, государства и имеет обратное воздействие на каждого из нас.

По мнению Ханны Арендт⁴, задача политики состоит в том, чтобы устраивать и формировать человеческое сосуществование как таковое. Конечно, сюда относится также и формирование экономического порядка, политика роста и конъюнктуры, а также структурная и социальная политика. Но это всего лишь аспекты – конечно, важные аспекты – устройства и фор-

¹ Провозглашенная Мао Цзэдуном в 1958 г. в Китае политика, нацеленная на то, чтобы, минуя считавшиеся до того в марксистско-ленинской идеологии необходимыми промежуточные шаги, построить коммунистический общественный строй одним скачком.

² См. главу «Христианская антропология».

³ Йозеф Пипер (1904–1997) – немецкий философ, автор многих работ, в частности книги «Учение о добродетели».

⁴ Ханна Арендт (1906–1975) – немецкий философ, социолог и политолог, главное ее произведение – «Элементы и истоки тоталитарного господства».

мирования человеческого сосуществования. Политика не ограничивается экономической политикой. Другие ее аспекты по меньшей мере столь же важны: семейная политика, правовая политика, общественная политика, культурная политика, политика в отношении окружающей среды и т. д.

Предмет политики

Предметом политики является устройство совместной жизни. Оно осуществляется под знаком требования общего блага, то есть такого положения дел, которое позволяет человеку развивать свою личность, положения, которое достойно человека. Под этим понимается не только экономико-техническое, но также и моральное, правовое, общественное и духовно-культурное развитие человека.

Цель политики

Целью политики является мир. Мир, однако, есть не только отсутствие насилия, содержание этого понятия простирается гораздо дальше. Мир наступает только тогда, когда достигается всесторонняя справедливость. Это идеал, который никогда не может быть реализован, но тем не менее цель и задача всякой политики заключается в том, чтобы трудиться над созданием по возможности справедливых условий, дающих людям возможность жить в мире, свободе и развиваться. Однако мы должны сознавать, что нет и никогда не будет идеальной действительности. Всякий порядок, всякое общественное устройство несовершенны и преходящи. Всякая попытка создать окончательные условия ведет к нарушению границ власти. Все идеологии, которые мечтают об идеальном конечном состоянии, о рае на земле и из этой цели выводят необходимость уже сегодня принуждать людей мыслить и жить определенным образом, являются иллюзорными.

Политика не имеет ничего общего с представлениями первых или правых идеологий о гармонии. В действительности они оказываются неполитическими. Политика предполагает борьбу, спор не только за лучшее решение, но также

и по принципиальным вопросам, как это показали, например, недавние дискуссии о границах и возможностях генной техники. Вместе с тем в политике речь идет, естественно, и о весьма банальных вопросах распределения, достижения собственных интересов и т. д.

Почему всякий порядок является несовершенным и переходящим? Основная причина этого коренится в свободе и творческой энергии человека. Изобретения и новые технологии способствуют развитию. Окружающий мир находится в состоянии постоянного преобразования. Демографические воздействия, изменения в возрастном соотношении населения, масштабная смена людьми места своего жительства постоянно изменяют общество. Не в последнюю очередь свое влияние на образ мышления и действия людей оказывают дух времени и многие модные тенденции.

Государство – центральная инстанция политики

Политика коренится в сфере личности, потому что человек зависит от общения с другими людьми и настроен на это. Но одновременно он есть «самость», и она, как таковая, свободна определять свое место в обществе и осуществлять свой вклад в общественную, культурную, духовную и хозяйственную жизнь. Человеческая деятельность становится политической, если она затрагивает общество как таковое, – все остальное служит в первую очередь практическим целям. Политика является, таким образом, результатом планирования и воли многих людей, даже если центральной инстанцией политики служит государство или международное сообщество государств. Государство является институтом, обладающим монополией на насилие, оно осуществляет, устраивает и гарантирует порядок человеческого сосуществования.

Политик организует общественную жизнь посредством законов, распоряжений, постановлений и в стратегическом плане заботится об обеспечении людей такими общественными благами, как вода, энергия, улицы, школы и другие инфраструктурные проекты. Для их финансирования он взимает налоги. В отличие от политика чиновник осуществляет обществен-

ное служение, управляет в рамках законов и распоряжений. Насколько важно такое управление и безукоризненное функционирование государственной или коммунальной администрации, показал опыт воссоединения Германии. Несмотря на все отрицательное отношение к бюрократии, было понятно, что без четких правовых рамок, без опытного управления просто наступил бы хаос, а организованное, быстрое и эффективное развитие было бы невозможно.

Политические решения касаются не только сферы материального обеспечения. Они имеют своей целью организацию человеческого сосуществования и в конечном счете сознательно учитывают настроение и реакцию населения. Они учитывают соотношение интересов и сил, чаяния, мировоззрения людей. Политические решения являются партийными. Они призваны активно формировать условия жизни. Они могут руководствоваться расчетами или быть спонтанными. Они требуют ответственности и сопряжены с рисками. Но они всегда ориентируются на общество.

Власть – центральная категория политики

Центральной категорией политики является возможность. Сумма возможностей, которые находятся в распоряжении какого-либо человека, есть власть. Политическое решение ограничивают не нравственные заповеди, требующие все оценивать с моральной точки зрения, не закон как таковой, ибо все позитивные законы изменчивы, оно определяется исключительно мерой имеющихся возможностей. При этом можно провести различие между субъективной возможностью, или властью действующего лица, и объективной властью. Благодаря своему умению, мужеству, но также и в силу своих личных слабостей политик может и расширить свою субъективную власть, и умалить ее; она соответствует фактическим возможностям, которые объективно находятся в его распоряжении в силу природы вещей, конкретной межчеловеческой ситуации, технико-экономической оснащенности, международных обстоятельств, исторической ситуации, политической культуры и духа времени.

Хорошим примером является воссоединение Германии. Тогда имелось временное окно, всего 4–5 месяцев, в течение которых единство могло быть закреплено в международном плане. Канцлер ФРГ Хельмут Коль, благодаря своим смелым, умелым и последовательным действиям, использовал знаки времени и принял политическое решение. Если бы он промедлил, то был бы ввергнут в водоворот 1-й войны в Персидском заливе, то есть ведущие политики не имели бы больше времени и дальше заниматься германским вопросом. Тогда воссоединение, вероятно, уже не стало бы возможным. Хельмут Коль уловил объективную возможность и привлек все средства, которые субъективно были в его распоряжении, чтобы убедить прежде всего Франсуа Миттерана и Михаила Горбачева в том, что единство Германии необходимо. Хельмут Коль, как многоопытный политик, знал правила искусства политики, которые заключаются в первую очередь в правильной самооценке и в точной оценке ситуации. Бдительность, опыт, ловкость, тактика, глазомер, разум – таковы предпосылки соответствия субъективной и объективной власти.

Политика и мораль

Если возможное является категорией политики, то политически хорошо только то, что возможно. Невозможное – пусть даже оно идеально – плохо, потому что оно разрушает основу политических действий. Воображаемые возможности, идеологии, представления о Царстве Божьем на земле, идеализм и нравственные настроения являются в конечном итоге выражением неполитического мышления, потому что они лишены меры возможного.

В политике необходимы расчет, тактика, закулисные переговоры, равно как страстность, вдохновение и тому подобные побуждения; сознание ответственности, дар предвидения и воля к созиданию, равно как и тщеславие, жажда значимости, стремление к власти и богатству. Короче говоря, в политике проявляются все хорошие и плохие качества людей. Так как на карту поставлено многое, то и конфронтация здесь гораздо острее, чем в других сферах. Политический ангажмент имеет нечто общее с борьбой за существование.

Если возможное является категорией политики, то мораль должна привноситься в нее извне. Грязная политика – не политика как таковая; решающим здесь является личное отношение политиков: мерить политику нравственным масштабом или нет. Однако не только личное отношение политиков, но и общая политическая культура времени формирует стиль и содержание политических разбирательств. Диапазон этих багалий простирается от стремления к примирению интересов, питаемого взаимной благожелательностью, вплоть до борьбы без всякой пощады. Здесь большое значение имеет общественное мнение, особенно публично выраженное мнение, ибо именно оно является блюстителем того, чтобы в стране все моральное и эстетическое, в том числе касающееся содержания и методов политики, оставалось возможным и реально осуществимым. Не напрасно говорят: каждый народ имеет таких политиков и такое правительство, каких он заслуживает. Свобода, способность к компромиссу, уважение перед правом, разделение властей, демократические методы, солидарность в принципиальных вопросах государства и обществования, сознание общего блага – таковы культурные блага, которые следует постоянно оберегать. Перед партиями стоит здесь важная задача: в процессе внутрипартийного отбора выдвигать в качестве кандидатов компетентных людей, которые, во-первых, соответствуют высоким нравственным требованиям и с благоразумным мужеством добиваются общественного порядка и, во-вторых, в общении с политическими конкурентами, при всей жесткости противостояния, руководствуются честностью и уважением.

Политика вырождается, если люди стремятся к власти ради самой власти, если власть становится не инструментом политики, а ее содержанием. Это заканчивается господством произвола. Чтобы ограничить такое искушение, огромную важность обретают регулярные свободные выборы, сильная оппозиция, ограничение максимального срока правления (например, два выборных срока для американского президента). В данном отношении демократия является хотя и несовершенной, но тем не менее наилучшей из всех форм государства.

ЭКСКУРС: ИСТИНА

Что есть истина? Этот вопрос задавал не только Пилат Иисусу Христу. Этот вопрос задавали себе люди во все времена. Именно в нашем сегодняшнем секуляризованном и глобализованном мире с его разнообразными культурами, идеологиями и мировоззрениями, с повсеместно распространившимся скептицизмом и релятивизмом, с открытой пропагандой и скрытым давлением на общественное мнение ради «политической корректности» особенно важен вопрос об истине, о действительности бытия.

Так как всякое «Должное» имеет свое основание в «Бытии», то с особой настоятельностью встает вопрос о том, могу ли я вообще познать действительность бытия, и если да, то как могу я достичь точного и надежного познания.

Ответить на этот вопрос трудно всем, кто следует традиции просветительского идеализма, традиции Декарта, Канта, Гегеля и других великих философов Просвещения, которые, исходя из декартовского «*Cogito ergo sum*» – «Я мыслю, значит, существую», – размышляют об «условности познания» (Кант). Для просветительской философии пробиться к «Бытию», к подлинной метафизике и отрешиться от скептицизма в теории познания трудно помимо всего прочего потому, что при таком подходе понятия «субъект» и «объект» существуют лишь в собственном (субъективном) мышлении.

Реалистическая философия идет противоположным путем. Ее правило, грубо выражаясь, гласит: «*Sum ergo cogito*» – «Я существую, значит, мыслю». То есть я как творение со всей моей ограниченностью нахожусь в мире вещей, которые независимо от моего мышления и сознания просто так находятся здесь, существуют. Человек в изумлении стоит

перед полнотой существующего мира, который он силой своего разума учится открывать, использовать и покорять, который обуславливает его жизнь и его существование, а порой даже угрожает его жизни и существованию.

Истина в философской традиции понимается как соответствие познания и реального положения вещей (*adaequatio rei et intellectus*), мышления и бытия. Если мое познание, то есть представление о вещи в моем понимании, соответствует действительному положению вещей, то мое познание истинно.

Всякая подлинная истина действительна во все времена, она абсолютна. Она истинна или не истинна, подобно тому как нельзя быть немного беременной – или ты беременна, или нет. (Пример противоречия: в определенном смысле вещь не может одновременно быть и не быть.) Таким образом, не может быть относительной истины.

Так как вещи и явления могут быть рассмотрены и исследованы во многих аспектах – современная физика показала нам, что даже в атомарной области нам открывается целый микрокосмос, – то о любом сущем может быть высказана не только одна-единственная истина, нет, об одном и том же объекте возможны многие высказывания, и каждое из них может быть истинным, если высказанное познание согласуется с действительным положением вещей. Например, цвет данного предмета для нормального человеческого глаза представляется голубым, для спектрометра этот цвет выражается в определенной длине световых волн, для дальтоника же цвета вообще не существует. Таким образом, есть различные высказывания об одном и том же положении вещей, которые отличаются в зависимости от того, как оно рассматривается (метод, инструмент, используемый для наблюдения, и т. д.). Поэтому при любой серьезной дискуссии необходимо принимать во внимание то, каким образом и с привлечением каких средств осуществляется рассмотрение, чтобы не получилось так, что люди будут говорить «мимо друг друга» и создавать искусственные противоречия там, где их нет. Однако из различия высказываний нельзя заключить, что все высказывания относительны и/или что

позитивное, истинное высказывание принципиально невозможно, а возможно лишь отрицание, чего бы это ни касалось. Масштабом и критерием всегда является действительность, само реальное положение вещей.

Истина не требует, чтобы мышление отражало все сущее со всеми его определениями, поэтому вовсе не обязательно, чтобы лишь в таком случае познание считалось адекватным; скорее достаточно и неадекватного познания, если только признаки, которые отражены в мыслях и высказаны, действительно имеются в сущем. Таким образом, ни один человек не в состоянии обладать тотальной истиной хотя бы даже об одном предмете во всех его разнообразных отношениях и взаимосвязях, но это не означает, что он не в состоянии познать существенные признаки данного предмета и высказать в этом отношении истинные определения, которые – потому что они истинные – являются абсолютными.

Следующий вопрос заключается в том, в какой степени истинное познание о каком-либо реальном положении вещей может быть отнесено к данной решаемой проблеме. Здесь большую роль играют общие значения и оценки, особенно если затрагивается свободная деятельность человека или многих людей. Например, вопрос о том, достаточно ли 5 миллиардов евро для снижения безработицы на 2% или необходимо выделить вдвое больше, не может быть решен однозначно с претензией на истинность какой-то одной точки зрения. В данном случае в пользу той или иной позиции больше говорят вероятности и опыт, формы подхода к проблеме, а также определенные экономические закономерности.

В принципиальных вопросах общественного устройства, права или же в отношении вопросов о том, что есть человек, что составляет его сущность, смысл и задачу его жизни, – в таких принципиальных вопросах вполне могут быть высказаны мнения, претендующие на истину. Это отнюдь не донаучные определения, которые не поддаются научной обработке, как это утверждают некоторые теории (например, критический рационализм), не признающие за фило-

софией, и особенно за метафизикой, характера науки. Принципиальные вопросы бытия и жизни человека не имеют идеологической природы, но прямо-таки вопиют и требуют разумного подхода в отношении человека, его бытия (бытия как такового) и его существования (бытия здесь). Если бы это было не так, тогда были бы широко открыты ворота и двери для действия, свободного от морали. Вместо «власти права» царило бы тогда «право более сильного».

Итак, мы можем констатировать: истина есть соответствие мышления и бытия. Каждая истина абсолютна – относительной истины не существует. Абсолютная не значит тотальная.

До сих пор мы говорили об истине познания, которая имеет в виду отношение человеческого мышления к предлежащему ему бытию. Наряду с этим имеется истина бытия, называемая также онтологической, или онтической, истинной, которая принадлежит самому сущему. В таком смысле мы говорим, например, о настоящем золоте в отличие от фальшивого, которое, правда, блестит как настоящее и иногда его принимают за золото, но фактически таковым не является. Понятием «истина бытия» выражается и тот факт, что всякое сущее может стать предметом мышления, что мы направляем наш разум на сущее как таковое. В конечном итоге эта познаваемость (*intelligibilitas*) всего сущего обусловлена тем, что все не-божественно-сущее создано по замыслу в Духе Божьем, то есть пронизано Духом. В немецком языке есть слово «nachdenken», «размышлять после», думать о том, что Бог задумал еще «до того». Истина бытия, таким образом, есть согласование Им Самим реального положения дел с Идеей Божьей. Она является вследствие этого абсолютной и одновременно тотальной. Она может быть охарактеризована также как творческая истина, как уподобление творения Замыслу Божьему.

Аналогом тому является «художественная или практическая истина», которая имеет в виду согласование смодулированного предмета с замыслом художника, ремесленника, инженера. Здесь проявляется творческая сила человека как второго творца.

Истина в нравственном смысле, называемая также истинностью, имеет в виду соответствие сказанного внутреннему убеждению в отличие от лжи, а также соответствие внешнего действия внутреннему убеждению в отличие от притворства или лицемерия, но также и честную оценку самого себя, своих собственных побудительных причин в том смысле, что человек не притворяется и имеет искреннее желание прийти к познанию истины. Такая внутренняя истинность достигается путем регулярного испытания совести и является предпосылкой гармоничного развития добродетелей человека.

Человек, который не живет по истинности, склоняется к жизни во лжи и просто исключает, чтобы не беспокоить свою совесть, определенные, мешающие ему жизненные обстоятельства и отдельные реальности. Он становится «глухим» к определенным вещам. Он утрачивает простоту образа бытия и непринужденную открытость к реальности. В отношении полюбившихся ему грехов он склонен спрашивать, почему то-то и то-то вообще должно считаться грехом, указывает на то, что другие тоже так поступают, но не набирается воли, чтобы измениться или по крайней мере признаться в своей собственной слабости в данном отношении. Но так как он не хочет слыть человеком с дурной совестью, он конструирует такие теории, которые оправдывают его поведение. Церковь называет такое поведение, если оно касается важных вопросов, «грехом против Святого Духа», о котором Христос говорит, что он не может быть прощен, потому что вследствие помрачения неправого сознания делает человека неспособным к покаянию, к забвению греха и не дает всепрощающей милости Божьей никакого повода для прощения, которое предполагает хотя бы самую малость раскаяния.

ЭКСКУРС: МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ

Понятие «идеология» впервые применил Дестют де Траси, французский мыслитель эпохи Просвещения. Он охарактеризовал им визионарные проекции, идеалы и надежды. Таким образом, данное понятие является выражением утопического, идеализированного стиля мышления времен Французской революции. Его содержание по сей день развивалось по-разному. В то время как в англосаксонском мире понятие «ideology» употребляется в очень широком смысле, как общее понятие для всех образов мыслей, теоретических выкладок и мировоззрений, на языках континентальной Европы проводится различие между идеологией и мировоззрением.

Если в дальнейшем мы будем говорить о христианском социальном учении, или о персонализме, то мы имеем в виду мировоззрение и решительно отмежевываемся при этом от идеологий, таких, как индивидуализм (капиталистический либерализм) и коллективизм (коммунизм).

Христианское социальное учение – это не идеология в узком смысле, то есть не теория, которая претендует на то, чтобы всеобъемлюще и окончательно, системно и полностью объяснить действительность человека и ход истории. На это претендуют прежде всего коллективистские идеологии, исторический материализм и диалектический материализм и совершенно особые случаи псевдонаучных идеологий.

Христианское социальное учение – это также не идеология в широком смысле, то есть не система мышления, покоящаяся на идеализированных видениях, непроверенных представлениях, фантазиях и более или менее произвольно

взятых фрагментах действительности и имеющая своей целью общественное оправдание специфических целей (так утверждает марксистская критика идеологии, согласно которой мораль, религия и право объявляются общественной надстройкой, имеющей чисто идеологический характер). Таковой предстает, например, индивидуалистический либерализм со своим односторонним пониманием свободы и безусловной верой в «невидимую руку», которая как бы сама по себе, посредством свободных рыночных сил всегда устанавливает общественный оптимум.

Христианское социальное учение, напротив, представляет собой мировоззрение, то есть общее видение сущности и причины, ценности, смысла и цели мира и человеческой жизни. Оно не является замкнутой системой, оно открыто для углубления познаний о человеке, а также для постоянных исторических перемен, происходящих в культуре, технике, науке и обществе. Оно имеет в виду человека, созданного Богом и призванного к вечной жизни с Богом. В этом заключается его особое достоинство.

Христианское социальное учение есть собрание принципов, которые опробированы в истории и призваны стать основой справедливой и свободной жизни в государстве и обществе. Эти принципы следует учитывать в каждой ситуации, если человек творчески подходит к историческим вызовам своего времени и стремится успешно ответить на эти вызовы.

Христианское социальное учение опирается, во-первых, на классическую, реалистическую философию, «*philosophia perennis*», относительно человека и общества (индивидуальная этика и социальная этика) и, во-вторых, защищена сверхъестественным откровением христианской веры¹.

¹ Австрийский священник, профессор этики и социальных наук при Венском университете Йоханнес Месснер (1891–1984) в труде своей жизни, в сочинении о «Движущей конституции человека и его экзистенциальных целях» говорит об основах христианской социальной этики в свете естественного разума, которая для христиан и не-христиан может в равной степени служить базисом и исходным моментом для совместных усилий по созданию мирного и достойного человека общества.

Христианские Церкви в своих социальных документах прилагают Слово Божье к жизни людей и общества, к соответствующей земной действительности, предлагая своим верующим и всем людям доброй воли руководящие принципы, критерии суждения и направляющие линии для конкретной нравственной деятельности. Однако в отличие от ислама, христианское откровение не содержит никаких конкретных предписаний относительно социального общежития и государственного устройства, за исключением божественной заповеди о нерасторжимости брака.

Основы современного христианского социального учения были заложены католическими монахами и священниками, размышлявшими о последствиях индивидуалистического капитализма 19-го столетия. Они были подкреплены папским вероучением в энциклике «*Recurum Novarum*» и развиты далее в целом ряде вероучительных посланий. Со стороны протестантских богословов говорится о социальной этике. В Православной Церкви также, после падения коммунизма, начинает развиваться учение об обществе, основанное на ее богатом богословии и богатой традиции. Выдающимся документом в этом отношении является принятое Архиерейским собором Русской Православной Церкви в августе 2000 г. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви».

Христианское социальное учение характеризуется также как персонализм, потому что оно в отличие от индивидуалистического либерализма (индивид является автономным) и коллективистской идеологии (обществу, расе и нации дается предпочтение перед индивидуумом) ставит на первый план человеческую личность с ее тройной природой (индивидуальная природа, социальная природа и трансцендентная природа). Каждый отдельный человек призван к сотрудничеству и общению с другими людьми, чтобы устроить свою жизнь, но конечный смысл своей жизни он находит не в жизни в посюстороннем мире: в силу духовности своей души он устремлен за пределы времени.

ЕСТЬ ЛИ ВООБЩЕ ХРИСТИАНСКАЯ ПОЛИТИКА?

Мы называем себя христианскими демократами. Но существует ли вообще политика, которая может называть себя христианской в собственном смысле? И если таковая есть, то как она может быть политикой большинства, как она может привлечь людей, которые не являются христианами, которые, возможно, считают себя атеистами или принадлежат к нехристианской религии?

Христианской политики в строгом смысле слова не существует. В Евангелии нет политической программы, разве только в Нагорной проповеди можно усмотреть социальную или политическую программу. Нет, Иисус Христос придавал большое значение тому, чтобы отмежеваться от господствовавших тогда политических представлений о Мессии. Иудеи ожидали Мессию как политического вождя, который освободит их от ига римского владычества. Учение же Христа, напротив, направлено исключительно на сверхъестественное спасение человека, на личную этику.

В отличие от христианской религии, ислам содержит в Коране, в Хадисе (Предании), в Суннах (обычаи Мухаммеда и его сподвижников) и в шариате (исламское право) множество конкретных указаний на общественное и правовое устройство. Религия и государство, или религия и политика, образуют единство, из которого не может быть исключен ни один гражданин. Так как положения Корана понимаются как подлинное и неизменное Слово Божье, которому человек должен подчиняться (ислам = подчинение), то в исламском государстве религиозно-инакомыслящие могут быть лишь терпимы; они являются гражданами второго сор-

га. Ветхий Завет тоже содержит обширные законодательные книги, которые регулируют значительную часть частной и общественной жизни. Евангелие же, напротив, дает лишь косвенные указания на социальную жизнь, например относительно налогов или брака.

Однако из этого не следует делать заключение, будто Иисус Христос был аполитичным человеком, который не интересовался политическими вопросами своего времени. Он был гражданином, который очень внимательно наблюдал за политическими событиями. Некоторые его притчи касаются актуальных политических событий и заставляют его слушателей быть внимательными к ним, хотя, собственно, Послание всегда является сверхъестественным. Так, например, в Евангелии от Луки (19:12–14) свою притчу он начинает с эпизода, который действительно имел место: сын Ирода Великого отправляется в Рим, чтобы добиться от императора признания своего царского достоинства. Этому пытаются противодействовать влиятельные оппозиционные группы, которые ведут в Риме свою игру.

Но возвратимся к поставленному вопросу. Можно ли вообще говорить о христианской политике? Христианское богословие различает два вида откровения: сверхъестественное и естественное. Сверхъестественное откровение содержит учение Иисуса Христа, о котором мы без слов Иисуса ничего бы не знали и ничего не могли бы знать, так как содержащиеся в нем истины только силою нашего разума постигнуть невозможно: Святую Троицу, тайну нашего спасения и нашего сыновства в Боге.

Естественное откровение, напротив, охватывает все творение, которое лежит перед нами, как открытая книга, и которое мы можем познать силою нашего разума. Оно доступно нашему научному исследованию.

Короче говоря, творение есть выражение деяний Божьих, а сверхъестественное откровение есть выражение Слова Божьего. Бог не может себе противоречить, поэтому не может быть никакого противоречия между естественным и сверхъестественным откровением. Вера и наука не противоречат друг другу, и если кажется, что противоречие есть,

то тогда анализ следует продолжить и выяснится, что мнимое противоречие отпадает.

Какие же выводы мы можем сделать из этих соображений? С помощью научных методов метафизики, социологии, медицины, экономических наук и т. д. мы можем проанализировать и понять, какова истинная сущность человека, общества, справедливости, свободы и т. д. Если познание истинно, то оно уже согласуется со Словом и Замыслом Божиим в отношении творения. Такое познание не зависит от сверхъестественной веры и в равной степени может быть признано истинным всеми людьми, христианами и нехристианами.

Христианской политики в том смысле, что она может быть выведена непосредственно из Евангелия, не существует, но есть политика, которую проводят люди, руководствующиеся христианской верой.

Каждый человек – все равно, христианин он или нехристианин – может согласиться с политикой, проводимой по христианскому вдохновению, к ней может присоединиться даже атеист, потому что она базируется на естественном познании, на более чем тысячелетней философской традиции, принципы которой соблюдались и развивались в конкретной практике на протяжении столетий и не являются по своей природе идеологическими.

ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Что же есть человек? Что он должен? Каков смысл его существования? Какова задача общества? Как складываются взаимоотношения между личностью и обществом?

С точки зрения христианской антропологии каждый отдельный человек представляет собой ни с чем не сравнимый, единственный в своем роде замысел Божий. Каждый человек состоит из тела и души; причем родители при зачатии младенца подготавливают материю, состоящую из яйцеклетки и семени, в то время как Бог дарует духовную душу, которая в свою очередь создается из ничего. Это означает, что в это время, как и в остальном мире, происходит превращение материи из одного вида в другой (нам всем знаком из уроков химии эксперимент, проводимый с колпаком для сыра, где что-то сгорает, но вес при этом не уменьшается, хотя предмет на глазах исчезает). Просто атомы сгруппировались по-иному, но они не исчезли, – в мире появляется еще одно бытие.

Благодаря сотворению одухотворенной души из ничего в этом мире появляется новое бытие, умножается бытийная действительность, и это уже навеки. В этом и заключается глубокое таинство брака, в ходе которого супруги взаимно даруют себя друг другу. Именно в свершении этого брачного акта, который должен быть открыт для оплодотворения (что не означает, что каждый раз будет зачат младенец или что имплицитно должна наличествовать воля к этому), супруги являются в глубочайшем смысле со-работниками Божьими в творении, орудием Божиим в сотворении нового бытия. Но не только в сотворении/зачатии – так как младенец нуждается в уходе и развитии до тех пор, пока

он не будет стоять на собственных ногах и не возьмет свою жизнь в собственные руки, — они берут на себя ответственность за жизнь и развитие зачатого ими младенца. Дитя вверяется им. В этом заключается первостепенное право родителей и одновременно родительская ответственность.

Только что мы сказали, что каждый человек — это собственный замысел Божий. Каждый человек воплощает сущность человека вообще, в существе своем он имеет то, что делает человека человеком. Но он является также и индивидуумом, выражает свою индивидуальность через конкретную материю, свои гены, свои задатки и одаренности, свои ограниченности биологического порядка; но он выражает свою индивидуальность также благодаря конкретной семье, в которой он рождается, в исторической и культурной ситуации своего народа, своей страны. Человек не абстрактен, а конкретен, он пребывает во времени и пространстве. Отсюда вытекают требования, задачи, а также и смысл жизни каждого отдельного человека.

Человек есть творение. Основа его существования не в нем самом. Он не сам сотворил себя, его даже не спрашивали, хочет ли он быть вызван к жизни. Кто-то из нас, возможно, даже упрекал в молодости своих родителей, зачем они вообще его зачали. Человек просто есть, и его жизнь предстает пред ним как его задача.

Человек есть прежде всего личность

В центре христианского мышления стоит человек, или, точнее сказать, личность. При ближайшем рассмотрении того, что есть человек, выявляются три аспекта, которые в сущности составляют и определяют человека и его бытие.

Индивидуальная природа человека

Очевиден факт, что человек прежде всего существует как индивидуальное живое существо со своей собственной историей, со своими дарованиями, чувствами и желаниями. Он может сказать «Я» и даже фактически выразить это,

проявить самосознание, сознание своего «Я». Как таковой он отличается от всякого «Ты». Как Самость, как «Я» человек обладает своим собственным бытием, своей собственной жизнью, собственными мыслями и волеизъявлениями, которые принадлежат только ему, которые отличаются от бытия, жизни, мыслей и желаний любого другого человека. Его личность проявляется в сознании своего «Я» как внутреннее единство и замкнутость. Многообразие внутренних и внешних актов объединяется его собственным «Я» и обретает для него единый характер «моих» мыслей, решений «моей» воли, «моих» действий. Как «Я», как «Самость» человек невозможен в многократном повторении, он существует только один раз в неповторимом своеобразии. (Это имело бы место также и в том случае, если бы человек клонировался, так как материя была бы той же, а одухотворенность — другой!) Даже если с течением времени его внешность, его настроения и представления меняются, его «Я» остается тем же. Это «моя» история. Личность есть таким образом отличная от всех других, единственная в своем роде и своеобразная, существующая для себя и в себе сущность, которая сама является своей единой и постоянной основой и носительницей своих действий. Мы называем это обычно индивидуальной природой человека.

Быть личностью означает обладать самосознанием, самостоятельностью и свободой, а также ответственностью

Самосознание как существенный признак личности еще шире раскрывает нам ее природу. Как сущность, которая знает о своем собственном бытии, которая осознает саму себя, она должна представлять собой духовное бытие. Именно познаваемое обладание своим собственным бытием есть признак духовной сущности. Только в самосознании внутренняя замкнутость и непрерывное единство личности находят свою духовную углубленность. Именно благодаря самосознанию «Я» является самим собой, объединяет все одновременные и последовательные внутренние процессы

и внешние события как бы в одной-единственной точке. Как осознающее само себя духовное «Я» личность представляет собой единство, которое не раздробляется в результате многообразия внутренней и внешней жизни, не исчезает в этом постоянно меняющемся потоке.

И еще одна, вторая форма выражения определяет и углубляет самоутверждение личности в сфере духовности: его свобода. Мои действия принадлежат мне как личности не в том смысле, что они «мои» действия, а не кого-то другого, а в том, что они исходят от меня, что я являюсь первопричиной моих действий. Мое действие исходит от меня самого как его последней причины, в моей власти производить действие или не производить, производить его так, а не иначе; я делаю это не по указанию и не по принуждению извне или изнутри. Личности присуща самостоятельность в действиях; ей присуща прямо-таки творческая сила, не в том смысле, что она может творить из ничего, но она может что-то создать из самой себя, чему только она является конечной причиной¹.

Как личность, которая является причиной всех своих действий, я должен их отстаивать, должен брать их на себя со всеми их последствиями. Я должен отвечать за свои действия: я несу ответственность. Таким образом, наряду с самостоятельностью свобода включает в себя и ответственность как еще один признак личности².

Социальная природа человека (телесная сторона)

Очевидно также, что человек не может жить только исходя из себя самого. Не только потому, что своим существованием он обязан другим. В биологическом отношении человек целиком и полностью зависит от общества. Своей материальной жизнью во всех ее выражениях он целиком и

¹ См.: *Hartmann Nicolai. Ethik. 1935. S. 729–730; цит. по: Fellermeier Jakob. Abriß der katholischen Gesellschaftslehre. S. 25.*

² См.: *Welty Eberhard. Entscheidung in der Zukunft. 1946. S. 41 ff.; цит. по: Fellermeier Jakob. Abriß der katholischen Gesellschaftslehre. S. 25.*

полностью обязан обществу, своим родителям, а также и более далеким предкам. Всей своей телесной жизнью и всеми своими биологическими особенностями человек связан с обществом. Это касается даже его пола. Мужчина и женщина суть не только два человека с различными половыми органами. Они в сущности различны по своей личности и взаимодополняемости.

Человек отнюдь не спешит покинуть свое гнездо, на протяжении многих лет он нуждается в заботе, не только в материальном обеспечении, но и в общении, в любви, которые только и определяют духовное и человеческое измерение каждого. Что касается развития и внешнего выражения человеческой жизни, то есть области экономической жизни, то здесь человек полностью зависит от общества. Не только будучи ребенком, но и во взрослом состоянии он не может долго существовать без помощи общества. Никто не может сам обеспечить себя всем тем, в чем он нуждается: пропитанием, одеждой, жилищем. Образ Робинзона Крузо представляет собой далекую от действительности абстракцию, потому что такой человек берет с собой в свое одиночество по меньшей мере технический и хозяйственный опыт, который передало ему общество. Отдельный человек ни в коем случае не сможет в одиночку обеспечить себе достойное человека существование. Биологическое и экономическое сообщество является, таким образом, для человека в полном смысле первичным сообществом бытия. Короче говоря, человек, каждый человек, призван к общению и сотрудничеству, чтобы выжить и развивать свою жизнь. Мы называем этот факт социальной природой человека или, точнее, «негативной» стороной, телесным аспектом потребности человека в помощи.

Социальная природа человека (духовная сторона)

Духовная жизнь человека кроется в его субстанциальной душе, которая, однако, не в пример телу, не передается далее в рамках человеческого сообщества, но дается человеку «извне» в результате божественного акта творения.

Благодаря этой субстанциальной основе своей духовной жизни человек независим от общества. Но душа дается ему не в полностью развитом и сложившемся состоянии. Духовные способности покоятся в душе как задатки, как потенции. Для пробуждения и развития этих задатков и тем самым для всестороннего развития духовной жизни полноценной личности необходимо общество других людей. Вся деятельность ума и фантазии, вся жизнь чувств и желаний высшего порядка складывается в ходе человеческого общения. В этом общении человек обретает основные предпосылки для развития своей духовной жизни, прежде всего язык. Личное развитие человека может осуществляться лишь при том условии, если он имеет доступ к миру культуры; под культурой же здесь понимается объективное знание, которое реально актуально и живо в обществе. Это развитие не является улицей с односторонним движением. Напротив! Один дух воспламеняет другой! Каждый отдельный человек, развивая свои духовные дарования, одновременно способствует развитию своего культурного круга и всего общества. Поэтому в своей духовной жизни человек отнюдь не является изолированным и самостоятельным, хотя его одухотворенная душа в принципе гарантирует ему независимость. Несмотря на всю свою собственную активность, полную духовную действительность человек обретает только в обществе и благодаря обществу. Да и наивысшие человеческие качества могут проявляться только в обществе: любовь, доверие, благодарность – они постоянно требуют присутствия «Ты». Таково «позитивное» выражение социальной природы человека. Духовное общение, в котором пребывает человек, является для него истинно составляющей общинного бытия, в котором он как духовная сущность находит свою полную духовную реализацию. Но это не первичная, а лишь вторичная составляющая его общинного бытия. Свою исходную духовную действительность человек получает не от общества (как это происходит с его биологическим бытием), но ее развитие и формирование обусловлено обществом. «Личностью», то есть полностью реализовавшимся «лицом», человек становится лишь

в общении и благодаря общению с другими людьми¹. Для того чтобы «лицо», будучи свободным, могло реализовать себя, оно нуждается в обществе. Однако личность в полном смысле слова появляется только в результате общения с Богом! Это общение с Богом может зайти так далеко, что оно все больше и больше делает излишним человеческое общение. Поэтому отшельник, который отрешен от мира и живет с Богом, может достичь личного совершенства. Личного же совершенства – можно назвать это также самореализацией – в совершенной полноте достигает в конечном итоге только святой. Только он является полной личностью, только он полностью реализует замысел Божий в отношении его.

Трансцендентная природа человека

Но о человеке можно сказать и кое-что еще. Человек как духовная сущность не ограничивается просто существованием в этом мире. В отличие от животного или растения, которые как видовые явления в своем жизненном свершении целиком зависят от своей внутренней структуры, человек обладает одухотворенной душой, способностью задумываться и размышлять о своей жизни, своих действиях и своем окружении; он обладает свободой и развивается в духовном общении с самим собой, своей жизнью и задается вопросом о смысле своего бытия. Эта духовная активность выходит за рамки его жизни во времени и пространстве и указывает в вечность. О том, что даже отъявленные материалисты, как, например, Жан Поль Сартр, здесь тоже что-то чувствуют, свидетельствует то обстоятельство, что в своем последнем интервью немецкому еженедельнику «Шпигель» на вопрос: «Какой философский вопрос больше всего занимает Вас в последнее время?» – он ответил: «Проблема моей собственной смерти!» Для нигилиста Сартра ответ на этот вопрос был в сущности ясен: он обращается в ничто, как если бы его никогда и не было. Но столь

¹ *Guardini Romano. Welt und Person. S. 156.*

простым все это отнюдь не является. Все народы имеют предчувствие, что со смертью все просто так не кончается, что по ту сторону смерти существование в какой-то форме продолжается. Такое предчувствие превращается в сознание. В таком сознании данному «Я» является противостоящее ему «Ты», человеческое лицо раскрывается в его отношении к божественному Лику. Библия выражает эту мысль в положении о человеке как подобии Божьему, подобии, которое только и делает эту встречу возможной. Христианская вера говорит нам, что каждый человек как особый замысел Божий призван к тому, чтобы вступать в общение с Богом, а также к сверхъестественной жизни. Эту реальность мы называем трансцендентной природой человека.

Христианский образ человека в отличие от индивидуалистического и коллективистского понимания человека

Индивидуальная природа, социальная природа и трансцендентная природа человека должны всегда рассматриваться в совокупности, если мы хотим понимать человека во всей полноте его действительности. Всякая односторонность неизбежно ведет к ложным оценкам и ошибочным действиям, которые негативно влияют на развитие человека в обществе. Человек не является полностью автономным и изолированным, как об этом заявляет индивидуалистический либерализм, равно как не является он и лишь «падающей звездой» коллектива, в чем нас хотят убедить коллективистские идеологи, которые хотят видеть основу существования человека исключительно в классе, в расе или еще в каком-либо коллективе.

Христианская антропология рассматривает человека всегда как личность, которая как духовная, сама собою обладающая сущность развивается и реализует себя в общении и сотрудничестве с другими, а свою особую неотъемлемую сущность обретает в том обстоятельстве, что ее жизнь не кончается с ее посюсторонним существованием на земле, но что она как творение Божье призвана к жизни после смерти, что ее духовная природа делает ее в конце концов бессмертной.

Общины на службе личности

Что же следует из анализа того, что составляет человеческую личность, для определения ценности и задачи общины? Общины, будь то семья, коммуна, народ или государство, будь то спортивное объединение, культурное учреждение или школа, будь то предприятие, товарищество или иные формы экономического объединения, имеют служебный характер. Они имеют своим назначением, в соответствии со стоящей перед ними задачей, помогать объединенным в эти общины людям осуществлять свои экзистенциальные цели, свое призвание, реализовывать себя и развиваться. В этом заключается основа их бытия и оправдание их существования.

Но общины существуют не сами по себе, они нуждаются, чтобы существовать и функционировать, в конкретных людях как исполнителях этих функций; общины обладают структурой, предполагающей разделение труда, там есть руководители и руководимые, иерархическое разделение ответственностей и обязанностей. Есть общины, такие, как семья или государство, которые представляют собой первичные основообразующие общины человеческого бытия, то есть являются неотъемлемыми от него, и есть вторичные основообразующие общины человеческого бытия, которые, правда, обогащают общественную жизнь, однако их существование хотя и желательно, но не необходимо, и они подвержены широкому историческому преобразованию.

Каждая из общин имеет конкретную, свойственную ей цель. И она действует в соответствии с этой целью, если ее действия «направлены на общее благо», то есть если она стремится к тому и осуществляет то, для чего она предназначена. Поэтому община полномочна призывать всех своих членов к достижению этой цели, полномочна принимать те меры, которые соответствуют этой цели, иначе она не может существовать и плодотворно работать. Община имеет право делать все то, что необходимо и требуется для ее общего блага. Община нуждается в руководстве, в обязанности и функции которого входит определять и утверждать тре-

бования общего блага и делать их обязательными для всех членов общины. При этом могут возникать конкретные конфликты между отдельными членами и общим благом всей общины. Чье благо имеет предпочтение, сразу определить невозможно – все зависит от иерархии затронутых ценностей. Если община – это касается вторичных основополагающих общин человеческого бытия – лучше помогает отдельному человеку совершенствоваться, чем если бы он был предоставлен самому себе, то такая община имеет смысл. Если же она постоянно требует большего, чем дает, то такая община изживает себя. Последнее в принципе не касается первичных общин человеческого бытия, таких, как семья или государство, однако бывают и такие ситуации, когда конкретная семья или конкретное государство тоже изживают себя, а именно если они не стремятся или не могут больше стремиться к тому, для чего они существуют, если руководители и члены общины потеряли из виду цель. В таких случаях люди ощущают большую пустоту с весьма негативными последствиями для общественной и личной жизни.

СВОБОДА

Конечно, человек свободен! Мы говорим это поспешно и просто, особенно не задумываясь. Но так ли это на самом деле? Можно ли действительно сказать, что человек свободен? Что означает, собственно, понятие «свобода»? В чем состоит свобода? К чему относится свобода? Что имел в виду Фридрих Шиллер, когда сказал: «Человек свободен, даже если он в цепях!»¹

Если мы более внимательно взглянем на действительность и проанализируем ее, то будем вынуждены констатировать:

- не я решал, являться ли мне на свет;
- не я сам давал себе имя;
- я не мог сам себе выбрать ни родителей, ни семью, ни страну, ни народ, ни эпоху, в которую был рожден;
- и свой пол я не мог сам себе определить;
- ни фигура, ни болезнь или здоровье не находятся в принципе в моей власти;
- основные черты моего характера и моего темперамента, мои дарования и таланты даны мне, а не выбраны мною;
- психологи говорят мне, что я подвержен различным влияниям подсознания (Фрейд), которые определяют мои действия и реакции, причем я этого не осознаю, а также воздействию таких феноменов, как массовый психоз, групповое принуждение, влияние воспитания и т. д.

Все это заставляет нас усомниться в том, что мы действительно можем говорить о свободе. Действительно ли свободен человек, если мы во многих отношениях чувству-

¹ Фридрих Шиллер. «Разбойники».

ем себя ограниченными? Мы не можем делать то, что мы хотим. Мы ощущаем внутренние побуждения, эмоции, полноту чувств, которые мы не можем контролировать. Где же тут личная свобода?

Все эти ограничения действительно имеются; и тем не менее мы свободны. Мы суть творения, созданные Богом. Свою сущность мы имеем не от самих себя. Жизнь, все наши таланты нам дарованы. Наше существование есть дар Божий. Но из этого не следует, что мы детерминированы, то есть не обладаем никакой свободой!

Свобода человека не является абсолютной. Мы не оторваны от реальности, которая нас ограничивает. Только Бог свободен в абсолютном смысле.

Свобода – проявление духовной сущности человека

Но мы не должны искать свободу в материальной плоскости, в плоскости детерминизма. Свобода живет и действует в другом, более высоком измерении; свобода есть категория совершенно другого порядка.

Свобода есть изливание духовной сущности, каковой мы являемся. Человек не просто таким рождается, он «становится» человеком. Человек есть не-определенная сущность, которая шаг за шагом сама себя конкретизирует, – конечно, на базе конкретных обстоятельств и его биологических данных, его временных и общественных условий. От его свободной воли, его действий и его энергии зависит, что он из этих обстоятельств и скрытых в них возможностей для своей жизни сделает. Внешний, зримый успех (профессиональная карьера, экономический успех, общественное признание и т. д.) энергичной, инициативной жизни не обязательно является главным. Решающим для человека является раскрытие его сущности в конкретных действиях повседневной жизни (и совершаемых скрытно от людей и находящихся в центре внимания мировой общественности), практикуемые им добродетели, мудрость зрелой личности, радость и любовь, излучаемая им сила, короче говоря: красота его души! Телесная красота увядает, ее можно поддержи-

вать только в определенных пределах, несмотря на все ухищрения салонов красоты, студий «боди-билдинга», операций по подтягиванию морщин лица и на все то, что еще смогут здесь придумать. Вздох сожаления: «Раньше мы были «модными и красивыми», а теперь мы всего только «и» – очень ярко отражает это обстоятельство. В конечном итоге все идет к распаду, к могиле.

Красота же души выходит за пределы смерти. Она отражает в конечном итоге полноту прожитой человеческой жизни. Человек не просто обречен на существование, он становится человеком, он в некотором смысле сам свободно создает себя. Без свободы мы не люди! Без свободы нет ответственности! Без свободы, без свободной воли мы – как пушинка на ветру!

Эти предварительные замечания приводят нас к определению того, что мы понимаем под свободой.

Свобода есть сознательное действие. Свобода есть способность воли что-то избрать. По какому-либо мотиву или позыву я решаюсь именно теперь и действую, целиком соглашаясь со своей волей.

Свобода – actus humanus

В классической философии проводится различие между *actus hominis* и *actus humanus*. Под *actus hominis* понимаются все действия человека, начиная с деятельности его вегетативной нервной системы, системы пищеварения, обмена веществ вплоть до аффектов и порывов. В отличие от этого действия человека, совершаемые сознательно, характеризуются как *actus humanus*.

Плоскость свободы есть плоскость *actus humanus*, сознательных действий. Человек увеличивает степень своей свободы в той мере, в какой он сознательно владеет своими действиями. В данном смысле можно говорить о том, что человек более или менее свободен. Это зависит прежде всего не от внешних обстоятельств, а от внутреннего состояния человека, его осознания самого себя, его дисциплины, его самообладания. Человек, следовательно, не просто так сво-

боден, но свободен в той мере, в какой он хочет быть свободным! Это вопрос аскезы и добродетелей. Особая роль при этом принадлежит добродетели нестяжания, называемой также добродетелью бедности. Более или менее подсознательные зависимости, такие, как похоть, вожделения, страхи, плохие привычки и т. д., делают человека манипулируемым. Комфорт, тяга к наслаждениям, боязливость и малодушие, желание «иметь», тщеславие и т. д. ограничивают свободу человека, в то время как добродетели, такие, как правдивость, ум, мужество, воспитанность и чувство меры, помогают укреплять и умножать личную свободу. Отсюда становится понятным, что свобода в первую очередь есть задача, высшее благо, которое каждый должен прежде всего обрести для себя сам. Свобода, таким образом, заключается не в том, чтобы делать или позволять делать что кому вздумается. Такое понимание свободы ведет к своеволию и зависимости, а не к истинной свободе.

Свобода – не только эмансипация, свобода от чего-то...

Здесь звучит призыв к свободе, сформулированный в эпоху Просвещения, а именно: освобождаться от изжившей себя незрелости – хотя и явно в другом смысле, чем это понимали философы-просветители XVIII столетия. Под своим понятием свободы, совершенно в духе индивидуального либерализма, они подразумевали скорее эмансипацию, освобождение от всяких ограничений, моральных запретов, общественных конвенций и прочих ограничивающих индивида традиций. «Освободить свободу» – гласит лозунг социально-либеральных сил, которые неизбежно склоняются к маоистской идее перманентной революции, хотя в свое время к нему пришли от индивидуализма, а Мао свою теорию развил на основе коллективистско-социалистической идеологии. Под этим лозунгом сегодня ведется агитация за аборты («Мой живот принадлежит мне!»), за равноправие однополых браков (гомобраки), за помощь в приближении смерти (эвтаназия), за сексуальное освобождение, против

брака и семьи, против права родителей на воспитание своих детей и против моральных заповедей Церкви. Понятие свободы, которое стоит за этой тенденцией, рассматривает свободу только как непричастность, как свободу от любой формы ограничения, как свободу от любых привязанностей. Тем самым свобода становится пустым негативным понятием.

...но также свобода для чего-то

Этому противостоит христианское понятие свободы. Оно исходит из того, что каждый человек есть особый замысел Бога, который его сотворил, который дал ему на дорогу конкретные таланты и характер, который поместил его в конкретную эпоху, в народ, в семью и определил ему тем самым более или менее точно очерченное задание в жизни. На этом фоне быть свободным означает выбирать, реализовывать свободу и развивать свои таланты и склонности. Это свобода для чего-то, сформулированная позитивно.

Свобода – это не только возможность выбирать, нет, свобода проявляется в самом выборе. Например, выбор жениться есть выражение свободы; но, однажды женившись, человек не освобождается от свободы, но она теперь заключается в верности однажды принятому свободному решению. Ибо если я не выбираю, моя свобода остается только потенциальной, она существует только как возможность, но не становится реальностью. Свободный человек реализует себя сам именно тем, что он выбирает. Для этого требуется мужество. Боязливый человек не свободен, он не может самореализоваться.

Выбирать – значит чем-то жертвовать! Выбирать – значит решаться и определяться. Свобода есть, таким образом, самоотдача и жертва; ибо, принимая решение выбрать альтернативу «А», я отвергаю все другие альтернативы.

Свобода реализуется не в безвоздушном пространстве. Свободная деятельность связана с реальностью. Свободная воля нуждается в руководстве с помощью практических правил относительно того, что делать и чего избегать. Такие

правила человек находит в предписанном его сущности нравственном порядке. Это имеет нечто общее с познанием истины и с ответственностью. Veritas liberabit vos – истина сделает вас свободными. Истина, таким образом, вовсе не сужение свободы, она – основа свободной деятельности. В нравственном законе – или, выражаясь еще лучше, в своей совести, в которой отражается нравственный закон, – каждый человек слышит волю Божию. Но и это никакое не сужение; ибо Богу угодны совершенство человека, его самореализация, его святость.

Свобода требует ответственности

Свободный человек должен отвечать за свои действия и свои промахи. Перед кем он должен отвечать, перед кем нести ответственность? Перед своим начальником, перед своим работодателем, своей семьей, своим народом и своей страной, а в конечном итоге, что касается всей его жизни, – перед Богом, который дал ему жизнь как задачу.

В отличие от животного, которое живет только в биологическом смысле, вся сущность которого определяется инстинктом, которое не может само себя определять и поэтому не может само ошибаться, потому что не обладает духовной свободой, – в отличие от животного человек сам прокладывает себе свой путь. Он имеет призвание саморазвиваться, творить себя как личность. Но при этом он должен также учиться владеть собой, ибо если он позволяет себе распускаться, то утрачивает свою внутреннюю свободу и становится игрушкой в руках своих страстей. Своеволие не следует путать со свободой. Я не свободен, если просто делаю только то, что приходит мне в голову, к чему я имею желание. Самообладание есть предпосылка свободной деятельности.

Свобода, таким образом, – это добродетель, практический идеал. Человек призван скорее брать быка за рога, чем плестись в хвосте событий. К сожалению, такое случается довольно часто. Кёльнский архиепископ кардинал Майснер выразил это однажды так: «Каждый человек рождается как

оригинал, но многие умирают как копия!» Каждый человек должен сам определить свой жизненный проект, свою задачу или, лучше сказать, свое призвание, которое дал ему Бог, и добровольно принять это свое призвание. В этом смысле нет никакого принципиального противоречия между послушанием и свободой, особенно пред волей Божьей.

Без цели, без вызова не может быть никакой свободы! Если ты не знаешь, куда хочешь отправиться, то любой ветер будет дуть не с той стороны! Каждый человек творит себя сам благодаря тем решениям, которые принимает: решениям что-то делать, равно как и решениям чего-то не делать. Насколько это верно, показывают примеры однойцевых близнецов, которые биологически совершенно идентичны и получают равное воспитание, но в ходе своей жизни вырастают как самостоятельные и совершенно различные личности.

Социалистическое понятие свободы

В посткоммунистических странах предпринимаются усилия опять привить сознание того, что свобода есть добродетель, практический идеал. Социалистическое понятие свободы, понимаемое как подчинение исторической необходимости, коренящейся в экономике и технике (по Ленину, свобода есть осознанная необходимость действовать в соответствии с заложенными в природе законами), рассматривает свободу с коллективистской и материалистической точки зрения, то есть как свободу человека (коллектива) от внешних ограничений его (коллективной) воли. Она находит выражение в уровне материального обеспечения человека (коллектива); но при этом индивидуальная инициатива воспринимается с недоверием. Самую большую угрозу свободе социализм видит в основанных на частной собственности производственных отношениях и в связанном с этим господстве человека над человеком. Поэтому социализм считает главным условием социального освобождения социализации национализированной, централизованно управляемой экономики. Следуя Руссо, согласно которому все люди

в отдельности подчиняются общей воле (*Volonte' Generale*), представляющей собой волю всех участников общественного договора, так что в конечном итоге каждый человек подчиняется сам себе и поэтому остается свободным, социализм также считает, что вся власть исходит от народа, и при послушании социалистическому государству каждый гражданин подчиняется самому себе и остается свободным.

Тем самым свободы становятся правами, которые государство предоставляет своим гражданам. А социальная зависимость рабочего упраздняется посредством национализации и коллективной собственности.

Такое идеологическое понятие свободы глубоко укоренилось в сознании людей в посткоммунистических странах. Позиция выжидания, убеждение, что все должно прийти сверху, от государства, ориентация на чисто материальные вопросы ведут к тому, что настроенность на перемены, радость участия, мужество для риска и развития собственных сил, талантов и представлений складываются очень медленно. К тому же в некоторых из этих стран еще отсутствуют политические и правовые условия, в рамках которых могут развиваться свободные инициативы и свободное предпринимательство без бюрократических препятствий.

Общественные свободы

Как же выглядит соотношение между личной свободой и обществом? Мы говорим здесь об «общественной свободе», в отличие от свободы воли индивида. Она охватывает религиозную, гражданскую, политическую, экономическую и социальную свободу.

В этой связи нам следует еще раз более подробно остановиться на вопросе о взаимосвязи между послушанием и свободой. В отношении Воли Божьей мы констатировали, что нет никакого принципиального противоречия между свободой и послушанием. Каждый человек, согласно христианскому мировоззрению, есть своеобразный замысел Божий, который дает ему особое призвание. Воспринимать и развивать это призвание свободно, то есть по собственной воле,

и составляет жизненную задачу каждого, но в этом заключается в конечном итоге и достоинство каждого человека. Если отдельный человек полностью реализует замысел, который имел в отношении его Бог, тогда он реализует себя, достигает полноты своей жизни. Послушание Богу есть, таким образом, высшая свобода и высшее послушание по отношению к самому себе.

Призвание человека каждый раз индивидуально, но осуществляется оно на фоне его бытия как части человеческого рода. Человек не может абстрагироваться от того, что он становится личностью, то есть, с одной стороны, выступает как индивид, а с другой – как социальное явление. Для своего развития и раскрытия каждый человек в отдельности нуждается в общении и сотрудничестве с другими людьми, а через исполнение в жизни своего призвания, через свое общественное сотрудничество он способствует развитию других. Таким образом, человек при всей своей индивидуальности является общественным существом. Это также часть его творческой харизмы. Порядок сосуществования людей не является произвольным, но должен соблюдать некоторые основные принципы, которые заложены в природе вещей. Нравственный порядок как таковой также представляет собой изливание творческой Воли Божьей.

Индивидуалистические теории договорного государства

Сводить общественный и государственный порядок исключительно к свободному договору между автономными и в принципе автаркическими индивидами, как это предлагают индивидуалистические теории договорного государства (Руссо: «*contrat social*», контролирующее государство при «манчестерском капитализме»), было бы совсем недостаточно. Согласно этим теориям общественный порядок можно формировать произвольно. Такие взгляды имеют практические последствия, как мы могли конкретно видеть в случае с уже названными актуальными темами (например, однополые браки; либеральные законодательства о разводе и т. д.). По-

слушание – по собственному вкусу – или признается как производное от собственной свободной воли, или же отвергается как противоречащее свободе. Такая позиция очень точно передается в современном выражении «критическая солидарность»: «солидарность», если это кому-то на данный момент удобно, «критическая», если она уже кому-то не нравится.

Принципы взаимоотношений между личностью и обществом

Христианская позиция значительно отличается от такого понимания, что уже было подробно изложено ранее. Достаточно указать на понятие справедливости. Наряду со справедливостью обмена (равноценный обмен товарами и услугами между людьми) оно включает в понятия контрибутивной и дистрибутивной справедливости также и общественное измерение. Названные понятия регулируют взаимоотношения между обществом и отдельными людьми не по принципу равенства, а по принципу потребности и производительности. Развитие человека требует его включения в общину. При этом есть такие общины – государство или семья, – которые вписываются в природу человека, и есть другие, которые формируются согласно свободной воле человека.

Из самой природы вещей вытекает разграничение подчиненности и ответственности, которые являются определяющими для конкретных взаимных отношений между личностью и общиной; иными словами, складываются правовые нормы, которые, как вытекающие из природы личности и общины, представляют собой подлинные естественно-правовые нормы.

В отношении порядка взаимозависимости между личностью и общиной действует общий принцип: там, где личность зависит от общины, преимущество отдается общине; но если личность возвышается над общиной, то преимущество за личностью.

Что означает это конкретно? Целое всегда предшествует части! Это касается также и человека в отношении об-

щины, поскольку личность получает свое бытие от общины. Преимущество общины перед индивидом подразумевает претензию общины на индивида, ибо на то, что он получил от общины, община в свою очередь может предъявить претензии. Особенно отчетливо данное положение проявляется в семье.

В материальной, а также духовной и персональной сфере жизни по крайней мере внешнее развитие и проявление человека подчинено общине; ибо развитие и выражение как духовного, так и персонального бытия обусловлено общиной. Поэтому община может предъявлять по отношению к индивиду тройную претензию.

1. Если отдельное лицо враждебно настроено по отношению к общине или вредит общине своим поведением, община может ограничить его персональную свободу (штрафные законы и т. д.).

2. Если существование или важные основы общины подвергаются опасности, община может потребовать от отдельного лица ограничений, хозяйственной жертвы вплоть до пожертвования жизнью (например, в случае войны). Каждый отдельный человек обязан отдавать свои духовные и физические силы общине, если та этого потребует.

3. Община осуществляет контроль и высшее руководство во всех сферах жизни, от которых зависит бытие каждого отдельного человека; община должна проявлять бдительность и действовать позитивно, чтобы во всех этих сферах соблюдались интересы общины (общее благо).

Из жизненной зависимости личности от общины вытекают глубокие зависимости и претензии общины к отдельной личности. Воспринимать это как ограничение свободы было бы выражением одностороннего понимания свободы, которое выдвигает на первый план индивидуальную непричастность. Апостолы Петр и Павел требуют от христиан уважения и подчинения легитимным государственным авторитетам (1 Пет. 2, 13–17; Рим. 13, 1–7).

В свою очередь на общину также налагаются абсолютные ограничения; ибо там, где личность в бытийном отношении превышает общину, – там личность имеет преимуще-

щество и там кончаются полномочия общины. Абсолютное достоинство человеческой личности запрещает делать человека простым средством для достижения земных целей, будь то даже в интересах общины. Она не может быть лишена внутренней свободы и самостоятельности; ее совесть должна уважаться, и она не может быть лишена ответственности за самую себя. Это особенно и прежде всего должно учитываться в свете ее трансцендентного предназначения.

Общественные свободы базируются на основных правах человека

Общественная свобода заключается в самоопределении человека в свете его экзистенциальных целей (по терминологии Йоханнеса Месснера) – или его призвания – без препятствий со стороны отдельных людей или общества. Исключительно только общее благо вправе ограничить человека в преследовании его личных интересов. В экзистенциальных целях (например, развитие личности) кроется источник исходных прав человека на свободу. Таким образом, свобода базируется на правах, а не права базируются на свободе. Абсолютные основные права нашли свое выражение во Всеобщей декларации прав человека ООН от 10 декабря 1948 г. и в других последующих документах, таких, как Хартия прав человека Совета Европы и т. д. Они стали частью многих демократических конституций, например сводом основных прав человека в конституции Федеративной Республики Германии.

О современном свободном и социальном правовом государстве можно говорить лишь в том случае, если основные права человека уважаются в полной мере. К ним относятся свобода совести и вероисповедания, равно как и право на собственную жизнь, уважение личности, правовая защита от произвольного вмешательства в личную жизнь, короче, все, что входит в понятие гражданских прав. Ядром политических свобод являются права на выражение собственного мнения, на свободу прессы и демонстраций, а также право на свободу собраний и объединений и право на

участие в организации и управлении общественной жизнью. Часто недостаточное внимание обращается на основные экономические права: право на собственность, право на свободный выбор профессии, право на свободную предпринимательскую деятельность, будь то свободное предпринимательство или работа по найму. К социальным правам человека относятся право на образование и участие в культурной жизни, право на брак и семью, а также право на воспитание собственных детей, равно как и право на социальную безопасность и обеспечение необходимого содержания для себя и своей семьи.

Государство – через действия своих ответственных политиков – постоянно склоняется к тому, чтобы ограничить эти свободы, будь то по идеологическим соображениям, в результате злоупотребления властью или от чрезмерной заботы, если, например, обязанность по обеспечению жизненного содержания выполняется столь усердно, что государство превращается в благотворительное, или распределяющее, государство, а своей бюрократией сковывает собственную инициативу граждан, их экономические свободы. Государство становится тоталитарным государством, если оно навязывает своим гражданам цели, которые уже не отвечают их интересам, если оно воспринимает себя уже не как служащее государство, а как самоцель, для достижения которой граждане используются лишь как средство. Такое государство становится неподвижным, связанным своим планированием, неповоротливым в своем функционировании, потому что оно из свободных, ответственных людей делает безымянных функционеров. Оно становится противоположностью того, что Аристотель называет хорошим государством, «государством свободных людей», которое руководствуется не принуждением, а свободной ответственностью своих граждан.

ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ – ПРАВО И ЗАДАЧА ОДНОВРЕМЕННО

Из основных политических и общественных принципов наименее известен, можно даже сказать почти неизвестен, принцип subsidiarности. Это объясняется прежде всего самим этим словом, которое само по себе отнюдь не каждому сразу понятно.

Свобода, равенство, братство – таковы были лозунги Французской революции, произошедшей более 200 лет назад. Эти лозунги в том или ином варианте появляются в программах различных партий, когда выражаются основные, важнейшие ценности. Так, в основополагающую программу германской ХДС включены три программных слова: свобода, справедливость и солидарность. У немецких социал-демократов (СДПГ) это звучит похоже, но все же несколько иначе; там можно прочитать: свобода, равенство, солидарность.

В обеих программах мы не встречаем слова «subsidiarность», или во всяком случае не в первую очередь. Может быть, его значение не столь уж важно? Напротив! Принцип subsidiarности есть принцип свободы социальных общин и гарант личной свободы каждого их члена; ибо что останется от личной свободы, если не будет свободы семьи, или свободы предпринимательства, или свободы культуры?

Экскурс: Слово против понятия

Но прежде чем мы углубимся в данное понятие и в значение данного социального принципа, позволим себе сделать небольшой экскурс.

Мы только что видели, что программные слова различных партий по меньшей мере похожи. Но при ближайшем рассмотрении приходится констатировать, что за каждым

из этих слов скрываются совершенно различные понятия, в зависимости от того, какова мировоззренческая позиция партии. И здесь обнаруживаются значительные различия. Возьмем хотя бы слово «свобода». Индивидуалист понимает под свободой нечто совершенно иное, чем, например, социалист. Оба говорят о свободе, но понятие, содержание идеи свободы совершенно различно и определяется соответствующим представлением о человеке (см. главу «Свобода»). Для нашей дискуссии важно знать, что эти различия имеются; иначе мы не поймем позиции различных партий или окажемся в плену поверхностных слов, не замечая, что свобода, как ее понимают, например, коммунисты, – это нечто иное, чем свобода в понимании христианина.

Философы знают: слова многозначны, одно и то же слово может иметь два или более значений. Например, немецкое слово «Schloss» может означать «дверной замок» или «королевский замок».

Но, с другой стороны, есть слова однозначные, слова, в которых звук и содержание отражают духовное содержание того, что имеется в виду.

Subsidiarность – существенный принцип христианского социального учения¹

Теперь вернемся к принципу subsidiarности. Современная общественная и политическая жизнь в значительной степени находится под влиянием идей Французской революции, которая в свою очередь испытала влияние со стороны индивидуалистических, или либеральных, идей. Для них социальная природа человека² не играет никакой роли. Человек понимается как автономный и автаркический индивид. Есть свобода объединяться – на договорной основе, разумеется, – но общины всегда рассматриваются с индивидуалистической точки зрения пользы.

¹ Принцип subsidiarности впервые изложен в социальной энциклике Пия XI «Quadragesimo anno» (1931).

² См. главу «Антропология».

Коллективистские течения и идеологии тоже не знают, что делать с понятием субсидиарности. Отдельный человек так или иначе является частью коллектива (расы, класса, народа и т. д.) и должен следовать закономерностям истории; зачем же тогда особые права на свободу для взаимодействующих общин?

Христианское же социальное учение рассматривает действительность общества в более сложном и более полном аспекте. Речь идет о наиболее действенной форме его организации, или, лучше сказать, о наиболее действенном порядке общества, которое состоит из множества небольших самостоятельных жизненных кругов, которые образуют богатство и творческое разнообразие, пестроту жизни людей.

Принцип субсидиарности представляет собой одну из главных ценностей христианско-демократической политики. Мы можем различать:

Субсидиарность как объективный принцип. Здесь мы спрашиваем себя, кто может лучше решить задачу по существу: отдельное лицо, семья, группа/объединение, община, регион, государство или международное сообщество государств?

Субсидиарность как правовой принцип. Речь идет о защите отдельного человека или малых групп от опеки со стороны вышестоящих инстанций. Здесь принцип обеспечивает право на собственную экономическую, политическую и художественно-интеллектуальную инициативу и тем самым на собственную ответственность за свои действия. Это относится не только к личности, но и к малым общинам (семья, приход, соседи и объединения). Важной темой при этом становится коммунальное самоуправление, тарифная автономия и свобода объединения.

Наконец, мы можем выделить еще *субсидиарность как социальный принцип* в собственном смысле. Под этим имеется в виду, что вышестоящая инстанция или организация может вмешаться только в том случае, если отдельная или малая община по какой-то причине не в состоянии длительное время выполнять свою задачу. Возникшая трудность может иметь длительный или всего лишь временный харак-

тер. В последнем случае вышестоящая инстанция должна сразу же отходить на задний план, если нижестоящая опять в состоянии функционировать. Это можно назвать помощью для самопомощи. Как социальный принцип субсидиарность переплетается с понятием солидарности и помогает пониманию смысла и задачи любой общины: создавать условия для того, чтобы в рамках общественной задачи ее члены развивали свою личность и вели по-человечески богатую жизнь.

После только что сказанного мы можем попытаться дать первое определение: принцип субсидиарности ставит человеческую личность в центр процесса принятия каждого решения, в результате чего община становится ближе к человеку и его проблемам и тем самым заявляет о приоритете малых жизненных кругов перед анонимными крупными общинами.

Субсидиарность заложена в социальной природе человека

Что это означает? Мы вновь и вновь возвращаемся к основным вопросам антропологии. В центре христианского мышления стоит человек или, лучше сказать, личность, рассматриваемая в тройственном звучании ее индивидуальной природы, ее социальной природы и ее трансцендентной природы. Каждый человек нуждается в общении и сотрудничестве, чтобы развиваться как личность. Каждый человек сам по себе и сам в себе недостаточен, он ограничен. Он нуждается в постоянном совершенствовании. Ему нужна материнская забота в младенческом возрасте, ему нужно признание в более зрелые годы его жизни, ему нужна экономическая база общества, в котором он работает, нужны технические и научные изобретения других. Он пребывает во временной взаимосвязи поколений, он – часть народа, культуры. Это, так сказать, телесное, материальное или негативное выражение его социальной природы, негативное, потому что речь идет в первую очередь о том, в чем он нуждается.

Выражаясь позитивно, можно сказать, что человек совершенствуется, развивает свои способности и дарования

только в общении с другими. Развитие человека возможно лишь при том условии, если он имеет доступ к миру культуры. Под культурой здесь понимается сумма знаний, которые к данному моменту накоплены в обществе. Один дух воспламеняет другой! Интересные дискуссии пробуждают жажду познания! Технологии возбуждения умов, порождения идей базируются именно на этом процессе общественной ассоциации. Человеческая эволюция носит не столько биологический, сколько культурный характер. Люди каменного века в Папуа – Новой Гвинее биологически имели те же языковые возможности, ту же структуру мозга, что и мы; различие между ними и нами заключается в эволюции культурного и цивилизационного развития.

Духовный аспект социальной природы человека в полной мере выступает на передний план тогда, когда проявляются такие принципиальные человеческие феномены, как любовь, доверие, благодарность и т. д. Эти основополагающие человеческие чувства можно испытать только в общении. Богатство талантов, высших ценностей личности может раскрыться только в ходе общения. Общество помогает каждому отдельному человеку развиваться, оно питает каждого человека духовно, культурно. Но одновременно и каждый отдельный человек, развивая свои таланты в общении с другими, способствует культурному и человеческому обогащению своего общества. Он формирует общественное и культурное окружение. Особенно отчетливо это видно на примере таких гениев, как Моцарт и Бетховен, которые, еще будучи детьми, смогли развить свои музыкальные таланты, а позднее, движимые своим собственным гением и творческой силой, смогли одарить человечество великолепными произведениями. Расцвет культуры является, таким образом, позитивным выражением социальной природы человека и требует свободы, пространства для творчества и инициативы каждого в отдельности и целых отдельных групп и общин.

Цель каждой общины субсидиарна; она оказывает помощь в развитии человека – естественную (семья, госу-

дарство, свободные общины) и сверхъестественную (Церковь). При нормальной общественной жизни особая роль отводится государству. Его роль заключается в том, чтобы организовывать сосуществование людей и человеческих сообществ. Оно служит гарантом мира внутреннего и внешнего. По этой причине оно может претендовать на монополию в осуществлении насилия. Истинный мир воцаряется в государственном образовании только тогда, когда жизнь его граждан протекает в атмосфере права и справедливости. Мир есть не только отсутствие насилия и хаоса, но и в первую очередь всесторонне обеспеченная справедливость. Поэтому государство призвано быть прежде всего правовым государством. Современным образцом западноевропейских демократий является социальное правовое государство. Конституции западноевропейских государств и различные декларации Совета Европы и ОБСЕ защищают основные права и свободы граждан и не допускают никакого вмешательства государства в их внутренние дела; ибо эти основные права и свободы присущи человеку и человеческому сообществу по их природе, они основываются на творческой Воле Божьей, и никакое государство в мире не имеет никаких законных оснований ограничивать эти права и попираť их во имя собственного суверенитета. В противном случае оно утрачивает свою легитимность и не выполняет своего предназначения.

Тройное пространство общества

Задача государства заключается в том, чтобы организовывать сосуществование людей таким образом, чтобы каждый гражданин мог развивать и раскрывать свою личность. И это должно осуществляться именно в смысле его трансцендентного предназначения. В трансцендентном предназначении заключается в конечном итоге достоинство каждого отдельного человека, в силу которого он не может быть использован просто как средство.

Выполняя свою организующую функцию, осуществляемую посредством права и закона, а также обладая монополией на насилие, государство как бы простирает защитный зонтик, под которым может развиваться все сообщество. Так между личностью с его семьей и государством возникает «пространство общества». Это пространство охватывает три сферы.

Экономика

Прежде всего оно охватывает сферу экономики. Речь идет об основополагающем праве человека на свободный выбор профессии и экономическую деятельность, а также на собственность, в том числе и средств производства. Государство должно обеспечить действие законов, которые гарантируют свободную и честную конкуренцию, предотвращают обман потребителей, экономическую преступность и коррупцию, поддерживают малые и средние предприятия и здоровые условия труда для всех. Стабильность стоимости денег является одной из важнейших задач разумной экономической политики, так как стабильность денег выражает уважение к стоимости труда. Инфляция же – это своеобразное воровство. Рынок может служить выражением подлинной перманентной демократии, и даже в большей степени, чем решение большинства в политической демократии. При свободном рынке удовлетворяются даже потребности меньшинств, если они достигают определенного объема и могут рентабельно обслуживаться. Каждое решение о покупке является, так сказать, свободным демократическим выбором.

Свободная и социальная рыночная экономика является наилучшим порядком для обеспечения свободы и благосостояния всех граждан. Но он требует политики свободных рук, которая ориентируется на общее благо и постоянно стремится к тому, чтобы найти стратегическую формулу, как помогать каждому отдельному человеку в преследовании его личных, даже эгоистических интересов и одновременно служить общему благу¹.

¹ См. главу «Социальная рыночная экономика».

Коммунальное самоуправление

Следующей сферой пространства общества является коммунальное самоуправление. Каждый гражданин имеет право участвовать в управлении публичными делами прямо или через свободно избранных представителей. Это касается не только государства, но в еще большей степени малых общин, которые имеют непосредственное влияние на конкретную повседневную жизнь людей. Государство живо гражданским сознанием, которое выражается прежде всего в творческом участии граждан в местных корпорациях. Субсидиарность есть, таким образом, не только децентрализация, но и выражение локальной автономии.

При распределении компетенций между государством и различными уровнями территориальных корпораций, которые и образуют государство, высшая инстанция не должна присваивать себе те компетенции, которые могут по крайней мере так же хорошо или в достаточной мере выполняться на более низком уровне.

Вышестоящая инстанция может вмешиваться в дела низшего уровня, оказывая при этом помощь, только в том случае, если нижестоящая инстанция не в состоянии в какой-то области самостоятельно и удовлетворительно выполнить свою задачу; но как только проблема решена, вышестоящая инстанция должна тотчас же отойти на задний план.

Принцип субсидиарности, который твердо закреплен в Европейской хартии коммунального самоуправления, часто нарушается. Во многих странах государство не обеспечивает общины достаточными средствами, чтобы те могли выполнять свои задачи, более того – на них возлагаются дополнительные задачи, не подкрепленные соответствующими средствами (принцип протекции). Министры и высшие государственные чиновники разыгрывают из себя благодетелей, разъезжая по стране и держа местные общины в «золотой узде».

Гражданское общество

Наряду с экономикой и коммунальным самоуправлением имеется еще большая сфера гражданского общества – сфера культурных, социальных, религиозных, спортивных и других объединений, гражданских инициатив, фондов.

Принцип субсидиарности применим не только к взаимоотношениям между государством, обществом и его гражданами. Он действует также во всех общественных организациях, профсоюзах, объединениях и т. д.¹ Это касается и перекрестных связей между территориальными корпорациями и местным гражданским обществом. Лучше, если детские сады, спортивные и молодежные центры находятся в ведении гражданского общества, а община ограничивается тем, что посредством дотаций и других видов помощи поддерживает эти автономные структуры и делает все это сама.

¹ Принцип субсидиарности есть принцип свободы общества, который регулирует взаимоотношения между вышестоящими общественными инстанциями и меньшими автономными общинами и инициативами. Аналогичным образом этот принцип может быть применен к производственным организациям. Процесс производства товаров и услуг должен организовываться в соответствии с эффективностью техники и технологии. Вполне естественно, что в свете четко поставленных задач остается совсем мало места для свободного, по собственному вкусу организуемого автономного выбора в достижении цели. Тем не менее организационным наукам известно мотивирующее воздействие делегирования и передачи ответственности. Модели «profit-center», децентрализованные производственные структуры, рабочие группы, менеджмент «by objectives» и т. д. являются выражением понимания того, что человек должен не просто функционировать, но и вкладывать себя в работу как личность. Для каждого предприятия ценно иметь мотивированных сотрудников, которые приносят в дело всю свою личную творческую энергию. А это предполагает свободное пространство для соучастия в процессе принятия решений, а также в некоторой степени ответственности. Но перед законом несут ответственность те лица, которые по закону или уставу выполняют руководящие или представительские функции. Они могут делегировать отдельные задачи, но не всю ответственность в целом.

Демократический централизм противоположен субсидиарности

При «демократическом централизме» тоталитарных режимов государство или партия стремятся сузить пространство общества, национализируя экономику, лишая локальные территориальные корпорации их автономии и подминывая под себя гражданское общество. Индивид оттесняется в свою частную сферу, но и там государство старается осуществлять контроль, пытаясь заменить даже семью: дети – среди юных пионеров, родители заняты общественной деятельностью в своих коллективах. Авторитарные режимы, как правило, не заходят так далеко, как тоталитарные режимы, но значительно ограничивают свободу в тех сферах, которые важны для удержания власти.

В отличие от этого демократическое государство, а в еще большей степени самосознательное, свободолюбивое общество следят за тем, чтобы государство не ограничивало поле жизнедеятельности своих граждан. Принцип субсидиарности предполагает не только право на уважение свободного общественного пространства со стороны государства, но также обязательство гражданского общества посредством собственного ангажмента фактически заполнять это свободное пространство. Сладкий яд благотворительного государства, государства, которое заботится обо всем и по возможности освобождает своих граждан от жизненных рисков, парализует свободную волю общества. Именно для граждан посткоммунистических стран характерна позиция выжидания, позиция претензий по отношению к государству. Демократическое переустройство этих обществ может быть удачным лишь в том случае, если гражданское общество будет серьезно относиться к своей ответственности и обязанности фактически заполнять свободное общественное пространство. Субсидиарность поэтому есть одновременно и право и задача.

СОЛИДАРНОСТЬ – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ХРИСТИАНСКОГО СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНИЯ

В предыдущем разделе мы подробно рассмотрели социальный принцип субсидиарности. Он является принципом свободы социального общества и одновременно гарантирует личную свободу каждого человека. Теперь мы хотим обратиться к другому основополагающему социальному принципу – принципу солидарности. Этот принцип является основой любого человеческого общества.

Как можно определить этот принцип? В первом приближении можно сказать: солидарность есть, во-первых, взаимное обязательство между членами сообщества и самим сообществом, а также между сообществом и его членами, а с другой стороны, в более широком смысле – взаимная помощь и поддержка между членами сообщества. Короче говоря, солидарность есть социальная дружба.

В этой попытке определения мы узнаем трехстороннюю структуру справедливости: контрибутивную справедливость (называемую также легальной справедливостью, то есть обязательство отдельной личности в меру своих сил способствовать благу сообщества), дистрибутивную справедливость (которая имеет в виду оказание помощи со стороны сообщества каждому отдельному его члену) и выраженную в несколько отвлеченной форме коммутативную справедливость (которая как обменная справедливость имеет в виду равноценное «do et des» между отдельными лицами; здесь же, в смысле солидарности, справедливость имеет аналогичное значение взаимоотношения между отдельными членами внутри одного сообщества). Солидарность и справедливость не означают одного и того же, но в основной структуре взаимоотношений они схожи.

Понятие солидарности происходит из области финансов, от так называемого общедолгового обязательства, или солидарного обязательства. Оно имеет место тогда, когда, например, несколько лиц вместе получают ссуду и несут за это ответственность перед банком. В таком сообществе все члены вместе и каждый в отдельности несут ответственность за процветание и благополучие сообщества или совместного проекта, хотя эта ответственность может быть различной в зависимости от функции и обязанности каждого. Вовне же, в отношении кредитора все члены несут совместную ответственность, а также каждый в отдельности со своей стороны, за всю полученную ссуду.

Лозунг и три понятия солидарности в зависимости от взгляда на человека

Данная концепция, заимствованная из области финансов, была подхвачена социальными учениями, и мы можем выделить – в зависимости от лежащего в их основе взгляда на человека – три принципиально различных понятия общественной солидарности.

1. Согласно индивидуалистической интерпретации солидарности в строгом смысле этого слова не существует. Либеральный индивидуализм признает обязательство солидарности лишь в том случае, если она опирается на договор. То есть если личные интересы и интересы сообщества согласуются, то договор солидарен, в противном же случае – нет. Наглядным примером может служить индивидуалистическая позиция по отношению к браку и разводу. Брак рассматривается лишь как договор, который, если интересы супругов расходятся, посредством соответствующей процедуры (развод) может быть расторгнут. То обстоятельство, что, сказав друг другу «да», супруги вступают в союз, который вписывается в человеческую природу и поему представляет собой нечто большее, чем просто индивидуальный договор, во внимание не принимается.

2. Коллективистский подход можно объяснить на коммунистическом примере: солидарность рассматривается

здесь как боевое понятие в рамках классовой борьбы. Солидарность проявляется лишь по отношению к рабочему классу и партии, которая возглавляет рабочий класс; со всеми другими группами, которые не стоят на острие революции, солидарности нет, это классовые враги, реваншистские или реакционные силы.

3. Персоналистская интерпретация, или христианское толкование солидарности, охватывает все социальные группы общества, особенно слабых и бедных. Солидарность есть основополагающий социальный принцип, который вытекает из социальной природы человека и является конкретным выражением социальной любви. В глобализованном мире она охватывает также другие народы и нации, причем здесь должен учитываться порядок любви: из-за «любви к врагу» не следует пренебрегать «любовью к ближнему».

Почему можно сказать, что принцип солидарности является основополагающим принципом, который вытекает из человеческой природы, вписан в человеческую природу Творцом? Почему обязанность к солидарности является обязанностью, которая свойственна человеческой природе, то есть носит естественно-правовой, нравственный характер?

Солидарность – нравственная обязанность...

Конечно, есть обязательная солидарность на основании договора. Этого никто не будет отрицать. Если, например, я записываюсь в какое-нибудь спортивное общество или вступаю в какое-то культурное объединение, я должен по меньшей мере заплатить вступительный взнос, принимать участие в клубной жизни, как это предусмотрено уставом, соблюдать который я обязуюсь своим вступлением.

Но как обстоит дело с основополагающими общинами: семьей, государством, народом, Церковью? Мы рождаемся в определенной семье, принадлежим к определенному народу. Не существует никакого подписанного мною договора, который определяет мое существование в семейном союзе Мюллер или Шмитц. Меня об этом предварительно не спрашивали! Мои родители повинны в том, что я живу, —

почему же я должен быть с ними солидарен? Этот вопрос и этот скрытый упрек некоторые молодые люди, прежде всего в период полового созревания, часто адресуют своим родителям.

Здесь речь идет о первичных конститутивных общинах человеческого бытия. Личность обязана этим общинам всей своей жизнью, только в общине и благодаря общине она вообще существует и может существовать. При этом отнюдь не исключается ее собственная творческая деятельность, но эта деятельность отдает предпочтение общине или осуществима только в общине¹. Государство имеет своей перво-степенной задачей организовывать совместное существование людей. Без наличия государства никакая цивилизация не может развиваться выше примитивной племенной жизни. Эту истину наглядно демонстрируют все высокие культуры, имевшие место в истории человечества, будь то древний Египет или царства в Месопотамии, греческие города или европейская история после великого переселения народов. Человек должен раскрываться и далее развиваться культурно, экономически, технически и духовно. Но он может это делать только в том случае, если наличествует соответствующее окружение. А это окружение в свою очередь нуждается в государственных структурах, чтобы вообще функционировать. Поэтому можно с полным правом сказать, что государство как первичная конститутивная общность было вписано Богом в социальную природу человека. Конкретная же форма государства – будь то демократия, монархия или любая другая форма – зависит от соответствующей исторической ситуации, от зрелости и воли людей. Никаких естественно-правовых норм относительно единственно правильной формы государства не существует.

То же самое относится к семье и Церкви, которые по природе своей также принципиально необходимы для развития человека. В этой связи и семья, и государство вправе требовать солидарности от членов семьи, от граждан государства.

¹ См. также «Основы христианской антропологии».

Таким образом становится очевидной ошибка индивидуализма: человек не является ни автономным, ни автаркическим; он не может оторваться от общества, он всегда – кто-то больше, кто-то меньше – связан с обществом. Есть и то и другое: общества на базе договора, так называемые свободные общества, и общества, которые существуют не только по воле человека, но вписаны в его природу. Так как никто не может оторваться от общества, то принцип солидарности является следствием социальной природы человека.

...и главный принцип права

Каждый человек нуждается в общении и сотрудничестве, чтобы развиваться как личность и чтобы выжить, и одновременно каждая человеческая община нуждается в сотрудничестве и вкладе со стороны каждого своего члена, чтобы выполнять свою задачу. Это основа солидарности.

Личность и община взаимно влияют друг на друга своими нравами и обычаями, публичным выражением мнения, или мужеством ради истины, экономическими решениями в рамках инвестиций и потребления, политическими решениями, например через выборы. Существует нравственный принцип, который гласит: если кто-то имеет влияние, то этот кто-то несет также и ответственность. И эта ответственность соответствует его возможностям оказывать влияние. Так как мы живем в обществе, будучи рожденными в нем в силу нашей социальной природы (семья, государство и т. д.), то мы имеем в нем влияние, а также несем ответственность за это общество. Это значит, что принцип солидарности является конкретным выражением добродетели справедливости (см. выше). Следовательно, принцип солидарности есть главный принцип права.

Джон Ф. Кеннеди, обращаясь к своим соотечественникам в речи при вступлении в должность президента, сказал: «Не спрашивай, что страна сделала для тебя, но что ты можешь сделать для твоей страны!» Человек должен служить обществу, так же как и общество должно служить человеку. Но в какой мере человек должен служить обществу и в какой мере общество должно служить своим членам?

Границы солидарности

Каждая община имеет одну или несколько целей, которые могут быть достигнуты только сообща, при содействии членов этой общины. Община, следовательно, имеет право требовать от своих членов вносить свой вклад и именно в той мере, в какой она зависит от их содействия для достижения своей цели. Каждый отдельный член общины имеет право на помощь со стороны общины в случае нужды, но только если эта помощь есть часть целей общины. Например, первой задачей певческого объединения отнюдь не является снабжать деньгами попавшего в нужду члена этого объединения, но каждый член этого коллектива вполне может ожидать, что его певческий ансамбль преподнесет ему серенаду к его золотой свадьбе. Важно, таким образом, точно определять границы солидарности во избежание излишних претензий на выражение солидарности. Эти границы таковы:

- 1) цель/цели общины;
- 2) степень, в какой эти цели могут быть достигнуты только при совместном сотрудничестве;
- 3) степень, в какой эти цели фактически позволяют людям развивать свою личность.

Не может быть так, и это противоречит солидарности, чтобы в общине все шло хорошо, а ее членам в то же время было бы плохо.

Отсюда вытекает иерархия ценностей.

1. Принимаемые общиной меры оправданы только в том случае, если они помогают человеку лучше раскрываться и развиваться, чем это было бы без помощи общины.

Пример: государство не имеет права повышать налоги, чтобы финансировать большее количество культурных заведений в стране. Это не входит в первую задачу государства; это может быть так же хорошо или даже лучше осуществлено по свободной инициативе граждан. Отсюда не следует, что в задачи государства не входит обеспечивать условия для поддержания соответствующе-

го уровня культурной жизни. Но в его задачи отнюдь не входит самому проводить эти мероприятия в жизнь, если в обществе есть силы, которые сами могут выполнить эту задачу (принцип субсидиарности). Было бы ошибкой и злоупотреблением солидарностью, если бы государство стало заниматься вещами, которые могут быть лучше сделаны отдельными людьми или небольшими общинами под их собственную ответственность. В противном случае поощряется менталитет иждивенчества, подрывается творческая инициатива и готовность граждан нести ответственность.

2. Каждый индивид может быть одновременно членом нескольких общин. Он работает на предприятии, живет в семье, занимается в свободное время в каком-то спортивном обществе и является членом какой-то религиозной общины. Каждое из этих сообществ ожидает от него солидарности и соответствующих взносов, которые в конкретных случаях могут и накладываться друг на друга, и взаимно исключать друг друга. Здесь встает вопрос об иерархии ценностей. Так, например, в конфликтной ситуации солидарное участие в спортивном соревновании менее обязательно, чем участие в воскресном богослужении, а забота о больном ребенке важнее, чем профессиональная работа на предприятии. Это, как говорится, в случае неизбежного конфликта, когда нет возможности сочетать разные ситуации.

И еще одно следует учитывать. Мы уже подчеркивали, что солидарность является главным принципом права. Из этого следует:

1) Законодатель должен уважать рамки, установленные на основании принципа солидарности, если он хочет строить общество на основе новых законов.

2) Во имя справедливости принцип солидарности предъявляет требования к обществу и государству и настаивает на определенных законодательных мерах для устранения непорядков; одновременно этот принцип определяет содержание и границы законов, в рамках которых эти непорядки могут быть устранены.

3) Даже если необходимые законы отсутствуют, каждый человек призван соответствующими мерами содействовать устранению непорядков, если этого требует солидарность. Например, посредством публичных протестов можно клеймить несправедливые порядки и потребовать изменения законов и одновременно посредством соответствующих конкретных мер (сбор пожертвований, профсоюзные инициативы и т. д.) уже начать в пределах своих возможностей решать проблемы, не ожидая, пока государство возьмется за дело, то есть мобилизовать инициативные силы самого общества.

Солидарность требует лояльности

В последние десятилетия именно солидарность позволила в значительной мере повысить социальную защиту широких кругов населения Европы. Были введены страхование пенсий, медицинское страхование, страхование на случай безработицы, системы социальной помощи. Солидарность была, так сказать, деbüroкратизирована, снабжена конкретными, обжалуемыми правовыми претензиями. Правда, с другой стороны, это приводит к тому, что некоторые люди пытаются использовать сеть социальной защиты, хотя и сами в состоянии обеспечить свое проживание. Принцип солидарности требует от каждого человека лояльности по отношению к другим членам сообщества, а также к самому сообществу. Обман в сфере страхования и тому подобное является грубым нарушением обязанности быть лояльным.

К добродетели солидарности относится также лояльность и выполнение долга в смысле контрибутивной справедливости, а также готовность в случае нужды прибегнуть к помощи, позволить помочь себе, или из гордости или чувства стыда отвергнуть эту помощь, отказаться от справедливых прав на помощь.

Плюралистическая демократия не может в долгосрочном плане выжить без четко выраженного ощущения солидарности во всем со стороны различных составляющих ее

групп. Здесь особенно важно, чтобы ответственные лица больших объединений, профсоюзов, палат, преследуя свои законные групповые интересы, не забывали о требовании общего блага. В обществе, где экономический успех любой ценой, групповой эгоизм, принцип наслаждения и удовольствия становятся важнейшими линиями поведения широких кругов населения, усиливается эгоизм, противоположность солидарности. Такому государству грозит опасность быть расколотым в результате столкновений интересов различных групп. Политические партии могут мутировать и превращаться в чисто клиентурные партии, которые стараются отстаивать односторонние интересы определенных групп невзирая ни на что. Коррупция и личные эгоистические интересы ответственных государственных лиц являются прямым результатом этих тенденций. Если им своевременно не положить конец, общему благу будет нанесен значительный ущерб. Происходит снижение уровня благосостояния, обнищание широких кругов населения, так как оптимальная общественная ситуация, которая может способствовать сглаживанию различных оправданных интересов путем компромисса, уже не может быть создана. Опасность насильственных социальных конфликтов в обществе возрастает. Здоровая культура солидарности является условием процветания свободного и социального правового государства.

Манфред Шпикер

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРИНЦИПЫ – ГРАНИЦЫ – ВОЗМОЖНОСТИ¹

Социальное государство есть такое государство, которое стремится не только к социальной безопасности, но и к социальной справедливости, общественной интеграции, к созданию возможностей для персонального развития. От сбалансированного приближения к этим целям зависит легитимность социального государства. Они являются интегральной составной частью общего блага. В задачи социального государства не входит целиком и полностью заниматься осуществлением этих целей. Оно должно только следить за тем, чтобы общество в рамках определенных ему условий было в состоянии их осуществлять.

Три принципа: солидарность...

Персональное развитие человека – та цель социального государства, в которой могут быть сосредоточены все другие цели, – является в первую очередь не делом социально-государственной системы, но плодом готовности и способности людей, их общественных объединений, прежде всего семьи и предприятий, проявить инициативу, приложить усилия и добиться результатов. Ради этой цели социальное государство должно соблюдать принципы солидарности и субсидиарности.

Принцип солидарности, несомненно, лежит в основе идеи социального государства. Если солидарность – та добродетель, которая делает человека готовым и способным после-

¹ С любезного разрешения автора приводим выдержку из его выступления в «Der Rotarier» (4/97).

довательно добиваться общего блага, то решение проблем с трудоустройством, страхование на случай старости, болезни, несчастного случая и безработицы, помощь жертвам войны и их семьям, социальная помощь для защиты от нужды являются солидарным долгом. Трудный и болезненный пакт солидарности с новыми федеральными землями, содействие трансформационным процессам в постсоциалистических странах и помощь в развитии государств «третьего мира» можно рассматривать как исполнение солидарного долга ради национального и интернационального общего блага.

Принцип солидарности понимают неправильно, если толкуют его как постоянное расширение социально-государственной системы, как единственную защиту для нуждающихся в помощи. Он предполагает также солидарность с теми, кто за это платит, с теми семьями, которые своим трудом гарантируют договор поколений. Если изменения в составе населения представляют угрозу для социально-государственной системы и если необходимо избежать конфликта между поколениями, то солидарность с будущими поколениями является одним из главных условий стабилизации социального государства.

Вопрос не в том, «какие требования предъявят когда-нибудь престарелые люди, а в том, что можно будет честно потребовать от подрастающего поколения» (Й. Борхерт). Социальная политика, которая устанавливает социальную справедливость только при раздаче, а не думает о ней уже при сборе средств, такая политика губит готовность к деятельности и солидарность. Конечно, уважение к старости и помощь нуждающимся в уходе – это заповедь солидарности, но принцип гарантирования жизненного стандарта не может быть неприкасаемым, если следствием его является, так сказать, пенсионная барщина молодого поколения и ограбление других семей, у которых тоже есть дети. Законодательное страхование по уходу за нуждающимися не может быть социально-государственной заповедью, если нуждающийся в уходе имеет состояние, из которого можно финансировать расходы по его уходу. Иначе оно становится несолидарным инструментом страхования наследства.

...субсидиарность...

Наряду с принципом солидарности социальное государство всегда должно учитывать принцип subsidiarности. Этот принцип предписывает государству или крупному сообществу брать на себя только те обязательства, которые отдельные граждане или малые общины не могут самостоятельно выполнить. Одновременно этот принцип предписывает государству или крупному сообществу, перед тем как брать на себя новые обязательства, изучить возможность и укрепить готовность подчиненных организаций или отдельных граждан самим решить поставленные задачи.

Принцип subsidiarности постоянно напоминает социальному государству о том, что его действия всегда должны быть помощью для самопомощи, что в его задачи не должно входить постоянно снабжать граждан всем необходимым или брать на себя их личное развитие. Но таково постоянное искушение социальной политики. Принцип же subsidiarности покоится на антропологической предпосылке, что удача человеческой жизни зависит не от системы, оказывающей социальные услуги, а от готовности и способности отдельных людей и их общественных объединений проявлять инициативу и совершать действия. Принцип subsidiarности – это средство, которое не дает государству превращаться в несоциальное обеспечивающее государство и предохраняет его от саморазрушения.

...и общее благо

Социальное государство, которое в своей системе оказания услуг ориентируется на принципы солидарности и subsidiarности, находится на лучшем из путей к достижению общего блага. Общее благо является решающим мерилем легитимности социального государства. Речь идет о совокупности социальных и политических условий для возможного развития человека, что и характеризует социальное государство. Но вместе с тем это и ограничивает его в силу принимаемой антропологической предпосылки, которая, как

и в случае с принципом субсидиарности, исходит из того, что удача человеческой жизни зависит в первую очередь от способностей каждого отдельного человека и его готовности к действию.

Данная предпосылка устанавливает границы не только для социального государства. Она предписывает также и гражданину умерять свои претензии на социально-государственные услуги, отказываться от услуг, в которых он больше не нуждается или которые достигли своей цели – помощи для самопомощи.

Из принципа общего блага вытекает принцип соответствия социальных услуг принципу соблюдения порядка. Соблюдение порядка означает, что социальные услуги должны в максимальной степени ориентироваться на основные ценности общественного порядка, то есть на защиту человеческого достоинства, личной свободы, на ответственность, а также на социальную рыночную экономику. Соблюдение порядка не означает, что социальная политика должна быть подчинена экономической политике. Экономическая и социальная политика тесно связаны друг с другом и представляют равную ценность для общего блага. Как финансирование социально-государственной системы услуг зависит от успешной экономики, а та в свою очередь зависит от хорошо функционирующего свободного экономического устройства, так и успешная экономика и хорошо функционирующее экономическое устройство зависят от социальной безопасности и социального мира, а также от социального государства. Такая концепция свойственна социальной рыночной экономике, равно как и католическому социальному учению.

Моральный облик гражданина социального государства

Для того чтобы минимизировать риски социального государства, недостаточно перестраивать его структуры и соблюдать при этом принципы солидарности, субсидиарности и общего блага. Следует пересмотреть также моральный

облик гражданина социального государства. Речь идет о том, каких взглядов, норм поведения и ожиданий должны придерживаться граждане, чтобы социальное государство могло выполнять свою субсидиарную функцию. В моральном облике гражданина следует различать три сферы: сферу индивидуальной готовности и способности к действию, сферу социального поведения и сферу достижения окончательной цели, или горизонта, к которому устремляются все ожидания и чаяния.

Первым моральным условием субсидиарного социального государства является готовность и способность индивида проявлять инициативы и совершать действия, которые необходимы для реализации целей его жизни. Под его деятельностью понимается не только и не в первую очередь производство товаров, которые на рынке могут быть обменяны на деньги, но также каждое его личное усилие для осуществления служения или исполнения своей ответственности. Для того чтобы естественная готовность человека к деятельности не угасала, но развивалась и укреплялась, чтобы «культура самостоятельности» определяла его жизненную установку, следует культивировать необходимые предпосылки такого развития и использовать имеющиеся возможности для укрепления в людях чувства ответственности, самообладания и доверия к себе. Так как первичным пространством, где это происходит, является семья, то необходимо поддерживать ее. Далее, воспитание чувства ответственности предусматривает такие нормы поведения, которые необходимо предполагать понятие добродетели. Эти нормы – добродетели усердия, упорства, экономии, благоразумия и самообладания – культивируются не только в ходе домашнего воспитания и в школе, но и в социально-государственной системе трудовой деятельности, чтобы укреплялась стабильность государства.

Вторым моральным условием субсидиарного социального государства являются солидарные нормы поведения граждан. В ситуации, когда система социальных услуг сталкивается с невыполнимыми ожиданиями и требованиями, когда люди все больше опасаются, что будут лишены ка-

ких-то благ, центральным для морального облика гражданина социального государства становится понятие солидарности, его гражданское сознание – все равно как бы ни называлась эта добродетель. Если социально-государственный порядок является субсидиарным условием для индивидуальной жизни, то в уважении к такому порядку отчасти проявляется и самоуважение. Гражданин не должен дистанцироваться от системы оказания услуг, не должен как бы пристраиваться на ее подножке – нельзя только получать пользу от такой системы, но ничего не делать для ее укрепления.

Добродетель солидарности включает понимание ценности системы социальных услуг не только теми, кто облагодетельствованы такой системой, но и теми, кто несет тяготы от нее. Она является результатом не сверхчеловеческого альтруизма, но сознания того, что нормальное функционирование социального государства является условием для индивидуального жизненного развития. Для гражданина, который платит социальные налоги, это означает, что он согласен нести тяготы, то есть брать на себя необходимую долю финансирования социальных услуг, не требуя прямых и непосредственных ответных услуг. Для того чтобы он мог это делать, законодатель должен в свою очередь, соответственно названным выше структурным условиям стабилизации, заботиться о том, чтобы тяготы не были слишком угнетающими и чтобы не поощрялись пограничная мораль и дивалентное отношение.

Для получателя услуг понимание ценности системы социальных услуг означает, что он видит в этих услугах не только субсидии на устройство своей индивидуальной жизни, но что он также готов отказаться от социальных услуг, получение которых с правовой точки зрения возможно, но реально неосуществимо. Это означает воспринимать ошибки администрации в разумной мере, а не использовать их беззащитно. Это означает так определять максимы своего поведения, чтобы система услуг могла сохранить субсидиарность и стабильность, когда эти максимы признаются всеми.

Обобщение максимумов необходимо, потому что в государственно-правовом демократическом социальном государстве

гражданин в значительной мере сам определяет услуги, которые получает. Например, когда он через свои профессиональные объединения добивается законодательного урегулирования объема и условий использования услуг или когда свое собственное поведение он регулирует таким образом, чтобы можно было пользоваться услугами. Чтобы такого рода свобода была соблюдена, даже если условия публичного или личного бытия не способствуют совместному благу и не создают условий для организации индивидуальной жизни, гражданин, которому даны эта свобода и эта власть, должен быть готов нести подобающую ответственность.

Третьим моральным условием субсидиарного социального государства является способность гражданина просветлять свой жизненный горизонт, в который он вплетает свои чаяния и ожидания, то есть ставить перед собой проблему конечности. Когда субсидиарность и стабильность системы социальных услуг в значительной мере связаны с индивидуальными ожиданиями, которые в свою очередь отражают решенность или нерешенность проблемы конечности, тогда способность гражданина решить эту проблему имеет не только личное, но и социальное значение. Осуществление чаяний и надежд зависит не только от индивидуального социального положения, от общего жизненного уровня, от наличных представлений о социальной безопасности и социальной справедливости, от системы социальных услуг и условий использования этих услуг, но и от готовности и способности гражданина решать проблему конечности и смерти, то есть сочетать «*vita activa*» и «*vita socialis*» с «*vita contemplativa*».

Никакого рая на земле

Секуляризованное и индивидуалистическое общество склонно навязывать государству утопические ожидания и подвергать его систему социальных услуг постоянным перегрузкам. Толкуется ли конечность как абсолютная или релятивная, рассматривается ли смерть в ее исключительно имманентной перспективе как неотвратимый конец жизни

или в трансцендентной перспективе как конец паломничества или как начало новой жизни – все это остается в стороне от явлений данного мира, но не без влияния на профиль индивидуальных чаяний. Чем меньше эти чаяния «sub specie mortis» определяются и иерархируются и чем больше ожидается их исполнение в краткий период времени, тем более утопичными, тем более чрезмерными и тем более дестабилизирующими представляются они для государства. Если высшее благо или конечная цель жизни исключается для человека и стремление к этому благу уступает место страху перед смертью как величайшим злом, то высшее блаженство сокращается для человека до «постоянного перепада от желания к желанию» (Томас Гоббс).

Социальное государство, превратившееся в поставщика счастья и высокого качества жизни, теряет свою субсидиарность и стабильность, оно ничем не может способствовать успеху индивидуальной жизни, но может только ему препятствовать. В конце 20-го столетия появляется новая теория социального государства, изложенная в книге под названием «Ирония государства». Она исходит из того, что и «западные благотворительные государства переоценили свои возможности приблизиться к раю» (Хельмут Вильке).

Из данного и последнего морального условия субсидиарного социального государства не могут быть извлечены какие-либо максимы для законодателя. Решение проблемы конечности и развитие «vita contemplativa» остаются, как никакое другое условие субсидиарного социального государства, лишены политической реальности. Они возлагаются на индивидуальную ответственность гражданина, при наличии которой ему, по христианской вере, приходит на помощь Благодать; исполнить же ее веление ему должны помогать семья, школа, общественные объединения, и прежде всего Церковь. Но при этом ответственность за политику с гражданина отнюдь не снимается. Посредством государственно-церковного права, законодательства о школах и праздниках определяются условия, в рамках которых в обществе будут развиваться христианская вера и Церковь.

Альберто Гиль

РУКОВОДЯЩИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ МЕНЕДЖЕРА НА СОВРЕМЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ¹. О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ЭТИКОЙ И ЭСТЕТИКОЙ

Согласно классическому определению человек обладает двумя достоинствами, которые составляют его «человеческий капитал»: разумом и волей. Дстойное человека руководство не исключает, таким образом, с одной стороны, рациональности сотрудников, ибо в противном случае была бы утрачена их творческая энергия, а она изначально присуща человеку.

Вместе с тем одной лишь, хотя и добротной, информации о целях и задачах предприятия еще отнюдь не достаточно. Философская этика учит, что одно только сознание хорошего еще не побуждает к хорошим действиям. Хорошее должно также рассматриваться как цель, нужно еще желать хорошо действовать. Таким образом, с другой стороны, руководитель должен людей убеждать и увлекать. Опыт показывает, что для подобной мотивации одного высокого положения руководителя еще недостаточно.

Убедительным может быть только тот, «должностная власть» (potestas) которого дополняется его авторитетом (autoritas) как интегральной личности, ибо авторитет действует «снизу», так как он основывается на доверии.

¹ С любезного разрешения автора приводим выдержку из одноименной статьи в книге «Moral als Kapital – Perspektiven des Dialogs zwischen Wirtschaft und Ethik». Hrsg. von Michael Wörz u. a. Akademie der Diözese Rottenburg – Stuttgart. Dokumentation des Symposiums vom 5–7. 10. 1989.

В принципе руководитель должен восприниматься как целостная личность. Как писал Марк Симонс: «Не экономическая система нуждается в этике, а те, кто двигают экономику». Планка поднята высоко, и руководитель должен еще ее достать. Напрашивается вопрос: что поможет ему в прыжке?

Утонченная техника руководства или присущая ему степень духа и жизненной силы? Бесспорно одно: никто не перепрыгнет через планку без тренировки.

Тренировка для лидера: добродетели

Постоянно подтверждается один и тот же опыт: профессиональная этика, которая воспринимается как крайне необходимая, неотделима от общей этики человека. Даже если в профессиональной деятельности, при руководстве делом и людьми специфические вопросы выходят на первый план, в нравственном отношении невозможно отделять частную сферу от трудовой.

Так что если ниже, пусть даже намеком, будет проводиться различие между добродетелями, которые характеризуют образцовую личность, и специфическими добродетелями руководителя, то это будет делаться только из методологических соображений. Что же касается добродетели, то следует прежде всего устранить одно недоразумение: «добродетельному человеку» долгое время приписывалось чуждое миру поведение, которое выставляло его на посмешище. Возможно, здесь виновато формалистское учение о долге. «Добродетель» же есть нечто другое. Согласно классическому определению это та легкость, которая обретается с опытом и позволяет действовать хорошо. Ее можно сравнить с материальным капиталом предприятия: он постепенно растет благодаря хорошей предпринимательской деятельности, и только когда он есть, он позволяет успешно действовать и дальше. Аналогично этому можно утверждать: добродетель делает человека сильным.

Методически мы задаем себе следующие два вопроса:

Какими способностями должна обладать образцовая личность?

На этот вопрос можно ответить кратко: лидер обладает харизмой. Это понятие заимствовано из христианского богословия и означает «дар (божественной) благодати». Макс Вебер ввел это понятие в социологию и приложил его к лидеру. Лидер, таким образом, – это тот, кто обладает особым даром харизмы.

В американской литературе харизма разлагается на пять частей.

а) *Самодоверие*. Лидер верит в самого себя. Он уверен, что может достигнуть своей цели. б) *Самоутверждение*. Лидер не руководствуется в своем поведении «опросом мнения» и не позволяет мешающим обстоятельствам парализовать свои действия. Он знает, чего он хочет, и неуклонно следует к своей цели. в) *Знание людей*. Лидер хорошо знает своих сотрудников. Он знает, что у них на сердце и где их границы. Он умеет проводить различие между требованием и сверхтребованием. г) *Дружеское настроение*. Лидер любит своих сотрудников, и они любят его. Это способствует тому, что сотрудники нередко превосходят самих себя. е) *Бесконфликтность*. Лидер не вмешивается в личные психологические проблемы. Он не выносит внутренних проблем и конфликтов, которые могут парализовать его действия. Он чист перед самим собой.

Какие добродетели определяют практику руководства?

Опыт показывает, что процесс руководства состоит из трех взаимодополняющих друг друга моментов: диагноза, решения, исполнения. Каждый параметр может быть оптимизирован благодаря следующим нескольким добродетелям.

А) *Для оптимизации диагноза: Умение*. Способность различать и находить правильные средства для соответствующего целенаправленного действия. Лидер должен, кроме

того, обладать видением: предвидеть будущее, разрабатывать проекты, намечать цели. – *Правдивость*. Эта добродетель, как известно, означает единство мышления, слов и действия. Лидер живет этим единством. Он не обманывает ни себя, ни других. Он смотрит реальности прямо в глаза.

В) *Для оптимизации решения: Великодушие*. Это классическая добродетель «*magnanimitas*», активная часть мужества, которое заключается в том, чтобы стремиться к большему, а не довольствоваться серостью своей и чужой посредственности. Лидер не должен быть самодовольным мелким обывателем. – *Смелость*. Готовность идти на риск. Это изначальная добродетель предпринимателя. – *Оптимизм*. Не теряя чувства реальности, лидер должен быть настроен оптимистически по отношению к жизни. Оптимизм необходим, чтобы принимать нужные решения. – *Дух коллегиальности*. Он призывает к тому, чтобы держать под контролем свое «Я» и принимать разумные решения.

С) *Оптимизация исполнения: Готовность к служению*. Георг Гильдер однажды сказал, что альтруизм есть база капитализма. Служение делу и людям определяет маршрут, который ведет к хорошим и успешным действиям. – *Скромность*. Кто хочет всегда все делать сам, ограничивает качество своей деятельности. Доверие к другим и делегирование этого доверия возможны только в том случае, если руководитель достаточно скромен и вовремя отступает на задний план. – *Терпение*. Есть такие люди и иногда возникают такие ситуации, которые требуют выдержки, когда невозможно в короткое время осуществить какие-то изменения. Лидер должен уметь ждать и терпеть. Кстати: только тот, кто умеет страдать (терпеть), способен любить. – *Самодисциплина*. Кто с пониманием относится к другим людям, тот обладает достаточной силой характера, чтобы требовать многого от самого себя. «Слабые стороны» (тяга к спиртному, скандальный характер, измены на стороне и т. д.) могут со временем нарушить внутреннюю бесконфликтность лидера. Самодисциплина защищает его от этого. – *Стойкость характера*. Не избегать любой ценой внешних конфликтов. Стойкость необходима там, где нужно что-то

исправлять. Внешнее давление или трудности не должны сбивать лидера с пути, который он считает правильным. – *Персонализация*. Чувство дружбы побуждает лидера к тому, чтобы руководить не анонимной массой, а отдельными людьми, то есть служить. Личные отношения с сотрудниками позволяют в нужный момент похвалить, проявить интерес к их мнению, учесть личные проблемы каждого и т. д.

Этика притягательна: о взаимосвязи между этикой и эстетикой

Мы только что попытались представить абстрактный образ добродетельного человека. То же самое касается и этики вообще. Подобно тому как бытие невозможно понять без единства, истины и красоты, так и «хорошие действия» нельзя отделить от «красивых действий». Затхлых добродетелей не бывает. Этика и эстетика взаимосвязаны. Это утверждение будет подробнее разъяснено ниже.

Этическому поведению всегда предшествует свободное волеизъявление. При этом появляются инновация и творческая энергия, то есть понятия эстетической природы. Хорошее распознается не сразу, но часто оно является результатом размышления, прекрасное же распознается непосредственно. Для руководителя это означает, что хорошее следует делать заметным. (Некоторые понимают эту заметность так, что сами выставляют себя напоказ.) Убежденность в значении эстетики отражается во многих устремлениях к улучшению предпринимательской культуры. Сюда относятся реклама, оптимизация организационного процесса, формы обращения между сотрудниками, организация рабочего места вплоть до одежды и поведения за столом.

Другим показателем важности эстетического момента для предприятия является растущее значение риторического образования менеджеров. Здесь особенно полезна классическая концепция риторики. Цицерон и Квинтилиан никогда не отделяли технику речи от нравственного облика оратора. «*Eloquentia*» (красноречие) измерялось тремя па-

раметрами: знание предмета (в противном случае оратор не воспринимается всерьез); нравственные качества оратора (без которых возможна только манипуляция), и только на третьем месте стоит владение техникой речи и бессловесная коммуникация.

Выражения Квинтилиана «*oratur nisi bonus*» (только хороший человек может быть оратором) или «*ubi iniusta causa est, ibi rhetorice non est*» (где несправедливость, там нет места ораторскому искусству) свидетельствуют о понимании глубокой укорененности эстетической, образной способности в общей нравственной структуре человека.

Исходя из такого понимания, нравственная направленность всякой деятельности предстает как настоятельная необходимость. Ибо только так складываются руководители, образ которых притягателен: новая аристократия духа и действия, на которую можно ориентироваться. И эта элита необходима. Без такого слоя настоящих руководителей, которые воплощают собой общую цель, наше общество напоминало бы скопище муравьев, которые, правда, много делают и исполняют свой долг, но лишены идеалов. В образцовой функции таких руководителей не в последнюю очередь заложена столь часто подчеркиваемая социальная ответственность предпринимателей. Одного материального богатства недостаточно. Человек больше чем материя. В тех, кто служат человеку примером, в тех, кто своим служением могут указать ему путь, он находит воплощение тех ценностей, которые соответствуют его достоинству.

Резюмируя, можно констатировать: эстетика без этики превращается в манипуляцию и разрушает доверие. Действительность становится в таком случае инсценировкой. Но нравственный дискурс охватывает только тех, кто уже живет нравственной жизнью. Этика без эстетики недействительна и мертва.

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНИН ДОЛЖЕН АНГАЖИРОВАТЬ СЕБЯ В ОБЩЕСТВЕ И ПОЛИТИКЕ?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде решить, кто при этом подразумевается. Какой христианин должен себя ангажировать? Ответ на этот предварительный вопрос вводит нас в сферу того, что богословие называет «экслесiology», то есть учением о Церкви. Здесь следует учитывать два аспекта. Во-первых, Церковь как мистическое Тело Иисуса Христа, которое включает в себя воинствующую Церковь на земле и торжествующую Церковь на небесах¹; а во-вторых, Церковь в мире как иерархическую организацию, которая включает духовенство, монашество и мирян.

Быть христианином означает быть последователем Христа. Все верующие являются последователями Христа, хотя и различным образом. Священник следует Христу, когда проповедует, и особенно в Великий четверг, когда совершает святое Таинство жертвоприношения и преподносит Святые Дары. Монашествующие стремятся своей жизнью подтвердить приверженность Христу, ясно представляя себе или 40 дней его поста и молитвы в пустыне, или же милосердного самарянина и стараясь следовать этим примерам, — в зависимости от того, имеют ли они больше конTEMPLативную или каритативную склонность. А для мирянина примером является Христос в период его земной жизни, когда он трудился, то есть в возрасте от 14 до 30 лет.

Все верующие во Христа равны в своем достоинстве как чада Божьи, равны в своих правах на духовную помощь и Таинства Церкви, но различны в своих призваниях и задачах.

¹ Римско-католическая Церковь говорит также о страждущей Церкви в чистилище.

Общество и политика – преимущественно сфера деятельности христиан-мирян

Таким образом, если мы говорим о христианине, который должен ангажировать себя в обществе и политике, то имеем в виду прежде всего христианина-мирянина.

В задачи священнослужителя не входит участвовать в политической и общественной жизни, но это не означает, что он не имеет своего мнения и в своей деятельности как проповедник не заостряет у верующих христиан сознание справедливости и морали и не называет справедливость своим именем. Священнослужитель может дать толчок к социальной деятельности и, конечно, конкретно помочь смягчить нужду, но его служение – не политика. Ложное понимание роли священнослужителя таит в себе опасность пробуждения нездорового клерикализма, недопустимого нарушения границ, когда священник в силу своего духовного служения человеку выходит за рамки своей ответственности и начинает заботиться о чисто человеческих вещах, непозволительно переносит свой авторитет и компетенцию из религиозной сферы в светскую.

В задачи монашествующих (в зависимости от харизмы соответствующего монашеского ордена) входит подвизаться в определенных социальных сферах: школах, больницах, сиротских домах и т. д. – там, где есть нужда, потребность в любви и самоотдаче. Но при этом монашествующие не должны забывать, что они выполняют эсхатологическую функцию: они действуют из своей преданности Христу, потому что ради Христа можно свою жизнь претворить в любовь. Своей жизнью, преданной любви, они указывают на достоинство вечной жизни.

Порядок политической, экономической и социальной жизни есть в первую очередь забота христиан-мирян, которые вместе с неверующими живут в более или менее секуляризованном мире и своим трудом помогают нуждающимся, развивают культуру, технику и науку и своим участием в политической и общественной жизни помогают улучшать жизненные условия.

Церковные документы, например апостольское постсинодальное послание Иоанна Павла II «Christifideles Laici», описывают, ссылаясь на решения II Ватиканского собора, задачи мирян следующими тремя центральными положениями.

– Мирянин должен «быть закваской в мире, чтобы освящать этот мир»¹.

– Мирянин должен «взыскать Царство Божье в повседневных делах и заботах, которые он исполняет согласно Воле Божьей»².

– Задача мирянина – «участвовать в деле Творения, освободить Творение от последствий греха и самому освящать себя (...) в различных областях социальной жизни»³.

Человек Иисус из Назарета – пример для христиан

Что призваны выразить эти коренные положения? Они изложены богословским языком, который требует разъяснения для конкретной практики. Возьмем пример, наипрочайший пример вообще, самого Иисуса Христа. Христос есть Бог (Сын Божий, Второе Лицо Пресвятой Троицы), но одновременно также и совершенный человек. «Во Иисусе Христе Бог показывает человеку человека»⁴ – эта основная мысль постоянно повторяется в посланиях Иоанна Павла II. Христианская антропология опирается прежде всего на конкретный пример Человека Иисуса Христа. Христос является примером для каждого христианина. Мы должны постоянно задавать себе вопрос: что сделал бы Христос на моем месте, как бы Он поступил?

Иисус Христос прожил 33 года. Три последних года Он проповедовал, как мы можем узнать из Евангелий. В дет-

¹ II Ватиканский собор. Пастырская конституция «Церковь в современном мире» («Gaudium et spes»). № 32.

² Там же.

³ Иоанн Павел II. Постсинодальное пастырское послание «Christifideles Laici» от 30.12.1988. № 15.

⁴ Иоанн Павел II. Энциклика «Redemptor Hominis» от 4.3.1979. № 8, а также «Gaudium et spes». № 22.

стве же Он играл, как и другие дети, посещал школу, учился читать и писать, помогал дома по хозяйству. А что Он делал в период от 14 до 30 лет? Он работал! Он был сыном плотника, поэтому сам был плотником, ремесленником и самостоятельным малым предпринимателем.

Какой вывод мы можем из этого сделать? Большую часть своей драгоценной жизни в мире Бог посвятил тому, что занимался профессиональной деятельностью. Он жил в семье, в деревне, жил повседневной жизнью со всеми ее малыми взлетами и падениями, так же как и мы. Однако годы сокрытой жизни в Назарете тоже были частью дела Спасения. Поэтому быть христианином означает конкретно следовать за Христом; повседневная жизнь есть конкретный путь последователя Христа.

Человек призван к труду

Возвратимся теперь к вышеупомянутым положениям о задачах мирянина, особенно к третьему положению.

Мирянин принимает участие в деле Творения. В Книге Бытия сказано, что Бог создал человека «ut operaretur», чтобы он трудился или, как часто переводится, чтобы он Творение «возделывал и хранил»¹. Труд – фундаментальное выражение существования человека. Мы, люди, призваны нашим трудом участвовать в деле Творения. Не как первичный Творец, который создал все из ничего, – это может только Бог, а как «creator secundus», как вторичные творцы, которые на основании имеющегося творения посредством своей творческой энергии и усердия творят свой человеческий мир. Бог же продолжает соучаствовать в этом деле. Философски это может быть выражено так: Бог есть чистое действие, Он постоянно активен, Он непрестанно творит, Он постоянно поддерживает существование мира. В средневековой символике эта мысль выражена так: Бог, или младенец Иисус, держит в Своей руке шар земной. Если Бог убе-

¹ Быт. 2, 15.

рет Свою руку, мир провалится в ничто. Бог поддерживает существование мира и всего, что в нем живет. При более глубоком размышлении об этом обстоятельстве мы можем прийти к следующему выводу. Мы можем трудиться только потому, что Бог поддерживает существование наше и нашего дела, и все, что мы делаем, возможно только потому, что Бог поддерживает существование наше и нашего дела. А посему наш труд есть часть Творения Божьего. Осознаем ли мы это? Бог экзистенциальным образом постоянно присутствует в нашей жизни и нашем делании!

Грех – причина страдания

Если мы грешим, Бог тоже присутствует в грехе? Нет, звучит однозначный ответ. Почему? Потому что грех есть отсутствие, недостаток бытия. Все, что делает Бог, имеет бытие. И потому, имея бытие, все сделанное им в то же время хорошо, истинно, прекрасно и т. д. (философское учение о трансценденталиях). Грех же – это неполное действие, несовершенное деяние. Таким образом, грех не есть, и мы ощущаем его как беспорядок, как недостаток, как несовершенство. Наш язык слишком ограничен, чтобы выразить этот феномен с достаточной ясностью. Грех есть причина страдания. Он проистекает из самостоятельной воли человека. Первородный грех вызван волей человека быть таким, как Бог, то есть желанием самому решать, что есть добро, а что есть зло. Грех и страдание пришли в мир из-за того, что человек перепутал добро и зло.

Поэтому задача мирянина заключается в том, чтобы освободить мир от греха, то есть своим трудом и своей жизнью способствовать прежде всего тому, чтобы число грехов не росло, а затем помогать своей жизнью по любви и по Евангелию устранять «структуры греха»¹, чтобы человеку было легче действовать хорошо, чтобы «он повседневные

¹ Иоанн Павел II. Энциклика «Sollicitudo Rei Socialis» от 30.12.1987. № 36.

дела творил согласно Воле Божьей». Каковы же эти структуры греха, которые мешают или даже препятствуют правильному развитию человека? Они могут быть следствием коррупции в стране, следствием того, что наличное соотношение экономических и политических сил ограничивает свободу и развитие человека. Эти структуры могут быть выражением всеразрешающей культуры, которая через фильмы и рекламу, посредством давления на общественное мнение и манипуляции им негативно воздействует на людей и мешает христианину вести истинно хорошую жизнь. Эти структуры и их влияние ведут не к уменьшению числа грехов, а, напротив, к возрастанию греха и тем самым к несправедливости, беспокойствию и страданию. По этой причине христианин должен ангажировать себя в политике, обществе, экономике и культуре, чтобы изменять структуры греха и создавать условия, которые позволят каждому человеку в духе свободы и ответственности, насколько это возможно, развивать и раскрывать свои таланты. Четкое «Нет!» греху – даже если это сопряжено с непосредственным ущемлением, с враждебностью и т. д.! Для этого необходимы смелость и мужество.

Освятить себя и весь мир

Третья задача мирянина заключается в освящении своей жизни, независимо от того, в какой сфере он живет и трудится. Великий святой 20-го столетия, св. Хосемария Эскрива, выразил это однажды так: если б в каждой профессии было несколько святых, вы тогда не узнали бы мир!¹

Но как понимать слово «освятить»? На секуляризованном языке оно может означать «реализовать себя». При этом «самореализация» понимается не в том смысле, что можно делать все, что взбредет кому-то на ум, – это ложное понимание самореализации, которое вытекает из гедонистичес-

кого образа мышления и ведет скорее к зависимости человека от его желаний, чем к свободе. Нет, каждый человек есть самостоятельный замысел Божий! Бог вложил каждому в колыбель таланты и возможности, которые человек в ходе своей жизни может развивать. Если он полностью развил эти возможности, то в конце своей жизни может с полным правом сказать, что прожил ее в соответствии со святостью. При этом его жизнь будет такой же многоцветной, как и многообразие жизни вообще.

Труд есть фундаментальное выражение существования человека, сказали мы выше. Поэтому труд – это главное средство для самореализации, или освящения. Для мирянина-христианина здесь опять возникает вопрос: как трудился Иисус?

«Халтурил» ли Он на работе? «Надувал» ли своих клиентов? Как обращался со своими сотрудниками? Евангелия ничего об этом не сообщают, но это умалчивание позволяет верующим фантазировать и прилагать плоды фантазии к конкретной ситуации каждого из нас.

Каково профессиональное и моральное качество нашего труда? Можем ли мы наш труд преподнести Богу как дар? Или мы должны стыдиться своего труда? *Освятим ли мы наш труд* – то есть направлен ли он объективно на добрые цели, которые достигаются справедливыми средствами? Добрая цель отнюдь не освящает несправедливые средства – так гласит жизненная мудрость.

Освятим ли мы сами себя своим трудом – то есть как претворяем мы добродетели в своем труде? Добродетели – это любовь, справедливость, честность, терпение, коллегиальность, трудолюбие, выдержка, упорство и т. д. В конечном итоге успех жизни измеряется не материальным успехом, это успех преходящий, ибо в момент смерти придется от всего этого, некогда казавшегося столь важным и о чем мы когда-то так заботились, отказаться. Единственное, что мы сможем взять с собой после смерти, – так это духовная красота, а она достигается прежде всего благодаря добродетелям.

Освятим ли мы других своим трудом? Что означает способствовать своим трудом и своими усилиями тому, чтобы

¹ Ср. также: Хосемария Эскрива («Путь». № 301) и его же «В мастерской Иосифа» из книги «Встречать Иисуса», изд. «Адамас», Кёльн.

ситуация в мире стала лучше? В нашем сложном мире недостаточно только индивидуальных намерений и усилий, какими бы похвальными они ни были. Каждый из нас должен убеждаться в том, воздействуют ли цели, которые мы преследуем, в частности цели предприятий и организаций, где мы трудимся, воздействуют ли эти цели позитивно на мир, помогают ли они сделать этот мир лучше и становится ли людям легче в результате их воздействия развивать свою личность.

Именно этот последний пункт троезвучия святости труда подчеркивает обязанность каждого из нас серьезно воспринимать социальные компоненты, общественную и политическую деятельность и брать на себя за это свою долю ответственности. Вера – это отнюдь не чисто личное дело, которое каждый в своей камерке делает так, как ему вздумается, без соотнесенности с общественной жизнью, – как этого требует лаицистский¹ и индивидуалистический либерализм. Нет, вера содержит также и общественные компоненты, которые заложены в самой социальной природе человека.

¹ *Лаицизм* (от греч. laikos – народный) – движение за устранение влияния религии в различных сферах общественной жизни. – *Ред.*

ТЕРПИМОСТЬ

При свободно-демократическом устройстве существует постоянное столкновение интересов, мнений и принципиальных убеждений. Различные идеологические течения, разные религии и конфессии в обществе сталкиваются друг с другом. Задача государства заключается в том, чтобы при этом мировоззренческом плюрализме гарантировать правила и рамки правопорядка, которые обеспечивают их мирное сосуществование и делают их духовные расхождения плодотворными для развития общества. Важнейшими принципами для этого являются терпимость (не только государства по отношению к различным мировоззрениям, но и граждан и общественных групп друг к другу) и объективность.

Под терпимостью вообще мы понимаем уважение убеждений и позиций, а также предоставление возможности для их открытого выражения и реализации со стороны отдельных лиц, различных общественных групп и государственной власти, если при этом не повреждаются и не подвергаются опасности важные общие блага общества¹.

Борьба за терпимость и религиозную свободу – исторический обзор

Исторически понятие терпимости складывалось на протяжении столетий в ходе длительных споров о религиозной свободе в Европе. Особенно это касается борьбы вокруг отношений между государством и религией.

¹ *Messner Johannes. Kulturethik. Kap. 77.*

Римское государство преследовало первых христиан, потому что они не признавали государственный культ. И только в 313 г. по Миланскому эдикту о веротерпимости христианство было официально признано Римским государством. Но и христианские властители, как и их языческие предшественники, также вскоре стали стремиться к тому, чтобы совместить единство государства и единство религии. Так, например, религиозная политика византийского императора в отношении монофизитов¹ ослабила лояльность египетских подданных и подготовила почву для исламского вторжения.

После Реформации в 16-м столетии в Германии утвердился принцип «*Cujus regio, ejus religio*»², который привел к жесткому государственному правлению в отношении религии и не оставлял никакого места для инакомыслящих.

После долгих сражений в ходе Гражданской войны французский король Генрих IV (1553–1610), который сам перешел из кальвинизма в католицизм («*Paris vaut une messe*»³, 1593), даровал по Нантскому эдикту в 1598 г. религиозную свободу, которую, однако, Людовик XIV вновь отобрал в 1685 г., что имело исторически опустошительные последствия, ибо в результате апологеты просвещения, и прежде всего французские мыслители, стали в значительной степени антикатоликами и антиклерикалами. Наряду с философским течением рационализма и нарождающимся религиозным индивидуализмом это привело к антиклерикальным выступлениям в ходе Великой французской революции, к секуляризации и лаицистским движениям в 19-м и 20-м столетиях.

В Англии «*Act of Tolerance*» (1689) также положил конец религиозно мотивированной Гражданской войне и воз-

¹ Монофизитство – учение, осужденное на Халкидонском соборе в 451 г.; согласно этому учению божественная и человеческая природа во Христе соединяется в единой, божественной, природе и едином, божественном, лице. Монофизис – единая природа. Монофизитское учение укрепилось в основном в Коптской церкви в Египте и Эфиопии.

² Чья власть (страна), того и вера (лат.).

³ Париж стоит мессы (обедни) (фр.).

вестил начало либеральной эры. Однако примечательно, что этот «Акт о терпимости» исключал католиков.

В настоящее время большинство государств относятся к религии нейтрально. В некоторых странах, например во Франции, осуществляется строгое разделение Церкви и государства, – эта крайне лаицистская французская традиция явилась, кроме всего прочего, причиной того, что Европейский конституционный конвент не смог прийти к согласию о включении в преамбулу имени Божья. При этом религия отнюдь не является исключительно личным делом. Политическое сообщество ответственно перед Богом не менее, чем отдельная личность.

Экскурс: Публичный характер Церкви

В своем враждебном к Церкви отношении либеральные и лаицистские силы постоянно стремятся представить религиозную практику как чисто личное дело и оттеснить ее в частную сферу. Они видят угрозу свободе их детей в том, что в школьных классах висят кресты. Им неприятен колокольный звон, и они выступают против публичных действий Церкви.

Этому противоречит публичный характер Церкви как общины верующих. Ее публичная воля проистекает не из стремления к какой-то внутримирской значимости, как это присуще многим заинтересованным группам, но из божественного порядка. Ее публичный характер вытекает из того факта веры, что Бог явился людям в образе Иисуса Христа. Спасение и Царство Божье предложены всем. И хотя всякая религиозная вера есть глубоко личный ответ на услышанный божественный призыв и, как и любовь, не может быть навязана, то есть находится под знаком личной автономии и свободы, вера не является частным делом. Каждый христианин уже в силу своего крещения настроен на то, чтобы своей жизнью и своим деланием проповедовать благовест о преизобильном богатстве благодати Божьей, которую Он в благости Своей к нам явил во Иисусе Христе (ср. Еф. 2,7), и подкреплять ее в каждом отдельном слу-

чае также и публичным свидетельством как мученик или исповедник. То есть, если кто действительно имеет религиозные убеждения, тот ищет других людей, которые разделяют эти его убеждения. Каждое совместное свидетельство веры стремится тем самым стать публичным. Это публичное свидетельство отвечает также интересам нейтрального в религиозном отношении государства, поскольку тайные религии и частные обскурантистские сакральные действия всегда опасны.

Церковь, согласно католическому учению, есть зримое свидетельство благодати Божьей, посредством которого эта благодать во все времена становится видимой для публики. Она как мистическое Тело Христово предшествует всякому времени. Времена следуют за ней, а не она за временами. Отсюда неизбежен вывод, что Церковь включает также и политику, хотя это политика особого рода. Здесь речь идет не о власти светского характера. Но Церковь не может быть равнодушной к тому, как устроено сосуществование. Она должна во всеуслышание выступать с предостережением, если, следуя духу времени и прибегая к злоупотреблению властью, создаются условия (структуры греха), которые умаляют человеческое достоинство и мешают или даже не позволяют людям достичь их конечной цели, то есть жизни с Богом и под Богом. Милосердие и любовь к ближнему должны быть прибежищем для бедных и слабых в обществе и защищать их человеческое достоинство. При этом следует иметь в виду не только Церковь как иерархически устроенную организацию, но и Церковь как народ Божий, которая включает духовенство, монашествующих и христиан-мирян.

Быть нейтральным к религии не означает быть арелигиозным

Право на свободное удовлетворение человеком своих религиозных потребностей вытекает из свободы и достоинства личности. Каждый человек имеет право на свободу своей совести. Этой внутренней свободе соответствует пра-

во на свободное выражение своего исповедания отдельно или вместе с другими, то есть право на свободу религиозных общин. Государство поэтому не может и не должно игнорировать религию. Нейтральное по отношению к религии государство отнюдь не является арелигиозным государством. Оно должно уважать и охранять религиозную деятельность, не принимать никаких решений, которые могли бы положить конец религиозной практике, и заботиться о том, чтобы отношения между государством и Церквами и религиозными общинами, а также отношения религиозных общин между собой протекали мирно и при взаимном уважении. Да, государство должно быть заинтересовано в выполнении своих собственных задач по созданию религиозного и ценностного фундамента для жизни своих граждан и общества. В плюралистическом, что касается мировоззрений, обществе оно прямо-таки призвано к тому, чтобы в обществе были учреждения, которые формируют и укрепляют понятие ценностей, так как нейтральное в мировоззренческом отношении государство не в состоянии само устанавливать ценности. По этой причине обязательное преподавание религии в школах опытными представителями публично признанных религиозных общин не только легитимно, но и предпочтительнее любой формы общего курса этики.

Одновременно возникает вопрос о границах религиозной свободы. Может ли государство проявлять нетерпимость в отношении некоторых религиозных правил? Или достаточно провозгласить себя Церковью, чтобы наслаждаться «свободой чудака»? Здесь достаточно указать на «Scientology Church»¹ или на сатанинские секты в США.

Приведенное выше определение терпимости включает одновременно и ограничение. Принцип терпимости не является абсолютным, равно как и принцип свободы совести не является неограниченным. Он защищает не формы поведения, которые представляют угрозу общественным ценностям. Свобода отдельного человека находит свою границу в основном в

¹ «Сайентологическая церковь» (англ.) - возникла после создания американским писателем Р. Хаббардом (1911-1986) сайентологии - формы психотерапии, сочетающей науку и мистику. - Ped.

свободе его сограждан и в публичной безопасности и порядке, а также в нравственности. Ритуальные убийства, совершаемые по религиозным мотивам, столь же малопривлекательны, как и богохульство или иные формы осквернения религии, которые способны нарушить мир в обществе. Обычаи, такие, как, например, полигамия или предписанные религией формы убийства (резка скота), могут вступать в противоречие с основными правовыми нормами конституционного порядка.

Подлинная демократия

Так как в современном плюралистическом (в смысле миропонимания) обществе сосуществуют различные конфессии и мировоззрения, то проблеме терпимости не только в религии, но также и в воспитании, образовании, науке и в других областях культурной жизни придается особое значение. Идеологические силы и различные общественные интересы добиваются своего признания. Принцип терпимости не направлен на защиту пропаганды политических и социальных доктрин и идеологий, которые ради своей победы прибегают к средствам насилия и угнетения (например, расовая ненависть, диктаторские режимы и т. п.). Напротив, государство в свободном обществе именно ради жизненно важных для него принципов свободы и самой терпимости должно проявлять бдительность в отношении таких явлений и решительно выступать против призывов к применению насилия, даже если оно направлено «только» против вещей. Ведь тем самым свободное общество защищает свое существование именно как свободное общество (принцип «подлинной демократии»). Тот, кто в свободе видит принцип общественного порядка, тот противоречит самому себе, если его терпимость простирается до опасности самоупреждения свободы. Причина недоразумений в этом отношении кроется в ложном, негативно понимаемом понятии свободы, типичном для идеалистическо-либералистического духовного течения¹.

¹ См. главу «Свобода».

К этому следует добавить, что это индивидуалистическо-плюралистическое мышление видит в общем благе не ценности и блага общества как такового, но лишь результат противостояния индивидуальных и групповых интересов в обществе; в нем отсутствуют твердые неизменные критерии, которые узаконивают реакцию государства¹.

Но не только насильственную деятельность следует отвергать, ибо есть и другие действия, которые могут серьезно нарушить порядок общественного блага. Принцип терпимости поэтому не оправдывает также и злоупотребление свободой, которое разрушает общественную нравственность, даже если оно скрывается под покровом свободы искусства или выражения мнения. Как, например, односторонние научные концепции, представляющие те направления, которые высшей, охватывающей все сферы духовной жизни нормой считают так называемую не подлежащую обсуждению позитивистскую науку и защищают более или менее открыто тезис, что ученый, признающий философские и религиозные истины, не должен занимать учебные кафедры; они нарушают тем самым принцип толерантности. Отсюда тенденция ограничить терпимость личной совестью человека и не признавать ее за общинами и их организациями, такими, как церковные детские сады или школы. В плюралистическом обществе и община также должна иметь право жить по своей вере и создавать учреждения, соответствующие ее вере (так называемые учреждения с определенной тенденцией). Законы о недискриминации должны учитывать этот аспект; скажем, за католической школой должно быть признано право отказать буддисту, претендующему на занятие места учителя, указывая на его религиозную принадлежность; точно так же и христианская благотворительная организация не может быть принуждена принять на работу мусульманина, даже если он представил лучшие показатели.

¹ См. ту же работу Йоханнеса Месснера.

Характерные черты терпимости

Существенные черты терпимости в современном обществе и культуре можно суммировать следующим образом.

1. Ее сферой является личность, а не дело, то есть терпимость в отношении лиц, но в то же время борьба за истину в деле; терпимость требует не признания равной значимости всех убеждений и ценностных принципов (релятивизм), но уважения к личным убеждениям другого.

2. Терпимость запрещает поэтому сомневаться в подлинности настроения оппонента, унижать его личную честь, применять какие-либо средства и меры против личности в борьбе за истинностные и ценностные принципы, особенно в борьбе партийных идеологий и программ.

3. Поскольку принцип терпимости отнюдь не означает равнозначность всех истинностных и ценностных принципов, то есть его нельзя приравнять к ценностному индифферентизму или агностицизму, он не исключает решительной борьбы за истинностные и ценностные принципы.

Экскурс: Религиозная свобода

Как относится Церковь к инаковерующим? Крестовый поход или миссия? Должна ли вера распространяться посредством меча или посредством проповеди и действенной любви? Этот спор продолжается на протяжении всей истории – в теории и на практике. Франциск Ассизский спешит в 1219–1220 гг. в военный лагерь египетского султана, чтобы убедить его в истине христианской веры, – без успеха; в ответ он услышал только смех. Роджер Бэкон (1214–1294) хотел обратить неверующих посредством науки и мудрости, в то время как его собрат Дунс Скот (ум. в 1308) требовал строгого наказания для «идолопоклонников». Марсилий Падуанский учил в 1324 г., что Церковь не должна применять никакого насилия по отношению к еретикам и неверующим. Однако на соборе в Базеле (1431–1449) было заявлено, что иудеев следует принуждать к слушанию хри-

стианских проповедей. Потребовалось время, прежде чем эти точки зрения полностью прояснились. Ныне католическая Церковь в документах II Ватиканского собора «*Nostrae aetate*» и «*Dignitatis humanae*» однозначно высказалась за религиозную свободу¹.

Наряду с основополагающим человеческим правом свободно избирать свою религию, а также менять свою религию Ватикан на одной из последующих конференций по Заключительному Хельсинкскому акту в 1988 г. еще раз конкретизировал этот принцип религиозной свободы, причем назвал десять прав, которые государство должно уважать и защищать, если оно претендует на то, чтобы обеспечивать для своих граждан религиозную свободу.

1. Право родителей воспитывать своих детей в вере.
2. Уважение религиозных убеждений в светской системе воспитания.
3. Право каждого человека на индивидуальное или организованное в группах религиозное воспитание.
4. Право каждой религиозной общины воспитывать своих священнослужителей в своих собственных учреждениях.
5. Право религиозных общин на совершение богослужений в достойных помещениях.
6. Право на открытый обмен религиозной информацией и приобретение печатных трудов.
7. Право создавать для религиозных целей свои средства массовой информации и иметь доступ к другим средствам массовой информации.
8. Право беспрепятственно собираться вместе, включая паломнические поездки внутри страны и за рубежом.
9. Право на равное обслуживание, без всякой дискриминации, в экономической, общественной или культурной сфере.
10. Право каждой религиозной общины организовываться по собственному усмотрению.

¹ Backes Reinhard. *Verfolgte Kirche*. 2005.

ОБЩЕЕ БЛАГО

Раскрытие понятия

Задача политики заключается в том, чтобы устраивать и формировать человеческое сосуществование как таковое или, выражаясь короче, устраивать сосуществования. Это устраивание проходит под призывом к общему благу, как мы установили в главе «Что есть политика». Подобное устройство позволяет человеку развивать свою личность, оно подобает человеку.

В наших размышлениях о человеке мы видели, что человек есть личность. Несмотря на то что он по своему состоянию представляет собой самостоятельное «Я», он предрасположен и призван к сотрудничеству и общению с другими, чтобы развивать самого себя. Его непреложное достоинство покоится на том факте, что каждый человек как своеобразная мысль Божья в силу его одухотворенной души предопределен для вечности, то есть его существование простирается за пределы этого мира. Каждому человеку поставлена задача исполнить свою личную жизненную задачу, реализовать самого себя в рамках своих возможностей. При этом он нуждается в сотрудничестве и в духовном общении с другими. Это происходит, во-первых, в ходе индивидуальной встречи отдельных людей (например, дружба, взаимоотношения учитель – ученик), во-вторых, в результате вовлеченности человека в различные жизненные сообщества (семья, предприятие, объединение, народное хозяйство, государство, Церковь).

Задача любого сообщества – помочь каждому своему члену развиваться согласно его человеческой природе. Каждое сообщество имеет свой субсидиарный характер. Но каждое сообщество рассчитывает также и на содействие и помощь своих членов ради реализации цели своего сообщества.

Общее благо: цель и средство сообщества

Общее благо каждого сообщества включает, во-первых, задачу или цель или цели, ради которых и существует сообщество, а во-вторых, средства, которые необходимы для того, чтобы это сообщество могло выполнить свою задачу. Так, совместным благом, которого желает достичь хоровой ансамбль, является хоровое пение. Для того чтобы это совместное благо, эта задача сообщества, которое предоставляет каждому своему члену возможность развивать музыкальные способности и радость совместного осмысленного времяпрепровождения, были достигнуты, чтобы задача этого сообщества была выполнена, необходимы конкретные организационные или инструментальные требования: должны быть приобретены ноты, нужен дирижер, а также помещение для репетиций хора; без определенной дисциплины, обязательной для репетиций, хор никогда не сможет выступать, необходимо также, чтобы члены хора регулярно посещали репетиции; потребность в денежных средствах может быть обеспечена посредством взносов, пожертвований и входной платы. Общее благо сообщества требует солидарности его членов и целесообразных средств для достижения цели сообщества. При этом могут возникнуть конфликты между требованиями общего блага сообщества и желаниями и требованиями его отдельных членов. В таком случае отдельный член не обязан подчиняться безоговорочно требованиям общего блага сообщества, но есть иерархия ценностей, которая определяет последовательность обязанностей при данных обстоятельствах в каждом отдельном случае¹.

В малых, легко обозримых сообществах с ограниченными целями и задачами общее благо довольно просто определить. Гораздо сложнее обстоит дело в больших сообществах, таких, как народное хозяйство, государство или даже международное объединение государств. Каково здесь общее благо? Каково общее благо города, региона, страны? Как можно это определить? И кто определяет это?

¹ Об этом см. главу «Солидарность».

Не является ли общее благо пустым понятием, которое может быть заполнено произвольно?

Каждая попытка определить общее благо неизбежно сталкивается с широко распространенными в социальной науке сомнениями и возражениями, что это, мол, трудно распознать, каждый, мол, понимает под этим что-то свое и это способствует затуманиванию интересов. После того как Макс Вебер охарактеризовал мимоходом общее благо как чисто субъективное, некоторые представители социологии стали интерпретировать понятие общего блага как «пустое понятие»¹. При этом характеризуются как пустые понятия именно те понятия, которым в зависимости от соотношения политических сил может придаваться различное конкретное содержание. Так, социологический словарь дает такое определение: «Совместное благо (или общее благо) – это формальное понятие, содержание которого определяется идеологически господствующей в данный момент в конкретном социуме группой и которое служит достаточным основанием для правовых регулирований социальной жизни вообще, а также для особых вмешательств в индивидуальную сферу»².

Однако понятие общего блага стало вызывать резкие споры не только со времени Макса Вебера. В теориях о государственном договоре 17-го столетия, в обосновании Адамом Смитом капиталистического экономического строя в конце 18-го столетия и в утилитаризме 19-го столетия устройство совместного бытия ориентируется уже не на общее благо, а на индивидуальные интересы. Общее благо во всяком случае характеризуется как соблюдение общественного договора, как осуществляемый невидимой рукой социальный результат беспрепятственного претворения в жизнь индивидуальных интересов или как «счастье подавляющего большинства» людей.

Но правильно ли такое понимание, согласно которому общее благо может произвольно определяться господствующим

¹ Hennis Wilhelm. Politik und praktische Philosophie. Neuwied, 1963. S. 65.

² Wörterbuch der Soziologie. Hrsg. von W. Bernsdorf u. Fr. Bülow. 1953.

ней группой, то есть иметь идеологическую природу, когда в действительности могут учитываться только определенные интересы? Или в существе самого этого вопроса – в природе права, экономики, социального устройства и т. д. – имеются критерии объективного характера, без учета которых не может быть достигнуто состояния или, лучше сказать, порядка экономического, цивилизаторского и культурного процветания, позволяющего каждому человеку реализовать себя в самых различных аспектах его жизни. Ведь общее благо не случайно, ибо идеального состояния на земле достигнуть нельзя.

Не является ли, например, налаженная конкуренция на хорошо функционирующем предприятии подобным объектом народно-хозяйственного общего блага (совершенно в духе Адама Смита), потому что как раз опыт показывает, что нечестная рука рынка функционирует не сама по себе, но подчиняясь упорядочивающей руке блюстителей конкуренции, которые следят за соблюдением правил. Рынок как инструмент станет действительно продуктивным только тогда, когда будет царствовать конкуренция. Последняя есть двигатель прогресса и лучшего обеспечения товарами всех участников рынка. Она является гарантом свободы потребления, свободы инициативы и экономической демократии. Но конкуренция одновременно и жестока. И этой жестокости многие предприятия стремятся избежать путем создания картелей, предварительных согласований или обретения монопольных позиций. Для предприятия это экономически выгодно, но в народно-хозяйственном отношении не продуктивно.

Этот пример показывает, что общее благо не может быть пустой формулой, которая определяется только личным интересом господствующего класса или произвольным решением большинства, но коренится в объективном порядке.

Общее благо – сложное соотношение дел

Общее благо в самом широком смысле слова может быть охарактеризовано как «совокупность условий общественной жизни», которые «обеспечивают как группам, так и отдельным их членам более полное и легкое достижение воз-

можности реализовать себя»¹. Общее благо, таким образом, коренится в сложном переплетении ценностей, традиций, технических, экономических, социальных, культурных, правовых и политических структур, переплетении, в котором трудно разобраться, но которое в своей совокупности создает предпосылки для персонального развития и тем самым индивидуального благосостояния. Это касается не только государства, но и всех форм человеческого сосуществования. Так, есть общее благо семьи, университета, предприятия, города, равно как и общее благо государства или сообщества государств.

Государство – гарант общего блага общества

Ответственность за общее благо берет на себя преимущественно государство. В силу своей могущественной монополии и законодательной функции государство возлагает на себя обязанность посредством создания социальных и политико-административных условий обеспечить каждому своему гражданину и малым сообществам возможность формировать под их собственную ответственность свою индивидуальную жизнь в атмосфере свободы и безопасности². Общее благо не просто передается в руки государственной власти, чтобы она могла произвольно распоряжаться им; нет, общее благо является *предгосударственным*, так что оно государственную власть обязывает. Государство должно в своей деятельности ориентироваться на общее благо, что выступает первым условием его легитимности. Это динамический процесс, так как мир постоянно изменяется. Поэтому в функции государства входит ради общего блага поощрение технических, экономических, научных и культурных инициативных сил народа в интересах умножения благосостояния. Одновременно государство должно следить за тем, чтобы все его граждане были причастны к повыше-

¹ II Ватиканский собор. Соборная конституция «Gaudium et Spes», № 26, см. также № 74, а также: Иоанн XXIII. Социальные энциклики «Mater et Magistra», № 65, и «Pacem in Terris», № 58.

² См. об этом главу «Солидарность».

нию материального и культурного благосостояния. Это означает, с одной стороны, укреплять и поощрять свободу и индивидуальную инициативу, готовность граждан повышать свою производительность (субсидиарность), использовать имеющийся возможный потенциал экономического, духовного, культурного развития и сохранять этот потенциальный заряд для будущего, а также, с другой стороны, заботиться о социальном равенстве, чтобы и слабые могли участвовать в культурном, экономическом и социальном прогрессе (солидарность). При этом на политику возлагается задача таким образом строить соответствующий общественный и экономический порядок, чтобы производительные способности в свободном преследовании собственных эгоистических интересов одновременно служили общему благу (стратегическая формула политики порядка¹). Политика, ориентирующаяся на общее благо, должна выходить за рамки «края тарелки», за рамки «Сегодня» и «Теперь» и создавать пространство для будущего развития.

Наряду с этой благой функцией на долю государства выпадает особая мирная функция. Оно должно в рамках своего влияния устранять все, что мешает сосуществованию людей. Подобные помехи могут приходиться извне. Оно должно посредством дипломатии и вооруженных сил обеспечивать внешнюю безопасность. Одновременно государство должно гарантировать внутренний мир. Это предполагает независимость юстиции, эффективную полицию и жизнедеятельное управление, равно как и надежные независимые политические структуры, которые не уступают одностороннему давлению со стороны заинтересованных групп, но осуществляют политику с учетом интересов всех («сильное государство»). Тем самым коррупция и семейственная экономика так же однозначно противоречат общему благу, как и попытки какой-либо одной партии подчинить государство односторонней партийной воле и тем самым утвердиться в качестве государственной партии с целью авторитарного обеспечения собственной власти.

¹ См. также главу «Социальная рыночная экономика».

Высшей целью общего блага является внутренний и внешний мир. Мир, как известно, есть не только отсутствие насилия, но всесторонне обеспеченная справедливость. Последнюю задачу невозможно окончательно решить по причине динамики жизни.

Общее благо – экономическое

С точки зрения народного хозяйства ориентирующаяся на общее благо политика характеризуется следующими крайними моментами. Это – эффективная экономическая политика, которая стремится к постоянному росту при полной занятости и стабильности цен, при соблюдении внешнеэкономического равновесия. Достигается такая цель посредством эффективно функционирующей конкуренции, исследованием окружающего пространства, посредством опирающейся на принципы устойчивости, надежной финансовой и конъюнктурной политики, а также посредством нацеленной на будущее структурной и региональной политики, которая облегчает структурные изменения и одновременно обеспечивает социальную защиту. При этом должны быть по возможности обеспечены сравнительно равные условия жизни во всех частях страны. Налоговая политика как важнейшее средство обеспечения поступлений в казну государства обязана ориентироваться на принцип производительности, не подавляя, однако, при этом мотивации и платежеспособности граждан и предприятий слишком высокими тарифами. Во всех указанных сферах государственной и общественной деятельности должны соблюдаться принципы политики порядка в духе социальной рыночной экономики.

Общее благо – социальное

Ориентирующаяся на общее благо социальная и общественная политика имеет своей целью не только перераспределение материальных благ в настоящем, но и равномерное распределение нагрузки между поколениями.

Она определяет основные гарантии на случай переходных условий в жизни (болезнь, несчастный случай, безработица), но при этом стремится избежать искушения превратиться в «снабжающее государство» (благотворительное государство) коллективистского толка, в котором поди «от колыбели до могилы» находятся под опекой государства, заботящегося об их материальном обеспечении. Со стороны населения этому противостоит «менталитет полного обеспечения», искушение избежать всякого напряжения и всякого риска в жизни и предупредить какое-либо ограничение их собственного образа жизни и их свободы. Поэтому ориентирующаяся на общее благо социальная и общественная политика поддерживает личную инициативу не только в экономической, но и в общественной и культурной жизни. Она обеспечивает необходимые основы жизни общества посредством укрепления семьи, привлечения всех к участию в образовании и культуре и в политике ради жизни.

Социальная и общественная политика учитывает, что она не должна концентрировать свое внимание только на обеспечении материального и экономического существования людей, но что для подлинной полноты жизни необходимо нечто большее, чем просто обеспечение и потребление, о чем особенно свидетельствует все более ширящаяся праздность и тяга к развлечениям среди молодежи в нынешнем благополучном обществе, многие представители которой стремятся преодолеть неудовлетворенность существованием, прибегая к наркотикам и эксцентризму. В результате складывается позитивный климат, побуждающий людей к тому, чтобы обрести в своей жизни не только материальные, но также социальные и духовные, прежде всего религиозные, ценности. Поэтому образовательная политика должна акцентировать усилия как на полезности экономики (избегая опасности чисто инженерного менталитета), так и на гуманистическом образовании в смысле всеобъемлющего формирования личности и побуждать к высшим культурным достижениям в смысле сбалансированной научной и духовной культуры.

Взаимосвязь между общим благом и благом отдельного человека

В благоустроенном обществе не существует принципиального конфликта между благом отдельного человека и общим благом, потому что первейшая задача общего блага заключается в том, чтобы помочь каждому члену общества реализоваться и развиваться как личность. Общее благо стремится к наилучшему развитию всех и как нравственный порядок отвечает за справедливость по трем ее измерениям¹. Конечно, в ряде случаев могут возникать конфликты, так как отдельный человек с присущими ему производительными возможностями должен способствовать функционированию общего блага. Это означает, конечно, отчисления и ограничения в интересах совместного, всеобщего блага. Но необходимость самоограничения определяется не просто общественной полезностью или принципом наибольшего счастья для наибольшего числа людей (принцип абсолютного большинства), но требует от каждого выбора между соответствующими правовыми благами. Государство не может односторонне и произвольно, под предлогом общего блага, вмешиваться в личные права каждого отдельного человека, взимать налоги или отдавать предпочтение определенным общественным группам. Достоинство каждой отдельной личности требует соблюдения неотъемлемых прав, которые должно уважать также и большинство, даже если они и неудобны. Общественная полезность не оправдывает, например, вмешательство, которое связано с нарушением фундаментальных человеческих прав. В основном законе Германии имеется перечень основных прав, которые защищают человека от неоправданного вмешательства государства или общества. Европейская хартия прав человека имеет непосредственную законодательную силу, закрепленную в конституциях стран-членов Совета Европы, так что каждый гражданин может, если он исчерпал все правовые пути в своей собственной стране, обратиться в Страсбург в Европейский суд по правам человека и потребовать соблюдения своих основных прав.

¹ Три измерения справедливости суть следующие. Справедливость обмена между отдельными лицами (*do et des*), а также контрибутивная и дистрибутивная справедливость между отдельным человеком и обществом в целом.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Когда в конце 60-х гг. беспилотный космический корабль впервые покинул земную атмосферу и совершил полет вокруг Луны, он передал на Землю снимки, которые повергли в изумление людей. Эти снимки изображали не неизвестную до тех пор обратную сторону Луны, нет, вызвавшие изумление фотографии изображали саму Землю: голубую планету. Люди не представляли себе, что мир, в котором они живут, так прекрасен! Подобно зелено-голубому изумруду парит Земля в мировом пространстве.

В то же время в западных странах последствия массовой индустриализации в последние 100 лет начали все больше сказываться на окружающей среде: загрязнение воздуха, мертвые реки, умирающие леса; к этому в середине 70-х гг. добавился еще один фактор – энергетический кризис. Постепенно начало формироваться сознание, что наши ресурсы ограничены, что мы живем в *одном* мире, что происходящее в окружающей среде не заключается в границах страны, что мы живем в огромной экосистеме и наши действия могут оказывать обратные воздействия на все остальное, что следует хранить эту Землю как особое, возможно даже единственное в своем роде творение в мировом пространстве и в наших собственных интересах ответственно обращаться с тем, что составляет основу нашей жизни. Выражение «глобально мыслить, локально действовать» наиболее полно отражает эту мировую взаимосвязь.

ООН заинтересовалась этой охватывающей весь мир проблематикой окружающего мирового пространства и на целом ряде конференций попыталась добиться широкого консенсуса по некоторым насущным проблемам, таким, например, как «Запрет FCKW» для защиты озонового слоя

в атмосфере. Важной вехой явилась конференция в Рио-де-Жанейро в 1992 г., особенно так называемая «Статья 21». Здесь впервые на международном форуме был изложен принцип устойчивости как основополагающий критерий развития.

Принцип устойчивого развития

Понятие «устойчивость» заимствовано из науки о лесе. Там под этим понимается щадящий способ обращения с лесом, который помогает тому, чтобы лес сам по себе восстанавливался и в долгосрочном плане давал равномерную отдачу. Эта основная мысль находит свое обобщенное отражение в принципе устойчивости: речь идет о том, что человек в своем делании помнит об экзистенциальных естественных основах своей жизни, с которыми он сталкивается в окружающем его материальном мире. Он должен пользоваться благами, предоставляемыми ему природой, и не расходовать их напрасно. Сырьевые материалы в природе не возобновляются или восстанавливаются не в достаточной мере и не с достаточной скоростью, поэтому он должен использовать их разумно, по возможности вторично, а не просто расточать (металлы, энергия, минеральные сырьевые материалы). Он не может использовать экосистему сверх ее самоочищающих и саморегулирующих возможностей, чтобы не причинить ей длительного необратимого вреда (закарстовывание, изменения в прорастании и т. д.). В самом широком смысле речь идет, таким образом, о том, чтобы моральные требования сохранения творения сочетать с задачей формирования мира. Все человеческие процессы должны учитывать всеохватывающую взаимосвязь сил природы, которая предзадана для всякого человеческого делания, если только человек не хочет лишиться себя почвы, на которой он живет. Последующие поколения также имеют право на то, чтобы им достался неповрежденный мир и чтобы они могли пользоваться его ресурсами. Было бы явным преступлением против справедливости, если бы живущие ныне, не думая о последствиях, использовали исчерпаемые

ресурсы вплоть до их истощения и жили бы себе припеваючи, а будущим поколениям оставили бы расхищенную, непригодную для жизни планету.

Принцип устойчивости ориентируется, таким образом, на принцип справедливости, в данном случае в отношениях между поколениями, и может тем самым рассматриваться как дополнение к классическим социальным принципам солидарности и субсидиарности. Долгосрочные цели общественного и экономического развития и процесс развития как таковой должны быть пригодными для будущего и соответствовать этому будущему, включать в себя заботу о защите окружающего пространства и природы как условие стабильности современной цивилизации.

Здесь опять вступает в действие классический фактор производства, которым пренебрегали на протяжении многих десятилетий: а именно фактор «Земля». Ввиду массивного роста вторичного (индустриального) и третичного (обслуживающего) сектора экономические и социальные науки сосредоточивали свое внимание в первую очередь на производственных факторах «Капитал» и «Труд», добавляя к этому классическому перечислению еще один фактор — «Организация» и/или «Технический прогресс». Производственный фактор «Земля» во всяком случае упоминался в науке лишь кратко и только ради полноты. С возникновением проблем, связанных с окружающей средой и с ростом понимания глобальности экосистемы фактор «Земля» опять оказывается в центре внимания. Но на сей раз речь идет не столько об основах сельскохозяйственного производства или о добыче сырья, сколько о возобновляемых сырьевых материалах и циклической экономике. Речь идет, таким образом, о подлинной интеграции фактора «Земля/Окружающее пространство» как необходимого рамочного условия и материальной основы хозяйствования в экономическую теорию и практику.

«Статья 21», однако, выходит далеко за рамки узкого, чисто экологического видения. Признавая, что отклонения в социальном развитии могут иметь экологические последствия, конференция в Рио-де-Жанейро рассматривает ус-

тойчивость как формальную целевую систему глобального развития, которая наряду с экологическими, техническими и экономическими параметрами стремится сочетать социальные и этические аспекты. Социальная справедливость, экологическая осторожность и экономический рост должны быть приведены в созвучие друг с другом. Причем, согласно принципу Всеобщего Предназначения Благ этого мира, речь идет не только об обеспечении основными благами, но и о возможностях развития и участия в нем всех людей как основополагающего требования достойной человека жизни.

Принцип устойчивости и мировоззрение

Как и в случае с основополагающими социальными принципами, принципом свободы и принципом солидарности, так и в случае с принципом устойчивости встречаются различные мировоззренческие подходы, хотя и с некоторой экологической окраской. Прежде всего это представители слабой устойчивости (*weak sustainability*). Они исходят из того, что природные ресурсы можно большей частью заменить капиталом, то есть необходим всего лишь процесс технической модернизации, включающий экологию в параметры экономической системы как побочное условие, чтобы устранить появляющиеся неравновесия. Циклическая экономика нужна для того, чтобы машина производства и потребления продолжала и дальше работать. Здесь нетрудно усмотреть параллели с антропоцентристским, либералистическо-индивидуалистическим мышлением.

Против этого решительно выступает воинствующий антиантропоцентризм, настаивающий на учете собственных «прав» природы и решительно отвергающий замену природы вещевым капиталом. По его мнению, человек должен по возможности без помех включаться в естественный кругооборот. Экстремальная форма усматривает квазигрехопадение в действиях самого человека. В этих рассуждениях легко можно обнаружить аналогии с коллективистскими представлениями, что указывает на их определенное родство с левыми позициями.

Напротив, персоналистская позиция имеет в виду прежде всего объективную справедливость. Исходным моментом является человек как «*Creator Secundus*» (второй творец). Человек был сотворен для того, чтобы он работал, и послан в этот мир, чтобы возделывать и хранить его, а также чтобы обладать им¹. Поэтому человек «не может произвольно распоряжаться землей, подчиняя ее без колебаний своей воле, как если бы она не имела своего собственного образа и данного ей Богом предназначения, которое человек должен хранить, но не предавать»².

Поскольку дееспособность экологической системы выступает одним из основополагающих условий выживания человечества, уважение перед порядком Творения стоит тем самым на первом плане. Порядком Творения, понимаемым не только в моральном смысле, но также и в физическом и биологическом смысле, особенно что касается его репродуктивных и регенеративных аспектов (политика ради жизни). Человек должен соблюдать и ценить смысл и значение взаимопереплетений внутри не-человеческой природы. Сохранение многообразия видов, охрана природы и бережное отношение к окружающему миру являются выражением «пийет», богопочитания или – выражаясь секулярным языком – объективной справедливости, когда человек соответствует своей управленческой функции.

Так как блага/плоды земли предназначены для всех людей, должна учитываться также и точка зрения распределения. Речь при этом идет не только о справедливости внутри ныне живущих (в национальном и международном плане), но также и между поколениями. Принцип устойчивости связывает таким образом экологический вопрос с принципом солидарности внутри поколений и между поколениями, а также с принципом subsidiarности (в смысле распределения акцентов (глобально мыслить – локально действовать) и призван способствовать эффективному включению мира культуры в структуру природы с целью взаимной стабилизации.

¹ См. Быт. 1:28 и 2:15.

² Иоанн Павел II. Энциклика «*Centesimus Annus*» от 1.5.1999. № 37.

Изменить вид хозяйствования и стиль жизни!

Ориентирование экономического и социального развития на состояние окружающего мира природы необходимым образом требует преобразования цивилизационного развития и более глубокого понимания хозяйственно-технического прогресса и экономической рациональности.

Свое практическое осуществление принцип устойчивости находит во введении шадящего для окружающего пространства кругооборота хозяйствования, широкой ответственности за производство продукта в соответствии с принципом бережного отношения к окружающему миру, справедливого для пользователей распределения издержек за использование окружающего пространства¹, а также в устранении зависимости роста экономики от эксплуатации окружающего пространства благодаря новой технике производства, берегающей окружающее пространство и ресурсы. Сюда относится также и решение фундаментальных проблем бедности, которые имеют экологические причины и оказывают обратное воздействие на окружающий мир природы. Но в конечном итоге и прежде всего это первостепенный моральный вопрос для западной модели цивилизации и связанного с ней стиля жизни. Речь идет об отходе от модели материалистического консумизма и экономизма Запада, о преодолении «желания иметь», от искусственно создаваемых потребностей, о выработке образа жизни, ориентирующегося на то, чтобы «быть»², при котором «поиск истинного, прекрасного и благого и связь с другими ради совместного роста суть те элементы, которые определяют принятие решений относительно потребления, накопления и инвестиций»³. Речь идет тем самым о том, чтобы обратиться к добродетели уважения к достоинствам жизни и творения.

¹ См. главу «Социальная рыночная экономика», раздел «Политика порядка».

² Этот термин заимствован из труда психоаналитика и философа Эриха Фромма (1900–1980) «Иметь или Быть» (1976).

³ Иоанн Павел II. Энциклика «Centesimus Annus» от 1.5.1999. № 36.

СОЦИАЛЬНАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Вы, несомненно, хотите улучшить свое экономическое положение? Это, конечно, микроэкономическая проблема, хотя ее решение зависит от макроэкономического контекста (экономического положения) и особенно качества и эффективности рамочных институциональных условий, в которых развивается национальная и международная экономика. Концепция социальной рыночной экономики сама по себе уже представляет эффективные институциональные рамки порядка.

Сразу же после Второй мировой войны Западная Германия имела счастье, что в ней ключевые посты в экономической политике занимали такие люди, как Людвиг Эрхард, Мюллер-Армак и другие экономисты (все представители основанной Вальтером Ойкеном Фрайбургской ордолиберальной школы), которые пережили в своей жизни:

- 1) классический капитализм перед Первой мировой войной;
- 2) великую инфляцию (1923 г.);
- 3) большой экономический спад (1929–1933 гг.);
- 4) централизованно-управляемую экономику во времена Гитлера;
- 5) экономическое крушение Германии после Второй мировой войны и обладали большим запасом экономическо-политического опыта.

Людвиг Эрхард, отвечая на вопрос, почему два года спустя после окончания войны экономическое положение лю-

дей, несмотря на все их усилия, скорее ухудшилось, а не улучшилось, очень быстро пришел к заключению, что не огромные военные разрушения и массы беженцев явились собственно причиной послевоенных нужд, а неправильная организация аппарата макроэкономического развития. Он осуществил в 1948 г. в Западной Германии основополагающие реформы – провел денежную реформу и ввел свободную и социальную рыночную экономику. Тем самым он заложил основу для «германского экономического чуда» 50-х гг. 20-го столетия.

Свободный общественный и экономический порядок

Социальная рыночная экономика отнюдь не является рецептом быстрого обогащения! Социальная рыночная экономика – это прежде всего философия порядка, которая ставит человека в центр внимания. Она есть экономический порядок свободного общества или, лучше сказать, свободный общественный и экономический порядок.

Почему важен акцент на этом двойном аспекте – общественного и экономического порядка? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить сначала главный вопрос: каков смысл экономики?

Экономика – это не самоцель. Человек должен заниматься хозяйством и трудиться. Он должен заниматься хозяйством, чтобы обеспечить основу для своего существования. Если выживание, основные потребности – еда, одежда, жилище – обеспечены, тогда он обращается к другим занятиям: путешествие, искусство и культура, общение, здоровье и спорт, религия и вопросы о смысле жизни, охрана окружающего пространства и т. д., короче говоря, начинает украшать свое жизненное пространство и развивать свою духовную личность¹.

¹ Вспомним энгельсовский экономический закон, который может помочь лучше понять происходящее в восточноевропейских странах в последние годы.

Материальные блага ограничены. Задача человека – все дальше и дальше отодвигать границы этой ограниченности посредством вторичной переработки сырья, более рационального использования сырьевых продуктов и т. д. Здесь требуются технический прогресс и творческая энергия человека. В конце концов, эта ограниченность никогда не будет окончательно преодолена, ибо мир ограничен. И даже при материальном изобилии наше время будет всегда ограниченным. Из чего следует:

- 1) экономический принцип есть основополагающий принцип нашего рационального делания; но
- 2) любое удовлетворение потребностей, всякое материальное благосостояние разбивается в конечном итоге об ограниченность нашей жизни.

Говорят: «У погребального савана нет карманов», с собой в могилу ничего взять нельзя. И все же что-то можно взять! Это – красота нашей души, но это не экономическая, а общечеловеческая категория. Здесь кроется смысл и исполнение жизни.

Таким образом, становится ясно: экономика носит служебный характер. Она стоит на службе отдельного человека и общества, ибо отдельный человек, отдельное лицо, может существовать только в общении с другими людьми: семья, коллеги по работе, церковная община, город или деревня и т. д. Человек призван к сотрудничеству и общению, чтобы выжить и развиваться. Свое высочайшее счастье он находит в истинно человеческой любви. Не хлебом единым жив человек! Экономическая и общественная политика, ориентированная на общее благо, должна поэтому иметь в виду ценности духовного и нравственного содержания жизненного устройства. Экономическая политика не может рассматриваться изолированно как чистая политика, но она является частью всеобъемлющей общественной политики.

Общественная политика имеет в виду устройство совместного бытия как такового, чтобы каждому отдельному че-

ловеку в соответствии с экономическими и культурными возможностями его времени дать шанс прожить удачную жизнь и исполнить свое личное предназначение в жизни.

Сегодня в западных промышленно развитых странах наблюдается тенденция все рассматривать с точки зрения главенства экономики и все сферы жизни подчинять экономическим нуждам. Такая односторонность таит в себе большую опасность для человека и общества. Подобную тенденцию можно охарактеризовать также как коммунизм.

Кратко можно резюмировать так: экономика – это еще не все, но без экономической базы все – ничто!

Система или порядок

Но давайте возвратимся к исходному пункту: социальная рыночная экономика есть философия порядка! Порядок, что это такое?

Противоположное порядку понятие есть система. Социалистическое плановое хозяйство есть экономическая система, которую характеризовало стремление все предопределить и направить, подобно машине, где каждая шестеренка должна была точно совпадать с другой, с тем чтобы машина работала. Для свободы здесь, по моему мнению, нет места. Отдельный человек становится слугой экономики и системы. Он должен функционировать только так, как предписано. Названные выше критерии развития личности и т. д. не играют здесь значительной роли.

Порядок же понимается иначе. Здесь актеры свободны. Каждый делает то, что он хочет, в одиночку или в добровольном союзе с другими. Однако, чтобы не возник хаос или чтобы отдельные лица не захватили власть, необходимы ясные правила игры, ясное поле (или рамки) игры. Тогда легко следить за их соблюдением и менять правила в случае необходимости.

Или, конкретно касаясь нашей темы, – задача государства и политики заключается в формировании общественного и экономического порядка, в рамках которого люди хозяйствуют и живут. Политика посредством законов создает

рамки и правила игры, руководство определяет рамочные условия и следит за соблюдением правил конкуренции в игре. Игра совершается на рынке по рыночным правилам игры, то есть при свободном ценообразовании в соответствии с предложением и спросом, посредством открытой конкуренции.

Основные цели социальной рыночной экономики

Основные цели социальной рыночной экономики таковы: свобода – социальная безопасность – производительность.

А) Свобода

Социальная рыночная экономика уважает и поддерживает принцип свободного развития и самоопределения личности. Свобода потребления, выбора рабочего места, собственной экономической деятельности (то есть право основывать собственное предприятие) – таковы существенные составные элементы человеческих прав.

Рынок есть то место, где эта свобода может осуществляться. Рынок есть живая демократия. Потребитель ежедневно определяет свое решение о покупке, и предложение реагирует на сигналы такого спроса. Рынок более демократичен, чем политическая демократия, потому что рынок реагирует не только на большинство голосов, но старается удовлетворить все потребности, которые покрываются достаточной покупательной способностью. Но:

1) рынок слеп. Как чистый механизм сбалансирования предложения и спроса он в отношении хлеба и автомобиля функционирует точно так же, как и в отношении наркотиков;

2) участники рынка хотят ограничить свой риск и заработать больше, то есть они стараются, прибегая к различным легальным и нелегальным ухищрениям, оградить себя от жесткостей рынка.

В обоих случаях государство и общество – особенно общественное мнение – как блюстители общего блага призваны, во-первых, воспрепятствовать проникновению на рынок плохих продуктов (это стремление имеет нечто общее с морально-нравственным измерением), а во-вторых, стремятся обеспечить открытую и честную конкуренцию.

Сильное государство¹

Для этого необходимо сильное государство, независимые политики, независимое общественное мнение и свободные, ответственные и сознательные граждане. Только так может быть гарантировано, что отдельные заинтересованные группы не будут использовать государство в своих целях в ущерб другим участникам рынка.

Социальная рыночная экономика не низводит государство до положения ночного сторожа, как при либеральном капитализме, но предусматривает сильное, самосознательное государство, которое заботится об общем благе и обеспечивает экономическую и социальную функцию конкуренции.

Полезные для рынка вмешательства – стратегическая формула политики порядка

Вмешательство государства должно отвечать нуждам рынка. Здесь мы подходим к другому важному моменту. Замораживание цен, задержка зарплаты, административные вмешательства посредством распоряжений, манипулирование рынком или подкуп чувствительно нарушают рыночный механизм и приводят в конечном итоге к еще большим вмешательствам. Всякий интервенционизм побуждает к постоянному самоутверждению.

Как раз в нашей медийной демократии политики постоянно подвергаются опасности по пиаровским сообра-

¹ О понятии «сильное государство» см. главу «Общее благо», раздел «Государство – гарант общего блага общества».

жениям впадать в «акционизм» и, поощряемые требованиями отдельных заинтересованных групп, действовать «прагматически». Это – яд для свободной и социальной рыночной экономики. Правильные политико-экономические меры всегда благоприятны для рынка и «чисты» с точки зрения политики порядка. Здесь я должен кое-что пояснить. Английский философ Томас Гоббс (1588–1679) подытожил свое мнение о человеке и обществе следующим образом: «Человек человеку волк!» Следовательно, государство должно принуждать каждого делать не то, что он хотел бы делать, исходя из своих эгоистических интересов, а то, что отвечает общему благу. Постулируется, таким образом, принципиальное противоречие между индивидуальным благом и общим благом. Из этого следует: посредством законов, распоряжений, указов и прочих регулятивных актов складывается полноправное командное государство, которое энергично наблюдает, предостерегает и административно вмешивается. Здесь налицо принципиальное недоверие к свободе. И каждый стремится найти лазейку, чтобы проскользнуть мимо законов или, используя связи, вплоть до коррупции, обеспечить себе особые условия.

Не такова позиция социальной рыночной экономики. Она исходит из того, что индивидуальное благо и общее благо в принципе не противоречат друг другу и даже обуславливают друг друга. Конечно, могут возникать конфликты. Эти конфликты возникают или по причине нравственных недостатков индивидуума, или по причине несовершенного порядка. В последнем случае необходимо рамочные условия и правила игры изменить таким образом, чтобы каждый в отдельности, преследуя свои эгоистические интересы (это могут быть прибыль, престиж, развитие его творческой инициативы и т. д.), одновременно служил общему благу (такова стратегическая формула политики порядка). Речь идет, собственно говоря, о том, чтобы запрягать эгоизм впереди телеги общего блага, чтобы как можно быстрее и увереннее прийти не только к материальному благосостоянию, но и к нравственно лучшему обществу,

которое гарантирует каждой личности наибольшее возможное развитие¹.

Социальная рыночная экономика является, таким образом, моделью гармонии на базе свободы. При такой концепции политик-хозяйственник призван не впадать в поспешный, интервенционистский активизм и не смешивать эффективность с экономичностью. Он становится скорее «философом», который внимательно следит за хозяйственным процессом и

¹ Пример: в 70-х гг. XX в. в Федеративной Республике Германии возникла крайняя необходимость что-то сделать в отношении сохранения чистоты вод. В распоряжении имелись три возможности.

1. Категорический запрет на сброс загрязненных вод в реки, что, однако, потребовало бы дополнительных чрезвычайных мер, чтобы избежать паралича промышленности. Но проведение чрезвычайных мер предусматривает бюрократическое вмешательство, связанное с расходами и инвестиционными вложениями, что де-факто делает невозможным быстро решить вопрос об инвестициях и создает климат, который способствует созданию благоприятных возможностей для политического влияния вплоть до коррупции.

2. Разрешение на свободный сток в реки с единственным обязательством платить за каждую единицу причиненного ущерба. Вместо сложных технико-юридических урегулирований политико-экономическое решение ограничивается при этом определением размеров платы. Она может быть такой высокой, что в реки будут сбрасываться менее загрязненные воды, чем эти реки могут «переварить» в сухие годы благодаря своим собственным самоочистительным силам.

3. Каждый хозяйствующий субъект при таком решении абсолютно свободен самостоятельно решать, хочет ли он продолжать, как и прежде, сбрасывать свои загрязненные воды в реки или для него экономичнее построить собственное очистительное сооружение, или перестроить процесс производства таким образом, чтобы уменьшить, а возможно, вообще избежать стоков, или заменить производственные компоненты, изготовление которых требует больших стоков, другими. Никто не указывает ему, как он должен решить эту проблему, никто не дает ему предписания. Он решает ее исходя из своих индивидуальных интересов и служит одновременно общему благу. Введение платы за сброс привело, во всяком случае через несколько лет, к тому, что загрязнение германских вод значительно сократилось и реки стали чище.

Противоположным примером, когда политико-правовой принцип не был применен, является введение нормированного катализатора для очищения выхлопных газов автомобилей. Здесь политико-экономическое решение просто отвергло все другие технические альтернативы.

два-три раза в году, в зависимости от протекания хозяйственного процесса, регулирует его направление посредством своевременных легких поправок в рамках порядка.

В) Социальная безопасность

Основными целями социальной рыночной экономики являются свобода, социальная безопасность и производительность. При этом социальная безопасность является выражением универсального принципа – блага мира предназначены для всего человечества. Это не предполагает отмены частной собственности, как того требовал социализм; сформулированный принцип означает, что экономический и общественный порядок при соблюдении добродетели справедливости должен обеспечивать всем людям участие в экономическом и общественном процессе.

Но социальная политика не является каретой «скорой помощи» рыночной экономики, не может и не должна ограничиваться тем, как это делается при капитализме.

Социальная безопасность означает:

Стабильность цен

Инфляция есть обман вкладчика, есть недооценка труда и заработной платы. Кроме того, инфляция ведет к бегству капитала из производства, например на приобретение материальных ценностей, которые в нормальных условиях не пользуются спросом. В периоды инфляции проценты показывают, что именно тормозит инвестиции. Напротив, рынок только тогда эффективно функционирует, если цены действительно являются выражением фактической нехватки товаров.

Солидарность

Соответствующие меры призваны регулировать первичное распределение рыночных доходов посредством, например, прогрессивных налогов, чтобы путем перераспределения (детские деньги/сглаживание семейных расходов, деньги на жилье, помощь для инвалидов, социальная помощь и т. д.) дать

возможность всем слоям населения принять участие в экономическом прогрессе независимо от того, вовлечены ли они в производственный процесс (работающие, держатели капитала, предприниматели) или нет (дети, пенсионеры, инвалиды и т. д.). При этом, с одной стороны, отчисления не должны быть слишком высоки, чтобы плательщики не утратили желания работать и не уехали за границу. Во-вторых, не следует впадать в ошибку строить такое благосостоятельное государство, которое может парализовать собственную инициативу людей, включая и социально ущемленных. Здесь необходимо, следуя принципу subsidiarности, строго гарантировать условия для самопомощи. В Германии в последние десятилетия мы часто пренебрегали этим принципом, что, учитывая бремя воссоединения и ввиду демографического роста, создает для нас теперь дополнительные экономические и политические трудности.

Первичное распределение дохода, которое спонтанно складывается на рынке как доход от труда и капитала¹, должно регулироваться посредством приемлемых для рынка мер². Результатом является вторичное распределение дохо-

¹ См. об этом также в главе «Собственность» раздел «Собственность есть кража? Соотношение между трудом и капиталом».

² Под приемлемыми для рынка мерами понимаются такие регулятивные меры, которые не искажают свободную игру спроса и предложения, а также ценообразование и конкуренцию. Например, субвенции в связи со строительством социального жилья искажают спрос и предложение на рынке жилья. Возникает сложный инструмент регулирования того, как должны выглядеть социальные жилища, чтобы они могли быть привлекательными для субвенций, кто может въехать в эти жилища и когда (ошибки в сроках) и какова должна быть арендная плата (зависимость от арендной платы). Кроме того, субвенции ведут, как правило, к небрежному обращению с расходами. Более дорогие жилища продаются на рынке по причине субвенций более дешево и искажают таким образом конкуренцию. Административные цены и надбавки на жилье противоречат индивидуальным жилищным потребностям нуждающихся. Дело доходит до утечки капитала. Частные инвесторы воздерживаются от инвестиций в жилье. Имеет больше смысла и более приемлемо для рынка щедрое распределение денег на жилье, которое дает социально слабым кругам населения возможность платить рыночную цену или предоставляет им свободу выбора – арендовать жилище в соответствии с их индивидуальным вкусом или даже построить собственное жилье.

дов. Тем самым становится ясно, что социальное страхование должно ориентироваться не на инструмент перераспределения, но на принцип производительности, так как в противном случае труд искусственно дорожает, что таит в себе опасность безработицы, ибо рынок чувствительно реагирует на изменение стоимости производственных факторов, то есть заработной платы и процентов.

Важно всегда учитывать следующий принцип: социальная безопасность должна ограничиваться страхованием основного, главного. Если экономический уровень повышается, то каждому в отдельности должно быть предоставлено право решать, как он может защитить себя посредством дополнительных мер – путем ли страхования, приобретения собственности и т. д.

Следующий принцип: политика в обществе не исчерпывается только эффективной социальной политикой (в смысле политики, односторонне направленной на перераспределение доходов), но распространяется также, в зависимости от уровня экономической мощи, и на другие области жизни, как, например, транспорт, здравоохранение, окружающее пространство, образование, исследовательская работа, культура, городское строительство и т. д., то есть на все те сферы, которые оказывают воздействие на конкретные условия жизни людей и влияют тем самым на общественный климат в стране¹. Но и здесь также действуют принципы политики порядка и subsidiarности. Государство посредством соответствующих «приемлемых для рынка» мер должно поощрять свободные общественные силы к тому, чтобы они сами решали назревшие задачи.

Концепция социальной рыночной экономики относится с глубоким недоверием к бюрократическим и благотворительным мероприятиям государства и принципиально

¹ Бывший федеральный министр по делам семьи Вюрмелинг (ХДС) метко заметил однажды: агрессивный потенциал значительно понижается в стране, если семьи имеют в своем распоряжении достаточно большое жилище и если работающий благодаря хорошей инфраструктуре имеет транспортные средства, которые дают ему возможность без стрессов добраться до работы.

отвергает всякую попытку возлагать за все ответственность на государство. Во всяком случае, политикам постоянно угрожает опасность популизма (то есть выступать в качестве благотворителей за счет других, а именно за счет налогоплательщиков). Поэтому граждане должны быть ответственными, зрелыми, свободно мыслящими, чтобы не подпасть под управленческую опеку со стороны государства. Благотворительное государство постоянно сталкивается с искушением считать свой путь наиболее удобным, но в конце концов такой путь неизменно ведет к регламентации всех сфер жизни, утрате свободы и бюрократическому обществу, в котором творческая инициатива и саморазвитие являются скорее помехой.

С) *Производительность*

Производительность является третьей основной целью социальной рыночной экономики. Речь здесь идет о построении эффективного экономического и общественного порядка, который гибко и быстро реагирует на изменения в мире и который способствует быстрому росту технического прогресса для повышения благосостояния людей.

Принцип производительности соответствует динамике социальной справедливости; ибо, прежде чем что-то распределить, нужно это что-то создать. Но это что-то создается только тогда, когда создающий видит свой интерес прежде всего в том, чтобы это создать. Мы опять вернулись к стратегической формуле политики порядка: запрягать наиболее мощного производителя, преследующего свои собственные интересы, впереди телеги общего блага.

Государственные управленческие структуры также должны выверять свою деятельность. При этом централизованный бюрократический государственный аппарат делает это, как правило, с трудом. Поэтому здесь так важно строго соблюдать принцип субсидиарности. Широкое коммунальное самоуправление обеспечивает при конкуренции городов и регионов творческую инициативу, инновацию и свободу.

Резюме

Социальная рыночная экономика – это общественная философия порядка, в которой либеральная традиция рыночной экономики сочетается с принципами христианского социального учения о личности и обществе. Концепцию социальной рыночной экономики нелегко изложить. Это не книга рецептов. Интеллигентная политика порядка требует тщательного анализа менталитета и образа поведения людей в каждый соответствующий период времени, ясного представления о требованиях общего блага в соответствующий исторический момент, большой творческой энергии в определении рамок порядка. Она предполагает твердость в отношении требований определенных мощных заинтересованных групп и много терпения и упорства по отношению к близоруким и часто популярным мнимым «легким» решениям. Социальная рыночная экономика – дело не нескольких немногих технократов, она должна, чтобы быть успешной, опираться на широкий консенсус уважающего собственное достоинство свободолюбивого населения.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В последнее десятилетие мир стал экономически более тесным благодаря телекоммуникационным и информационным технологиям и дешевым транспортным системам и системам логистики. Чрезвычайно широкое распространение Интернета с его «World Wide Web» (www) превратило весь мир в «виртуальную деревню». Эта сеть, преодолевая континенты, предоставляет многочисленные возможности для встреч и обмена информацией, которые могут быть осуществлены без проблем, не отходя от собственного стола и в режиме реального времени. Радиус частных и общественных действий для отдельных лиц и небольших обществ расширяется и позволяет решать дела, что до сих пор могли позволить себе исключительно более крупные предприятия с обширной сетью экспорта и распределения. Наиболее отчетливо это проявилось в финансовом секторе. Современные средства коммуникации в сочетании с либерализацией и дерегулированием рынков капитала в последние десятилетия привели к созданию глобального рынка финансов и капитала, который, однако, скоро потребовал создания эффективных рамок порядка, чтобы позитивно оцениваемая свобода потоков капитала не обратилась вследствие финансовой и валютных спекуляций против общего блага многих народов (например, кризис в Юго-Восточной Азии в конце 90-х гг.).

И здесь же появляются критики, громкогласно высказывающиеся против глобализации и тем самым рискующие одним резким словом бросить тень на весьма дифференцированный процесс всемирного экономического развития. С другой стороны, то же резкое слово может быть использовано для того, чтобы обосновать жесткие структурные формы, которые глубоко внедряются в социальную сферу и в корне изменяют условия жизни людей, правда не всегда справедливо, как выясняется при более точном анализе поводов и причин.

Дискуссия о глобализации началась не сегодня

Глобализация отнюдь не новое явление. Уже о Карле V (1500–1558), германском императоре и испанском короле, можно было сказать, что в его империи солнце никогда не заходит.

Рынки сырья и энергии уже давно являются в значительной мере глобальными рынками, как показывают биржевые сообщения с международных рынков сырья.

Дискуссия о «за» и «против» глобализации также не нова. В 19-м столетии такой спор велся между сторонниками свободной торговли и ее противниками, которые хотели посредством оградительной таможни и протекционистских мер защитить национальную экономику от иностранной конкуренции.

Свободная торговля...

Сторонники свободной торговли исходят из того, что от упразднения препятствий к торговле, таможенных преград и ограничений конкуренции выиграют все стороны, потому что это создает возможность для эффективного хозяйствования. В сущности, речь идет о расширении международного разделения труда, когда каждая страна, каждый регион, каждое предприятие концентрируется на производстве, которое они освоили лучше всего, там, где оно наиболее продуктивно. Хозяйственно-теоретической базой для него является теория о преимуществах компаративных расходов, разработанная Давидом Рикардо (1772–1823); согласно этой теории международная торговля и международное распределение труда дают преимущества странам, способным производить товары по более низким ценам, чем за граница. Они должны концентрироваться на производстве только тех товаров, которые они могут производить сравнительно (компаративно) с наименьшими расходами. Давид Рикардо вместе с Адамом Смитом (1723–1790), оба экономиста британцы по национальности, стали отцами-основателями экономического либерализма.

...или протекционизм

Против постулата абсолютной свободы торговли выступил немецкий экономист Фридрих Лист (1789–1846), который считал, что экономически менее развитые страны, находящиеся на стадии раннего развития, имеют все основания посредством таможенных и других преград для торговли защищать свою собственную, только зарождающуюся индустрию (таможенный защитный аргумент) до тех пор, пока эта индустрия с точки зрения организации, техники и базового капитала не будет в состоянии противостоять жесткой международной конкуренции. Загвоздка в деле с защитным таможенным контролем заключается в том, что индустрия привыкает к протекции, и необходима жесткая административная воля, чтобы в интересах умножения благосостояния и усиления экономического процесса в нужный момент также и упразднить введенные некогда охранительные системы.

О том, насколько оправдан этот таможенный «защитный аргумент», свидетельствует экономическое развитие Восточной Германии после падения стены. С введением западной марки в мае 1990 г. – чего настоятельно требовало население Восточной Германии – буквально на следующий день вся восточногерманская промышленность столкнулась с широкой международной конкуренцией, вследствие чего только треть предприятий выжила и на промышленном ландшафте Восточной Германии произошли глубокие структурные изменения, которые и сегодня еще дают о себе знать в форме высокой безработицы и структурных недостатков в экономике. Эмоционально понятное политическое решение посткоммунистических государств распустить КОМЕКОН (СЭВ) и осуществлять внешнеторговые транзакции в твердой валюте имело такой же эффект, и буквально на следующий же день ранее налаженные перевозки внутри бывшего Восточного блока были прерваны. Эти перевозки осуществлялись до известной степени с выгодой для Советского Союза, но их внезапная приостановка привела к разрыву традиционных связей, причем предприятия не были готовы к этой новой ситуации в смысле техники производства, организации и перемещения капитала и только в течение достаточного переходного периода

смогли приспособиться к новым требованиям. Западной Европе после войны потребовалось целых десять лет, чтобы дать разрушенной войной европейской промышленности возможность вновь встать на ноги, прежде чем она смогла в полной мере противостоять жесткой международной, прежде всего американской, конкуренции.

То же самое относится и к развивающимся странам. Требуется время, чтобы местные предприятия смогли быть созданы, организованы и подкреплены капиталом и «наука» и противостоять международной конкуренции. Но для этого также необходимо, чтобы в соответствующих странах проводилась со стороны государства целенаправленная стратегия развития, реально способствующая укреплению собственной достаточно эффективной рыночной экономики. Здесь еще имеется много вопросительных знаков. Во многих странах в результате захвата власти различными кланами, коррупции, кумовства в экономике не были проведены требующиеся структурные реформы в экономике и обществе, необходимые для преодоления бедности и повышения благосостояния жителей.

Европейский союз – модель создающей благосостояние свободной торговли

Вторая половина 19-го столетия вплоть до Первой мировой войны считается периодом глобализации торговли и «золотым веком» свободной торговли. Ренессанс глобализации торговли начался в 50-е гг. 20-го столетия. Создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) – это история успеха: уже одно только создание внутриевропейского рынка в 1992 г. дало значительный толчок к росту во всей Европе, и восемь мультилатеральных циклов либерализации в рамках ГАТТ (General Agreement on Tariffes and Trade – Генеральное соглашение о тарифах и торговле) привели к значительному подъему мировой экономики, особенно среди промышленных стран. После того как на смену ГАТТ пришла Всемирная торговая организация (ВТО) (World Trade Organisation, WTO) с резиденцией в Женеве, стали в более значительной мере учитываться также и интересы развивающихся стран.

Новые средства коммуникации оказывают давление на темпы структурных изменений!

Существенными признаками «новой» глобализации являются ускоренное развитие информационных технологий, усилившееся образование глобальных предприятий и глобальных сетей предприятий, интернационализация валютных и фондовых рынков и растущая «возможность международной торговли» всякого рода услугами (от международных центров «Call and Reserve», производства Software (программ) и достижений инженерии вплоть до сектора логистики). OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development – Организация по экономическому сотрудничеству и развитию с резиденцией в Париже – объединение крупных промышленных государств) определяет поэтому глобализацию как процесс, в результате которого рынки и производство в различных странах все больше становятся зависимыми друг от друга благодаря динамике торговли благами и услугами и в результате движения капитала и технологий.

Особым признаком этого процесса является скорость, с которой он протекает. До сих пор импортировались или экспортировались в первую очередь физические товары (глобализация торговли). Национальная конкурентоспособность зависела при этом от структуры производства товаров и от технических инноваций, взаимоотношений валют, сетей распространения и способности национальных предприятий своевременно настраиваться и учитывать спрос на экспортных рынках. Это, конечно, действует и до сих пор, но через Интернет в международную конкуренцию вливается новое измерение: каждый обладающий знаниями может из любого места в мире предлагать свои услуги непосредственно в режиме реального времени; ему не нужно больше идти окружным путем через физический продукт, который должен быть сначала транспортирован к зарубежному клиенту. Инженер-программист в Индии, например, находится в непосредственной конкуренции со своим коллегой в Германии или США, с той только разницей, что 1000 \$ в Индии – это большие деньги, которые представляют собой

хорошую базу для существования, в то время как в Германии или США этой суммы хватит только для покрытия арендной платы. Этот пример ясно показывает, что в результате развития технологии складываются новые, прямые конкурентные отношения, которые могут привести к значительным перераспределениям. Уже теперь можно констатировать, что в странах, значительно богаче оснащенных капиталом и рабочей силой, доходы от капитала растут значительно быстрее, чем доходы от труда, и расхождение в оплате простого и квалифицированного труда возрастает. Особенно менее квалифицированная рабочая сила в низкооплачиваемом секторе – но не только она – подвергается опасности сойти с дистанции. Отсюда возникают социальные напряженности внутри этих стран, а также и между странами. И прежде всего социально ориентированное государство западного толка оказывается перед дилеммой, так как более высокое обложение капитала налогом может вызвать бегство капитала, а высокие социальные отчисления могут весьма ограничить деятельность в сфере политики заработной платы (исключая пока демографические причины вследствие сместившейся возрастной пирамиды). Эту дилемму общепринято называть «глобализационной ловушкой». Конкуренция на местах становится острее, и правительства вынуждены в своей экономической и социальной политике учитывать рамки глобальных экономических условий. Стоимость производства в каждом конкретном месте зависит от таких жестких факторов, как стоимость, наличие и качество/производительность рабочей силы, транспортное сообщение, стоимость энергии, налоги и т. д., а также от таких менее определенных факторов, как качество жизни и стоимость жизнеобеспечения, правовые рамки, бюрократические препоны, преимущества налаженных связей благодаря особому сочетанию имеющихся отраслей производства и кадров, благоприятный экономический и инновационный климат. В этом контексте приобретают новое значение образовательная политика, модернизация управления, дерегулирование и постоянное соблюдение принципа subsidiarности в общественной и социальной поли-

тике. Благотворительное государство, с его прежним односторонним отношением к стоимости труда, не может просто так продолжать действовать. Кризис в западных промышленно развитых странах еще более обостряется из-за демографической ситуации – ситуации, в которую они большей частью сами себя загнали в результате распространенной практики абортот и пропаганды менталитета предохраняемости. Общественное значение и ценность семьи оказались в пренебрежении, и, напротив, предпочтение оставаться одиночками и «гомобраки» стали пропагандироваться как «шик» в обществе развлечений и удовольствий.

Эффективные рамки порядка в пользу международной социальной рыночной экономики отсутствуют!

Международные связи не являются следствием неконтролируемой судьбы, но в значительной мере складываются в результате государственных решений (либерализация внешней торговли, дерегулирование внутри страны), а также технического развития (особенно что касается получения, накопления и передачи информации) в сочетании с падающими транспортными расходами и едиными техническими нормами. Международная экономическая взаимозависимость обеспечивает мир и способствует взаимопониманию между народами. Свободная торговля в принципе для всех более выгодна, чем протекционизм. Даже в развивающихся странах мультинациональные предприятия оказываются более надежными работодателями с лучшими трудовыми и финансовыми (в смысле возможности заработка) условиями, чем местные предприятия. Страх перед возможным ухудшением социальных условий и окружающей среды также оказался в общем и целом несостоятельным. Конечно, мультинациональные предприятия инвестируют там, где им это выгоднее. Но что конкретно означает «выгодно», оценивается по целому ряду факторов и лишь редко по одному-единственному фактору.

Процесс экономической интеграции, правда, протекает крупномасштабно и выходит за рамки национальных границ, но не безгранично и не повсеместно. Страны, которые

по причине недостаточных внутренних административных способностей или недостаточной воли до сих пор не создали предпосылок для хорошо функционирующей рыночной экономики, не представляют собой надежного правового государства и технически не располагают необходимыми, охватывающими всю страну коммуникационными технологиями, а потому оказываются перед опасностью быть отнесенными на обочину.

Растущие международные взаимосвязи оказывают также обратное воздействие на налоговую политику и суверенитет отдельного государства. Национальные государства все больше зависят от международного сотрудничества. Это открывает новые возможности прежде всего малым государствам. Без интеграции в Европейский союз Великое Герцогство Люксембург, например, не имело бы никаких шансов быть услышанным в хоре западных стран. Получив место и голос в Совете министров ЕС, правительство Великого Герцогства сразу стало важным международным партнером.

Но глобализация может иметь и совершенно неожиданные последствия для государств и их финансов, которые рано или поздно потребуются устранить: если европеец, например, заказывает в США программное обеспечение, посылаемое из США в Европу в виде CD, то с точки зрения государственной казны все в мире еще в полном порядке, ведь это вполне нормальный экспорт! Прибыль облагается в США налогом, таможенный сбор и налог с оборота уплачиваются в Европе. Но что будет, если «Software» списывается прямо с Интернета, а сервер, с которого снимается американское программное обеспечение, находится на Бермудах? Или как и где облагается налогом биржевой доход, который получает международная брокерская компания, если, например, некая команда в Токио решает купить определенные акции, их франкфуртские коллеги решают продать эти акции, а 18 часов спустя после покупки их коллеги в Нью-Йорке продают данные акции с прибылью? Все участвовали в этой операции с прибылью для себя. Только эти два примера показывают, что государство в собственных интересах должны стремиться к более тесному сотрудничеству и что должны быть найдены соответствующие рамки порядка.

Мировые концерны могут легко избежать общественного контроля (еще один аргумент против глобализации), но своими решениями они оказывают значительное влияние на экономику малых государств. Но и здесь обозначаются границы. Так, например, и мировые концерны могут, если поступит одновременно много жалоб из США, оказаться в затруднительном положении, как показывают недавние события.

Культурная идентичность утрачивается ввиду победного шествия «Макдоналдса», «Кока-Колы», западного стиля жизни, кино и телевидения. Выдвигается жалоба, что Запад осуществляет ценностный и культурный империализм. Несомненно, вследствие распространения по всему миру товаров для потребления и производства соответствующая цивилизация испытывает их влияние, но это влияние отнюдь не является улицей с односторонним движением. Жизнь довольно пестрая, и в мирном движении культур и цивилизаций кроется также большая возможность обогащения. Кстати, о культурном империализме. Большинство фильмов делаются не в Голливуде, а в Индии, а именно для телевизионных каналов на Ближнем Востоке, в Азии и Африке.

Уже упомянутые возможности спекулирования валютой, тот факт, что и международный терроризм располагает инструментами, которые предоставляет в его распоряжение «глобализация», а также опасности для окружающей среды и природы и социальные обвалы ясно показывают, что следует заняться темой глобализации в смысле создания эффективных международных правил порядка и организации. Рынок сам по себе еще ничего не регулирует (подобно невидимой руке), а «глобализацию» нельзя раскрутить обратно. Наряду с экономической глобализацией следует осуществлять строительство международного общественного и мирного порядка, который должен созидаться на базе прав человека с помощью «метода общности» (при отходе от имперских методов прошлого) и принципа субсидиарности. Европейский союз может служить хорошим примером того, как при соблюдении принципов социальной рыночной экономики могут быть созданы эффективные рамки порядка, при котором уважались бы права и культурная идентичность народов и открывались бы для всех возможности для развития.

КОРРУПЦИЯ – ПРИЧИНА БЕДНОСТИ И ПОСТОЯННОЙ СЛАБОРАЗВИТОСТИ

Взгляд на многие развивающиеся страны 40 лет спустя после получения ими независимости и 40 лет оказания помощи для их развития дает отрезвляющие результаты. Отставание от промышленно развитых стран скорее увеличилось, а не сократилось. Это относится не ко всем странам. Есть и такие страны, которым удалось привести в действие спираль роста и в значительной мере сократить этот отрыв. Достаточно бросить взгляд на Восточную Европу и бывший Восточный блок 15 лет спустя после падения стены. Но и здесь во многих странах наблюдаются лишь очень малые успехи и в то же время явное расхождение в доходах. Немногим богатым противостоит огромная масса людей, живущих за чертой бедности. Правда, позитивно выделяется ряд стран. Все получили значительные суммы помощи (к тому же свободные от инфляции), гораздо превышающие финансовую помощь по плану Маршалла после войны. Почему же эти деньги не везде принесли плоды? Почему же во многих странах ожидаемый подъем не наступил или проявился очень слабо?

Исходные позиции, несомненно, были неодинаковы. Одни страны располагают природными ресурсами, другие нет. К тому же менталитет народа и степень образования различны. При коммунизме значительно ослабла инициативная сила людей.

Но если даже после многих лет и после большой зарубежной помощи не наступил желаемый прогресс, то тогда нужно сделать вывод, который сделал Людвиг Эрхард для Германии два года спустя после окончания Второй мировой войны. Когда и после многих лет усилий людям не удалось обеспечить свое жизненное существование и не видно ника-

ких перспектив на улучшение, тогда можно сделать вывод, что хозяйственно-институциональные рамки, в которых осуществляется хозяйствование, ложные. Тогда нужны основополагающие реформы, тогда устаревшие структуры должны быть упразднены и заменены более динамичными. Опыт расположенных вдоль Тигра стран Восточной Азии, а также некоторых восточноевропейских стран переходного периода ясно показывает: там, где рыночно-экономические и общественно-политические задачи последовательно претворялись в жизнь, после короткого связанного с перестройкой кризиса сложились силы экономического роста. Эстония, Чехия, Словения, а также Венгрия и Польша являются тому примером.

Анализ причин недоразвития или неразвития в остальных странах при всей разнице исходных позиций позволяет сделать общий вывод: коррупция. Чем шире коррупция, тем острее проблема бедности, тем отчетливее слаборазвитость и тем меньше воля проводить реформы.

В принципе можно провести различие между малой коррупцией, средней коррупцией и большой, или институционализированной, коррупцией, последняя даже использует легальную власть.

Малая коррупция

Малая коррупция объясняется в большинстве случаев тем обстоятельством, что заработной платы, содержания работников и служащих не хватает на то, чтобы вести хотя бы скромную, но достойную жизнь. Будь то невысокого ранга полицейский, стоящий на перекрестке, таможенный работник или административный служащий, отвечающий за выдачу разрешений всякого рода, – ничто не делается без бакшиша, «холодные руки должны быть сначала согреты», чтобы была выдана подпись или поставлена необходимая печать на документе. Как ни понятна малая коррупция, особенно если государство недостаточно оплачивает своих служащих, она действует разрушительно на менталитет широких слоев населения. Она разрушает доверие в правомерность действий администрации, подрывает уважение и

любяльность по отношению к государству и порождает желание купить себе преимущественные права или хаотическое желание «продаться». Не напрасно авторитет прусского государства покоился на праве его служащих. Король Фридрих ввел профессиональное чиновничество, причем оплата производилась по принципу обеспеченности, однако при малейшем случае коррупции чиновнику грозили строгое дисциплинарное взыскание или утрата привилегий.

О том, насколько мешает эта малая коррупция экономическому развитию и тем самым ликвидации безработицы, свидетельствует следующий эпизод. Когда я работал консультантом, один предприниматель из среды поставщиков автомобилей интересовался возможностью прямого инвестирования в одной восточноевропейской стране. Так как в автомобильной промышленности большое значение придается поставкам «точно вовремя», его первый вопрос был: могу ли я быть на 100 процентов уверен, что мой товар, при условии, что все бумаги оформлены должным порядком, без всякой задержки (то есть без вредного для дела промедления) будет оформлен в таможне? На этот вопрос относительно интересовавшей его страны я не мог дать ему желаемый ответ. Поэтому он предпочел отказаться от своего намерения и осуществить свои инвестиции в пределах ЕС.

Средняя коррупция

Под средней коррупцией я понимаю сознательно инсценированный бюрократизм с частыми мелочными проверками, с угрозами высоких денежных штрафов и сложными предписаниями. Они являются выражением глубокого недоверия к свободной предпринимательской практике. Частые проверки имеют свою методику: предприятие ставится перед выбором – или оно немедленно платит определенную сумму и чиновник тут же уходит, или же проверка длится так долго, пока не будет что-то найдено и не будет наложен значительный штраф.

Или же политически неудобные предприниматели доводятся подобным образом «до кипения». Так, некоторым хле-

бопроизводителям в одном большом городе на Балканах не оставалось ничего другого, как добровольно бесплатно отдать хлеб бургомистру, который тот в избирательных целях раздал нуждающимся семьям. Именно малые и средние предприятия, изо всех сил старающиеся поставить на рынок достойный товар, организовать и наладить производство, нанять и обучить персонал, обеспечить финансирование и следить за поступлением оплаты, именно эти предприятия, которые, как известно, обеспечивают большинство рабочих мест во всех сферах народного хозяйства, не только теряют из-за этих частых проверок свое драгоценное предпринимательское время, но и подвергаются непредвиденным рискам; эти выплаты – будь то плата во избежание проверки, будь то штраф – являются дополнительным налогом, с той только разницей, что их размер не поддается расчету. Они повышают риск расходов и сокращают и без того недостаточный собственный капитал.

Другой формой средней коррупции является кумовство. Выдача общественных субвенций, беспроцентных ссуд и т. д. осуществляется таким образом, что эти операции мало прозрачны, но совершаются для того, чтобы облагодетельствовать собственную клиентуру (партию), друзей и родственников. Иногда – по показным основаниям – эти средства идут на поддержку видного представителя оппозиции. Таким образом могут легко быть опровергнуты упреки в предпочтении кого-то. Поощрения осуществляются, однако, лишь до тех пор, пока не истощится «горшок». Критическая ситуация возникает особенно тогда, когда руководящие члены администрации непосредственно или косвенно через жен или других членов семьи участвуют в проектах, которые осуществляются за счет крупных общественных вкладов. Здесь необходимы разделение экономики и политики, прозрачные правила поощрения, публикация докладов о субвенциях и ясные правила сдерживания, чтобы избежать злоупотреблений, в сочетании с жесткими законами о наказании и чувствительными штрафными санкциями.

Оба эти феномена – чрезмерные проверки и кумовская экономика – часто встречаются одновременно. Это ведет к значительному искажению конкуренции и, как правило, к

сверхоптимальному использованию, даже расточительному расходованию общественных средств. Поощряются, как правило, не самые лучшие предприниматели. Если бы это было не так, то они не боялись бы конкуренции и прозрачности. Часть средств при этом расходуется бесцельно и слишком часто оседает на зарубежных счетах. Таким образом они страхуют себя – на случай, если наступят плохие времена. Особенно серьезно это сказывается тогда, когда из-за переплетения взаимоотношений и оказания влияния становится бессильной независимая юстиция. В обстановке правовой неуверенности, бюрократического недоверия и кумовской экономики не могут развиваться прежде всего малые и средние предприятия. Страдают от этого в первую очередь те, кто ищет работу, многие учащиеся и студенты после окончания учебы, потому что фирмы не могут развиваться так интенсивно, как они могли бы при честной экономической конкуренции.

Большая, или институциональная, коррупция

Наихудшей формой коррупции является, однако, такая форма коррупции, которая действует абсолютно легально. Законы сознательно формулируются с лазейками, чтобы легализовать определенные предприятия; посредством поспешных распоряжений принимаются по сомнительным причинам краткосрочные (переходные) решения, например в сфере импорта, предоставляющие информированным кругам преимущества в бизнесе в ущерб государственным интересам. С помощью произвольных административных указаний конкуренты вытесняются с рынка и создаются *de facto* монополии. При выдаче решений и лицензий используются малейшие чисто формальные недочеты, чтобы исключить неудобных конкурентов и захватить выгодные сферы бизнеса для своих клиентов. Именно выдача разрешений на открытие предприятия в сочетании с регулярно повторяющимися взносами за лицензию является излюбленным средством обогащения. Например, на основании многих частных инициатив на рынке открывается новая бензозаправочная станция, которая поддерживается несколькими

мелкими и средними предприятиями. Неожиданно взносы за лицензию учетверяются, малые предприятия отступают и скупаются за небольшую сумму крупным финансовым предприятием. По причине последующего исключения конкуренции цены непропорционально возрастают. После этого государство соглашается, что затребовано было слишком много, и сокращает лицензионные сборы; высокие цены, однако, сохраняются. Или другой пример. Кто-то позаботился о том, чтобы платежные операции, например плата за телефон, налоги и т. д., осуществлялись через банк, принадлежащий члену семьи или другу, а не через государственный банк. Это совсем особая форма приватизации.

Результат таких мероприятий, как правило, таков, что малые и средние предприятия отгесняются и лишаются уверенности. Конкурентная интенсивность сокращается, и цены повышаются (монопольная рента). Люди утрачивают покупательную способность. Выигравшие же, ввиду правовой и политической нестабильности, укрывают свои деньги в надежном месте, прежде всего в иностранных банках. Так, есть целый ряд много задолжавших стран, население которых страдает от высоких долгов, а господствующие классы в них тем не менее имеют огромные частные состояния за границей, состояния, которые, вместе взятые, часто превосходят зарубежные долги соответствующей страны.

Коррупция во всех трех формах, подобно раковой опухоли, вредит народному хозяйству. Избиратели, пресса и все политические партии, серьезно заботящиеся о демократии, должны не только на словах осуждать воровство, публично клеймить случаи коррупции (под лозунгом: это все воры и грабители!) и усердствовать в этом, но пресекать подобное зло в корне. Необходимы демократизация, прозрачное администрирование, независимое правосудие и вынесение уголовного приговора, достаточная оплата служащих и однозначное уголовное законодательство, чтобы устранить это зло. Несомненно, сюда относится также и чуткое общественное мнение. Коррупция касается всех, поскольку она парализует экономическое развитие всей страны и порождает бедность и безработицу.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ – НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ЭКОНОМИКИ

Понимание значения предпринимателя в экономическом процессе складывалось постепенно. В античном мире и долгое время также и в христианской Церкви деятельность торговца, купца и предпринимателя оценивалась как «низменная», «презренная» и «греховная». Аристотель оценивал «otium cum dignitate» (достойный досуг) философа как более достойный образ жизни по сравнению с деятельностью торговца, которому именно внутреннего досуга не хватает: то, чем он занимается, есть «negotium» (хлопотливость). Св. Хризостом, Патриарх Константинопольский, на рубеже IV и V вв. полагал, что купцы едва ли могут быть безгрешными. Фома Аквинский (1225–1274), великий западный учитель Церкви, осуждал профессию торговца как отягченную знаком моральной неполноценности. А в знаменитом учебнике по каноническому праву Грациана (12-е столетие) говорится: «Торговец не может быть угоден Богу, а если угоден, то лишь с большим трудом».

Эта негативная оценка предпринимателя базируется в какой-то мере и на учении Иисуса о трудности для богатого войти в Царствие Небесное и на запрете Ветхого Завета давать что-либо в рост (Втор. 23, 19–20). При этом упускается из виду, что под богатством в Священном Писании понимается стерильное, расточительное люксус-богатство (роскошь), которое встречается не столько в развитой рыночной экономике Запада, сколько в докапиталистических, феодально организованных обществах некоторых развивающихся стран или в некоторых странах переходного периода. И напротив, под этим не понимается «современное богатство», приобретенное благодаря жертвенному вкладу в общее благо

посредством предпринимательской творческой инициативы¹. В споре по вопросу о запрете дачи в рост денег католическая экономическая этика 13 – 14-го столетий открыла значение функции предпринимателя для выполнения задачи экономики ради общего блага². Процент на ссуду был запрещен, так как деньги сами по себе – таково было распространное в Средние века мнение – не приносят плода; напротив, доход с капитала был разрешен, потому что предпринимательская деятельность (например, связанная с риском торговля с зарубежьем) осуществлялась в интересах общего блага.

Предприниматель или все же только капиталист?

Но даже для основателей экономического либерализма Адама Смита и Давида Рикардо предприниматель как двигатель и приводная пружина экономики играл лишь подчиненную роль. В соответствии с механистическим воззрением 18-го столетия они толковали экономический процесс всего лишь как своего рода закон природы. Он функционировал в некоторой степени как бы сам по себе, направляемый «невидимой рукой», которая через рынок и регулирующую функцию рыночных цен обеспечивает предопределенную гармонию. Предприниматель был по представлению этого так называемого манчестерского капитализма всего лишь капиталодателем, капиталистом, как его позднее описал Карл Маркс (1818–1883). В этой механистически понимаемой системе хозяйства не могло быть поэтому никакой социальной ответственности действующих лиц и поэтому также никакой хозяйственной этики. Лейтмотивом экономической политики была политика непротivления, «laissez-faire»³.

Карл Маркс исходил из такого понимания. Предприниматель был для него капиталистом, который инвестировал

¹ Ср.: *Werhahn Peter H. Der Unternehmer. S. 14 ff.*

² Ср.: *Месснер Йоханнес. Естественное право, глава 160 и сл., особенно глава 170, а также Социальный вопрос, глава 6.*

³ невмешательство, попустительство, «пусть идет как идет» (*фр.*).

свой капитал и эксплуатировал рабочих посредством низкой заработной платы, причем он лишал их создаваемой ими прибавочной стоимости, которая, согласно его учению о стоимости рабочей силы, создавалась исключительно за счет труда. Капиталист якобы использует свое положение, чтобы присваивать себе незаслуженную прибыль. Такое понимание привело к тому, что на протяжении двух столетий среди широкой общественности политика распределения считалась важнее, чем политика роста, как будто экономический процесс есть игра с нуля, в ходе которой каждый участник за счет других участников игры хочет извлечь максимум выгоды, причем предприниматель при этом имеет будто бы лучшие шансы.

Творческий предприниматель

При этом полностью упускается из виду, что в индустриальной экономике предпринимателю отводится совершенно особая функция. И только гораздо позднее экономисты признали решающее значение активного предпринимателя для экономического роста. Альфред Маршалл (1842–1924) добавил к классическим факторам производства – земля, капитал, труд – четвертый: организация. Сегодня в современном учении о народном хозяйстве аспект организации объединяется с техническим знанием в производственный фактор «know-how» (*ноу-хау*).

Но только Йозеф Шумпетер (1883–1950) признал важность и выявил сущность функций предпринимателя. В своей вышедшей в 1912 г. книге «Теория экономического развития» он описывает творческого предпринимателя как такого человека, который посредством все новых и новых комбинаций производственных факторов реализует инновации и тем самым способствует экономическому росту. Это не должны быть обязательно большие изобретения, часто новшества организаторского или коммерческого характера или даже всего лишь технические или методические усовершенствования могут иметь большое народно-хозяйственное значение. Таким образом, именно творческий предпри-

ниматель оценивает и претворяет в жизнь открывающиеся возможности для инноваций и становится тем самым решающим двигателем экономического прогресса. Гётц Брифс (1889–1974) определил еще одну важную функцию предпринимателя, а именно его задачу постоянно держать под контролем и в должной пропорции цены и стоимость.

Предприниматель как фактор узкого места

Именно восточноевропейские страны переходного периода с их опытом централизованно управляемой функционирования социалистической экономики ясно почувствовали, как важно для экономического развития наличие динамичных предпринимателей. Однако необходимы некоторые предпосылки, чтобы создать экономический и общественно-политический климат, в котором может развиваться предпринимательская инициатива. Причем речь идет не только о том, чтобы привлечь иностранного инвестора, но чтобы в первую очередь поддержать и поощрить инициативную силу собственного населения. Но это не удастся, если доходы будут неустанно облагаться высокими налогами. Частная инициатива должна вознаграждаться, а не наказываться. Капиталобразование следует поощрять также и в малых фирмах. Излишне бюрократические предписания, затяжные процедуры выдачи разрешений и допусков не только парализуют частную инициативу, но и предоставляют широкое поле для коррупции¹, что еще больше ограничивает свободную инициативу и делает ее в конце концов экономически невозможной. В результате – растущая бедность. В некоторых переходных странах Восточной Европы наблюдаются массивные тенденции к «официальной экономике», когда государство придает больше значения тому, чтобы при приватизации национальное богатство перераспределять в пользу привилегированной элиты (большей частью бывшей номенклатуры), тесно связанной с государством, вместо того, чтобы посредством поощрения предпринимательской инициативы создавать на

¹ См. также главу «Коррупция – причина бедности и постоянной слаборазвитости».

широкой основе новое богатство, то есть имеет место одностороннее распределение вместо роста.

Следствием такого рода политики оказывается то, что лучшие силы уезжают за границу, а многие другие уходят в теневую экономику. Объем теневой экономики дает четкое представление о фактически имеющемся творческом предпринимательском потенциале, который не используется официальной экономикой. Огромной слабостью такой нелегальной экономики является тот факт, что становится невозможным строить планы на будущее, так как отсутствует защита закона.

Западная Германия после Второй мировой войны является тому поучительным примером. Людвиг Эрхард (1897–1977) очень скоро понял, что не огромные военные разрушения были основной причиной продолжающейся после окончания войны нужды, а «отсутствие организации аппарата народно-хозяйственного производства». Он имел мужество доверить экономику творческим силам предпринимателей и заложил благодаря социальной рыночной экономике, основополагающей денежной реформе и устранению всяких административных мер основу для германского экономического чуда.

Необходимы четыре условия, чтобы мог сложиться хорошо функционирующий народно-хозяйственный порядок.

1. Признание частной собственности.
2. Реально функционирующая конкуренция.
3. Правовая безопасность.
4. Простые и ясные, прозрачные рамочные условия, которые равны для всех и которых все придерживаются.

Только если эти четыре условия выполнены, можно быть уверенным, что свобода экономической деятельности не будет дезавуирована в результате произвола и злоупотребления властью (с помощью коррупции и клиентурной экономики).

Во всех странах постоянно появляется искушение смягчить жесткость конкуренции посредством административных мер или гарантировать определенным политически влиятельным, привилегированным группам легкую прибыль

без экономических усилий. Подобные искушения всегда мешают экономическому росту в этих странах. Отсюда следует, что установление аутентичного рыночно-хозяйственного порядка в первую очередь является политической задачей, которая реально должна быть поддержана политической элитой страны.

Экономический рост есть не самоцель, он должен служить общему благу. При этом общее благо понимается как совокупность политических, социальных, культурных и экономических условий для персонального развития человека или, точнее, для каждого человека. Отсюда основополагающее требование христианского социального учения заключается в том, чтобы все участники социального процесса занимали положение подлинного субъекта, а не деградировали бы до состояния вещей. Отсюда вывод: экономика не есть лишенное всякой ценности пространство, которое, подобно автомату, следует собственным законам и поэтому не оставляет никакого места для социально-этических требований. Нужно решительно отвергать воззрения, которых придерживается, например, известный чикагский экономист Милтон Фридман (род. в 1912 г.); согласно этим воззрениям только посредством реализации собственных интересов предпринимателя, максимизирующего прибыль, лучше всего может быть достигнуто общее благо.

Экономика находится вне сферы духа и культуры. Экономика своей ярко выраженной творческой и ответственной формирующей силой влияет на нашу жизнь. Собственно смысл всякого хозяйствования заключается в служении развитию человека. Речь при этом идет не только о материальном обеспечении, но и о свободных правах на труд, выбор своего рабочего места и на предпринимательскую инициативу. Именно последнее, право на предпринимательскую инициативу, в современном мире часто подавляется, пишет Иоанн Павел II в своей энциклике «*Sollicitudo Rei Socialis*». «И все же речь идет о важном праве не только для отдельного человека, но и для общего блага. Опыт учит нас, что отрицание подобного права и его ограничение во имя

мнимого «равенства» всех в обществе фактически парализует или даже разрушает предпринимательский дух, то есть творческую энергию гражданина как активного субъекта. В результате возникает не столько подлинное общество, сколько скорее «нивелирование книзу». Вместо собственной творческой инициативы появляется пассивность, зависимость и подчинение бюрократическому аппарату»¹.

Поэтому в свободной рыночной экономике на каждого отдельного предпринимателя и на всех предпринимателей вместе ложится особая ответственность. От его глаза, мужества и инициативы зависит в значительной мере развитие народного хозяйства. Инвестиционные решения являются одновременно моральными решениями. От вопроса, где инвестировать, во что инвестировать, как инвестировать и во что нельзя инвестировать, зависит не только прибыль предприятия, но и рыночное обеспечение клиентов хорошими продуктами, зависит судьба работающего и поставщика, а также ценностный потенциал народного хозяйства и тем самым благосостояние страны. Конечно, при всяком решении должны всегда учитываться собственные законы экономики, которые, однако, неразрывно связаны с нравственным законом и его требованиями.

Из комплекса зависти неизбежно вытекает противоречие между прибылью и моралью. Идеологические соображения, приведенные выше, также играют свою роль. Конечно, имеются и неоправданные прибыли, например, по причине незаконной предварительной договоренности о ценах или изготовления недоброкачественных продуктов или вследствие административных оградительных мер, исключая конкуренцию. В правильно функционирующей рыночной экономике прибыль является вознаграждением за предпринимательскую работу, будь то изыскание рыночных шансов, оптимальная организация производства или внедрение дальнозоркой дистрибьюторской стратегии и т. д. Предприятия с большими прибылями в особой мере способствуют общему благу, потому что они предлагают услу-

¹ Иоанн Павел II. Энциклика «*Sollicitudo Rei Socialis*». 1987. № 15.

ги, на которые имеется особый спрос, или потому что они особенно экономично удовлетворяют спрос.

Обычно в экономико-теоретических моделях исходят, как правило, из того, что максимизация прибыли есть единственный или, по крайней мере, самый важный мотив предпринимательской деятельности. Действительность в развитых народных хозяйствах выглядит иначе. Это не единственная движущая пружина предпринимателя. Интерес к созиданию, семейный подход, ответственность за сотрудников, стремление к твердому положению на рынке и общественный престиж столь же важны, как и стремление к прибыли. Но важнее всего обеспечение долгосрочного существования предприятия. Это требует перспективного мышления и иногда отказа от быстрой максимизации прибыли.

Каждой стране нужны предприниматели, которые, используя собственные средства или, как менеджеры, средства других, проявляют инициативу, чтобы продуктивный потенциал страны превратить в ценность и развить его, предприниматели, которые создают рабочие места, производят конкурентоспособные товары и услуги и удовлетворяют потребности потребителей. Опыт последних столетий показал, что это лучше всего удастся в свободно-рыночно-экономическом строе. Лучшим гарантом такого строя, такого порядка является наличие многих малых, средних, а также и крупных предпринимателей, являющихся владельцами своих предприятий и отвечающих за хорошие или плохие решения своими собственными деньгами.

СОБСТВЕННОСТЬ

Частная собственность, или в данном случае частная собственность на средства производства, находилась в центре идеологических споров в последние 200 лет. Позиции расходились – от девиза «Собственность есть кража» (как заявил в 1840 г. ранний социалист Пьер Жозеф Прудон (1809–1865) в своем труде «Что такое собственность?»), потому что она порождает «нетрудовые доходы», до безусловного и абсолютного права собственности, как утверждалось манчестерским капитализмом, провозгласившим абсолютную и безграничную автономию индивидуума. Собственность автоматически перемещается в атмосфере конкуренции к лучшему хозяину, как гласил тезис либералов. Карл Маркс и вместе с ним социалисты и коммунисты заявляли об антагонизме между капиталом и наемным трудом, иначе говоря, между производственными отношениями и заявляющими о себе производительными силами, об антагонизме, который неизменно и с исторической неизбежностью ведет к революции.

Христианское социальное учение заняло среднюю позицию, согласно которой оно, с одной стороны, клеймило либералистский капитализм как несоциальный и требовало справедливости и уважения к достоинству личности рабочего, а с другой стороны, отрицало всякую форму классовую борьбу, так как противостоят друг другу всегда не абстрактные классы, а ответственные лица. Оно принципиально защищало право на частную собственность, включая средства производства, как заложенное в природе человека право. Папа Лев XIII в своей энциклике «*Rerum Novarum*» (RN) еще в 1891 г., в то время, когда социализм существовал лишь как теория, почти пророческим образом указывал на заложенные в социалистической идеологии последствия, которые затем и действительно проявились после Октябрьской революции 1917 г. в Восточном блоке. Дискуссия на

тему «собственности» находилась в значительной мере под влиянием идеологических воззрений и протекала в заданных тем самым узких дискуссионных рамках. После падения стены и распада коммунистической экономической системы и в свете развития Запада вопрос о собственности может обсуждаться беспрепятственно. Но одно нужно сказать уже теперь: кроме всех принципиальных естественно-правовых обоснований значительная часть проблематики так называемого «социального вопроса», тесно связанного с вопросом о собственности, должна рассматриваться в сочетании с феноменом недостатка капитала и необходимости народно-хозяйственного капиталообразования.

От этой темы, как обычно, мы должны переключить свой взор на человека и конкретное положение дел в мире вещей.

Взаимоотношение человека и мира вещей

Человек, как существо из духа и плоти, для удовлетворения своих жизненных потребностей нуждается в материальных благах. Под этим подразумевается не только потребление продуктов питания. Чтобы развиваться как культурное существо, человек нуждается в доступном ему вещественном мире. Но блага этого мира, которые он для себя находит, он может потреблять только условно. Это ресурсы. Чтобы из них получились «экономические блага», нужные людям для удовлетворения их потребностей, необходим труд человека. Только посредством труда из ресурсов получаются экономические блага, используемые человеком¹. Так, он из диких растений вывел культурные растения, которые стали приносить больше плодов и служить пропитанием для человека. Он приручил зверей. Он изобрел орудия труда. Благодаря культуре, технике и науке он достиг между тем цивилизаторского уровня, позволяющего ему становиться все более независимым от чисто природных сил, устраиваться в мире, покорять его вплоть до такой ужасающей перспективы, что он благодаря военному

¹ Rauscher Anton. Das Privateigentum im Dienste des arbeitenden Menschen. S. 16 / Dresdner Kathedralvorträge. Heft 4. Hrsg.: Aktion kath. Christen im Bistum Dresden-Meißen.

арсеналу может даже в прямом смысле слова пустить этот мир на ветер. Из всего этого можно сделать вывод о естественном подчинении земных благ человеку. «Прилагая к добыванию благ природы физическую силу и духовную заботу, человек присваивает себе таким образом обработанную часть; на эту часть ставится, так сказать, штамп обработчика. Поэтому вполне справедливо, если эта часть становится его собственностью и его право на нее является незыблемым»¹. Библия говорит в этой связи о задаче человека обладать миром (Быт. 1,2). Это естественное подчинение мы называем порядком собственности. Он является необходимым условием для развития личности. Он обеспечивает независимость и свободу человека.

Но одновременно мы констатируем, что блага этого мира предназначены для всех людей. Каждый отдельный человек имеет присущее ему право на то, чтобы развиваться и претворять в земной жизни промысел Божий о себе. Для этого ему требуется соответствующая доля материальных и духовных благ Творения и мира человека. И следует еще раз подчеркнуть: не «блага земли» должны быть поделены и распределены. Напротив, из имеющихся ресурсов должны быть посредством труда сотворены необходимые экономические блага. Продуктивное использование земных благ работающим человеком есть неперемнное условие для того, чтобы вообще была достигнута цель общего предназначения земных благ, а именно навсегда обеспечить всех людей товарами и услугами, которые, будучи однажды созданными, должны быть справедливо распределены между всеми людьми, чтобы они могли удовлетворить свои потребности и создать культуру².

Под собственностью понимаются не просто вещи, не куча товаров, но ответственное право распоряжаться данными товарами и неотделимые от этого права долг и ответственность человеческой личности за обращение и использование этих товаров. Право собственности не может рассматриваться как абсолютное. Оно включает двойную ответственность. Оно должно, во-первых, постоянно иметь в виду присущее

¹ Лев XIII. Энциклика «Rerum Novarum». 1891. № 7.

² См. об этом у А. Паушера в той же работе. С. 19.

этим товарам предназначение и вытекающее отсюда требование бережного обращения с вещами материального мира. Пример: даже если собака принадлежит мне, это отнюдь не дает мне права мучить животное. Человек не является абсолютным хозяином над Творением, он его управитель, который к тому же еще находится во взаимосвязи с поколениями (см. выше раздел «Принцип «устойчивого развития»).

Во-вторых, право обладания собственностью ограничено в том смысле, что собственность не может использоваться во вред другим людям или всему сообществу, но, напротив, должна по возможности идти на пользу обществу. Это социальное предназначение собственности вытекает, с одной стороны, из нравственного долга делиться избытком (потребительскими товарами) с нуждающимися, из долга накормить голодных и одеть нагих¹, ибо каждый человек имеет право на (относительный) минимум существования, и, с другой стороны, из общественной обусловленности производства товаров.

Однако из того, что блага этого мира предназначены для всех людей, делать вывод об отмене частной собственности, особенно собственности на производство и на почву и недра, и о введении совместной собственности означало бы выплеснуть ребенка вместе с водой; ведь даже при совместной собственности имеется один собственник, имеющий право распоряжаться этой собственностью. Это был бы коллектив, как бы он ни формировался; свобода и самостоятельность отдельного человека зависели бы тогда полностью от коллектива и его готовности предоставить в распоряжение отдельной личности средства для личного пользования. Как правило, от имени коллектива выступают представители, которые управляют коллективом; в каждом коллективе образуются руководящие и властные структуры, так что фактическая власть распоряжаться благами и в коллективе находится в руках конкретных лиц.

Попытки сочетать свободное общество с экономической системой без частной собственности на землю и недра и на средства производства представляют собой утопические заблуждения. В этом ничего не меняют также и лозунги типа «Социалистическая рыночная экономика» и «Социализм с

¹Ср.: Мф. 25, 37–38.

человеческим лицом». Было бы утопией верить, что можно предотвратить злоупотребление властью посредством «демократизации экономики», при которой ответственные органы должны заменить экономическое влияние и ответственность собственников. Без рассеянной частной собственности постоянно возникает вопрос: кто контролирует контролеров? Лозунг «Демократизация экономики» не признает также, что рынок гораздо демократичнее, чем всякое совместное хозяйство. Не только потому, что там день за днем потребители своим решением покупать определяют правильность решений и стратегий предприятий, нет, рынок знает также и активную защиту меньшинств, ибо он в силу конкурентного принуждения удовлетворяет всякий спрос, который покрывается достаточной покупательной способностью.

Как же обстоят дела в мире вещей?

Публичные (общественные) и частные товары

В экономических науках делается различие между публичными (общественными) товарами, частными товарами и промежуточными товарами. Публичные товары – это товары, которыми пользуются одновременно многие, так что пользование ими одним лицом не влияет на пользование товарами другим. Так обстоит дело, например, с телевидением. Даже если миллионы зрителей смотрят телевизионную передачу, качество телевидения от этого не меняется ни для кого. Другими примерами общественных товаров являются воздух, которым дышат все, или общественная безопасность, или духовные и культурные блага.

В случае с частными товарами – наоборот, пользование ими одним человеком исключает пользование другими. Совершенно однозначно это имеет место в случае с быстро расходуемыми товарами, например продуктами питания. В случае с потребительскими товарами, или товарами длительного пользования, их потребление в какой-то определенный момент одним лицом исключает их использование другим лицом. Под промежуточными товарами понимаются публичные товары, которые (если как-то ограничить их использование) могут быть превращены в частные товары.

Классическим примером здесь является уличная инфраструктура – частные платные автобаны. То же можно сказать об авторском праве, которое общественное добро, например знание о возможности решения проблемы, превращает на определенное время через патент в собственность изобретателя, и это знание может быть использовано другими только после оплаты лицензионного сбора, *copyright*-сбора и т. д.

Что касается поставленного вопроса в конце предыдущего раздела, ответ таков: только частные и промежуточные товары могут быть присвоены, причем в случае с расходным товаром присвоение является тотальным и исключительным, в то время как в случае с потребительскими товарами, или товарами длительного пользования, потребление может носить временный характер.

Три измерения права собственности

В последнем случае речь может идти о владении или собственности. Владелец пользуется, правда, потребляемым товаром, но отнюдь не является при этом его собственником. Он может в качестве рабочего инструмента быть предоставлен владельцу на время его работы с этим инструментом. Владение еще не является автоматически основанием для превращения его в собственность. Найденную же вещь нельзя просто присвоить.

Это приводит нас к тройному праву, которое связано с собственностью.

1. Право распоряжаться собственностью в том смысле, что собственник вещи может ее сохранить или продать, подарить, завещать, а также сам использовать или передать другим в пользование.

2. Право пользоваться вещью, то есть человек пользуется вещью сам (авто, жилище и т. д.) или использует ее в промысловых целях; прибыль, которую приносит вещь, или без труда (например, фруктовое дерево), или посредством привлечения чужого труда (например, наемных рабочих, обслуживающих технику) – достается собственнику или избранному им пользователю (например, за арендную плату или за другое вознаграждение). Отсюда вытекает

право на компенсацию (реституцию) в случае противоправного отторжения собственности.

3. Право залога, то есть право закладывать вещь в качестве гарантии, чтобы получить дополнительные ликвидные финансовые средства для инвестиции или потребления.

Собственность может быть приобретена на вещи, на обязательные права (долговые обязательства, акции, инвестиционные сертификаты и т. д.) и ограниченное вещное право (например, авторское право), но никогда на лица.

Одно лицо никогда не может быть собственностью другого человеческого лица. Каждое лицо как лицо имеет неотчуждаемую ценность, является самоцелью и никогда не может быть использовано лишь как средство для удовлетворения потребностей других. Особое достоинство личности вытекает из ее духовного измерения и из ее связанного с этим более высокого почитания Бога. Однако каждое лицо свободно предоставлять свои силы и способности в услужение другому лицу в качестве рабочей силы, но никогда в качестве собственности. Оно никогда не может без остатка передавать другим право распоряжаться собой, потому что оно как лицо само отвечает за свои действия и поступки. В этом отношении трудовой договор представляет собой всегда нечто другое, нежели договор о купле, и зарплата не может быть приравнена к покупной цене.

Обладатели права собственности

Собственником какой-либо вещи может быть физическое лицо или же множество лиц (так называемые объединения лиц, объединения землевладельцев и т. д.), юридические лица частного права, то есть акционерное общество, фонд, зарегистрированное объединение, а также публично-правовые корпорации, то есть общины, государство или, в зависимости от правовой традиции, отдельные страны, а также Церкви, промышленные и торговые палаты, ремесленные палаты и т. д., то есть учреждения, которые частично выполняют суверенные функции в области самоуправления. Животное не может быть собственником вещи, так как оно не может рассматриваться в качестве самоцели. Оно само – вещь, а потому не является правовым субъектом.

В случае с публично-правовыми корпорациями следует различать корпоративную и фискальную собственность. Если фискальная собственность как частная собственность находится в распоряжении одного частного лица (административно управляемое имущество), то в случае с переданной корпорации собственностью речь идет о вещах, которые на основании особых правовых мер становятся доступными для их корпоративного использования. Например, ратуша является фискальным имуществом, улица или парк-плац – после соответствующего оформления – публично используемой собственностью, коей каждый в рамках публично-правовых законов может пользоваться.

Публично используемая собственность не имеет ничего общего с общественной собственностью в социалистическом смысле, где все принадлежит всем, обществу. Романтическое представление, что каждый по своим потребностям может пользоваться этими благами, предполагает райские условия. В ограниченном мире, где приходится считаться с ограниченностью средств, необходимо иметь ясное представление о соподчинении ответственности и права пользования ради обеспечения мира в обществе и бережного обращения с вещами. Без ясного различия между «моим» и «твоим» в обществе царит право кулака и тем самым право сильного.

Право собственности как таковое – абстрактно. Очевидным это становится при большом накоплении владений имущества. Под имуществом понимается сумма товаров, которые находятся в исключительном распоряжении и пользовании одного собственника. Из этого права пользоваться и распоряжаться имуществом вытекает экономическая власть, то есть возможность накопления собственности. Но прежде чем перейти к этому аспекту власти, следует принять во внимание различные формы собственности.

Собственность и естественное право

Христианское социальное учение рассматривает право собственности не как первичное, а как вторичное право, вытекающее из естественного права. Природа товаров включает возможность стать собственностью человека, но не их

необходимость. Дерево, животное могут расти, не будучи собственностью кого-либо. Точно так же и человек может (в принципе) прожить свою жизнь, и даже прожить наполненную жизнь, не называя что-либо своей собственностью. Но разум и опыт показывают, что вследствие грехопадения человеческому развитию и самому предназначению товаров лучше всего служит частная собственность. Но если конкретное формирование порядка собственности было исторически обусловлено и в ходе столетий подвергалось значительным изменениям, частная собственность тем не менее остается основополагающим принципом естественно-правового порядка. Частная собственность не является чистым функциональным принципом на службе данной социальной системы, как бы выражением общественных отношений, в которые государство, в силу политической необходимости и исторической ситуации, может произвольно вмешиваться, например, посредством чрезмерного налогового законодательства, отчуждения и т. д., на чем настаивает коллективистско-социалистическая идеология и как это практикуют ориентирующиеся на государственную благотворительность социал-демократические правительства. Но принцип собственности, с другой стороны, не может быть абсолютизирован до такой степени, что существующие формы собственности становятся неприкосновенными и неизменными, как это вытекает из индивидуалистическо-либералистического принципа «святости частной собственности».

Универсальное предназначение товаров для всех людей и право собственности

Каждый человек имеет право в самом крайнем случае присваивать себе то, что необходимо для жизни, невзирая на господствующие права собственности. Так, например, зимой 1945/46 г. голодающие и замерзающие немцы набрасывались на железнодорожные поезда, доставлявшие в качестве репараций уголь во Францию и Бельгию, и пытались на участках, где поезда задерживали движение, добыть себе немного угля, чтобы хоть как-то согреться дома. Католический кельнский архиепископ кардинал Йозеф Фрингз

заявил тогда, что согласно принципу универсального предназначения товаров для всех людей это никакое не воровство, но так называемая «кража небольшого количества», ибо добытые таким образом товары использовались непосредственно для поддержания жизни и не могли быть получены другим путем. Кёльнская народная мудрость сделала из имени кардинала глагол и провозгласила: «fringsen» («фрингзовать») отнюдь не грех. В случае экстремального, угрожающего жизни чрезвычайного положения, таким образом, право собственности может быть забыто; оно не абсолютно, но должно служить общему благу. С другой стороны, все сторонники христианской социальной этики едины в том, что из принципа универсального предназначения товаров для всех людей не следует делать вывод о совместной собственности. Правда, некоторые семьи и малые общины, такие, как монастыри или орденовые общины, например, живут по принципу общности имущества. Но это, однако, немногие объединяемые узами крови и пиететом или преданностью Христу общины, где можно не опасаться эксплуатации или злоупотребления властью, потому что они руководствуются отеческим или материнским авторитетом. В обычных условиях жизни отягченного первоуродным грехом человека следует исходить из того, что общность товаров ведет к инертности, нежеланию трудиться, раздору, угнетению и общему экономическому обнищанию, как утверждали Луис Молина (1536–1600) и до него еще Фома Аквинский. Частная собственность, следовательно, основывается на продуктивном использовании земных благ, без которого не может быть осуществлен принцип общего предназначения товаров. Частная собственность как плод труда является одновременно побудительной причиной и поощрением к труду.

Но этого принципа полезности недостаточно, чтобы утверждать право собственности как основное право. Вопрос, таким образом, заключается в следующем: является ли частная собственность лишь неотъемлемым элементом хорошо функционирующей экономики и свободного общества или же в конце концов правом человека на свободу, даро-

ванным первоначально Богом вместе с самим достоинством личности? Папа Пий XII заявил по этому поводу в своем радиопослании 1 июня 1941 г.: «Данное природой право пользования плодами земли находится в тесной связи с достоинством личности и с правами личности человека. Оно дает... человеку надежное материальное обеспечение, которое имеет громадное значение для выполнения им его нравственного долга. Ибо благодаря соблюдению этого естественного права человек в состоянии в условиях правомерной свободы выполнять тот объем обязательств и решений, за которые он ответствен непосредственно перед Творцом». Пользование земными благами, когда игнорируется личность, недостойно человека. Для того чтобы быть личностью, необходимы свобода и самоопределение, которые простираются также и на сферу пользования материальными благами. Персональное пользование благами земли является необходимым условием для развития человека. Чисто биологическое житие, в смысле простого пользования, не соответствует назначению человека. Частная собственность дарует ему ту экономическую независимость и свободу, которые предоставляют ему также возможность пользоваться остальными правами личности в духе свободы и ответственности. В этом смысле «право отдельного человека и семьи на собственность является непосредственным выражением Бытия Личности, правом личного достоинства, правда, правом, сочетаемым с социальными обязанностями; но это не есть исключительно социальная функция»¹. Без права на частную собственность было бы, кстати, беспредметным и право на частную экономическую инициативу.

Право на частную собственность не означает право на богатство! Но право на то, чтобы ответственно и экономно распоряжаться товарами. Пользование товарами не должно осуществляться индивидуалистически, эгоистически, оно должно быть всегда направлено на благо других людей.

¹ Пий XII. Радиопослания от 1.6. 1941 г. и от 14.9.1952 г.; Utz-Groner. № 507 и № 628.

Размышления о причинах частной собственности

Сторонники социальной этики Йоханнес Месснер¹ и Йозеф Кардинал Хёфнер² приводят индивидуальные, или позитивные, и общественные, или негативные, причины в обоснование собственности, необходимость которой вытекает из естественного права.

Индивидуальные, или позитивные, причины

1. Частная собственность соответствует нормальной любви к самому себе. Она гарантирует человеку независимость, свободу деятельности и самостоятельность. «Частная собственность и известная доля власти распоряжаться внешними благами» способствуют «самовыражению личности» и «предоставляют крайне необходимое пространство для ответственного устройства личной жизни каждого в отдельности и его семьи; они должны рассматриваться как своего рода продолжение человеческой свободы; они подталкивают также к взятию на себя задач и ответственностей; они являются тем самым условиями государственно-гражданской свободы» (GS 71³).

2. Частная собственность служит ясному распределению и разграничению обязанностей и ответственностей в рамках экономики. Ответственность и творческая жизнь человеческой личности требуют своей реализации также и в экономической сфере, несмотря на то обстоятельство, что экономическая база существования является предпосылкой для развития личности также и в других сферах жизни.

3. Частная жизнь отвечает потребности человека в безопасности и предусмотрительности, которая делает человека, и прежде всего его семью, независимым от случайностей и насилия со стороны других. «Священный закон природы» обязывает отца семейства предусмотрительно и ответственно позаботиться об обеспечении членов своей семьи⁴. Семья как домашняя, хозяйственная и воспитатель-

¹ Messner Johannes. Das Naturrecht. Kap. 171. Innsbruck.

² Höffner Josef Kardinal. Christliche Gesellschaftslehre. S. 210 ff. Kevelaer.

³ II Ватиканский собор. Gaudium et Spes (GS).

⁴ Лев XIII. Энциклика «*Requiem Novarum*». № 10.

ная община предусматривает частную собственность. Забота о воспитании детей является важным стимулом для родителей (право наследования). Семья – это не только потребительская община. В своем существовании она зависит от накоплений, поэтому она предусматривает возможность частной собственности на средства производства.

4. Частная собственность как принцип порядка социальной экономики имеет своим следствием оживленный хозяйственный обмен между различными промыслами, который добровольно объединяет различные ветви экономики и народы. Согласно христианскому Преданию, Божественный Промысел неравномерно распределил природные богатства и способности, чтобы посредством товарообмена укреплять узы любви между людьми и народами разных стран и рас. Торговцы должны быть посланниками не наживы, а взаимопонимания между народами. (Эта мысль, кстати, лежит в основании процесса объединения Европы.)

5. Только тот, кто располагает благами, которые являются его собственностью, может в духе самоотверженной помощи делать добро другим, друзьям и чужим. «Где была бы, если бы никто ничего не имел, возможность поделиться чем-то с другими?.. Как может кто-то просить и получить и делиться, если никто не имеет и не дает и не делится?» (Климент Александрийский). Государственная забота, напротив, действует холодно и безлично.

Негативные причины подчеркивают более пластичный смысл принципа собственности

1. Общность товаров ведет к инертности и нежеланию трудиться, так как каждый стремится свалить работу на других (*Tomas V. Aquin. S. Th. 66.2*). «Источники благосостояния должны были бы обязательно иссякнуть, если бы было исключено желание одного и каждого прилежно трудиться», – писал папа Лев XIII еще в 1891 г. в своей энциклике «*Requiem Novarum*» и выступил тем самым решительно против социалистического учения об общественной собственности. Коллектив вынужден поэтому принуждать к труду или вводить элементы частнособственнического упорядочения, например

заработную плату, премии, аккордные выплаты. Ленин сам пришел к сознанию того, что большевики еще очень, очень далеки от того большевистского представления о труде, который предполагает привычку «трудиться на общую пользу», когда люди трудятся самоотверженно на благо общества «вне нормы... без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении»¹. Поэтому людей до поры до времени нужно принуждать к труду. Отсюда призывы: «Долой того, кто мечтает о том, чтобы уклониться от работы! Да здравствует трудовая дисциплина, желание трудиться! Вечная слава тем, которые увлекают за собой миллионы трудящихся!»

При частной же собственности члены общества трудятся самостоятельно друг для друга, не для государства как распределителя социального продукта. При исключительно совместной собственности есть только зависимый труд и зависимое существование.

2. В то время как частная собственность ведет к ясному разграничению полномочий и ответственностей, при общности товаров царит неясность (Фома Аквинский говорит о «confusio»), так как каждый без разбора заботится о всех принадлежащих общности вещах или обходится с общими вещами по собственному усмотрению. Необходимо централизованное управление с огромным бюрократическим аппаратом, чтобы как-то привести вещи в порядок. Подобная система, как считал Фома Аквинский (Pol. II, 4), осуществима в лучшем случае, если рабочих превратить в рабов, которых произвольно можно подчинить центральному управлению. При частной же собственности осуществляется лучшая оценка имеющихся в распоряжении общества товаров в интересах всех, потому что каждый в отдельности лично заинтересован в их оценке; в том, что является общим для всех, каждый в отдельности менее заинтересован, относится к нему с меньшей заботой и уклоняется от труда, забот и жертв за него, как показывает опыт.

3. Общность товаров есть корень социальных волнений. Фома Аквинский (Pol. II, 4) указывает вслед за Аристотелем на то, что в коллективном хозяйстве трудящиеся люди с недо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 315.

вольством относятся к функционерам: они, работающие, за малую плату должны надрываться, в то время как функционеры ведут праздную жизнь и присваивают себе львиную долю дохода. При совместной собственности сразу же возникает вопрос, кто имеет право распоряжаться этим доходом. Этот вопрос неизбежно становится предметом постоянных политических споров или ведет к диктаторским структурам. Связанное с частной собственностью четкое разграничение между «моим» и «твоим» служит миру в обществе.

4. Совместная собственность при сложном разделении труда в современной экономике означает чрезмерное сосредоточение власти в руках государства со всеми опасностями злоупотребления ею в сочетании с тотальной зависимостью от него всех граждан. Кто обладает экономической властью, тот обладает, как следствие, также и политической, военной, пропагандистской, социально-политической и полицейской властью. Частная же собственность действует в направлении разделения и ограничения господствующей власти. Даже при несовершенном порядке частной собственности с чрезмерной ее концентрацией существует еще возможность сопротивления государственному всемогуществу, как показывает конфликт между властью при В. В. Путине и олигархами в России. Даже если собственность концентрируется в руках тех, кто обладает политической властью, и эти «те» мафиозными средствами устраняют конкуренцию и присваивают себе привилегии-монополии (институциональная коррупция), все же строй частной собственности в сочетании с рыночной экономикой помогает сохранить хотя бы остатки свободы, так как материальная зависимость граждан не является тотальной.

5. Централизованное управление общественными благами угрожает свободе и достоинству человека, аргумент, который особенно настоятельно подчеркивал Пий XII. Частная собственность есть не только «элемент социального порядка, необходимое условие предпринимательской деятельности человека», но и сильнейшая гарантия «свободы и достоинства человека, созданного по образу и подобию Божью», так что «для каждого правильного экономического и социального порядка должно существовать твердое право на частную собственность как незыблемый

фундамент»¹. Экономическая зависимость от коллектива влечет за собой политическую, культурную и религиозную зависимость. Частная собственность служит тем самым гарантией социальной свободы человеческой личности. До тех пор, пока частная собственность в государстве остается защищенной посредством правового порядка, для граждан имеются гораздо лучшие предпосылки для ответственного сопротивления перхлестам со стороны государственной власти. Если граждане и их семьи материально полностью зависят от государства, не существует больше никаких институциональных препятствий для претензий государственной власти на тоталитаризм.

Резюмируя, можно сказать: частная собственность дает возможность человеку, как отягченному бременем наследственного греха существу из духа и плоти, исполнить свое жизненное предназначение и реализовать себя. Одновременно она защищает и укрепляет государственный и общественный порядок, ограничивая злоупотребление властью, обеспечивая мир и повышая общественную производительность. Эти аргументы ясно подчеркивают основополагающее значение принципа собственности как производного (вторичного) естественного права.

Собственность есть кража? Соотношение между трудом и капиталом

Главным пунктом разногласий в вопросе о собственности является все же вопрос о распределении. Речь идет, таким образом, о «соответствующем распределении товаров, которые создаются в результате переработки находящихся в распоряжении корпорации материалов на основании общественного сотрудничества» (Месснер). Для социалистов, таких, как Прудон и Маркс, ответ звучит однозначно. Они признают только прибыль, основой которой является труд. Прибыль без труда есть воровство! Или, поскольку совокупный продукт общественного хозяйства вытекает из труда, рабочий имеет право на всю прибыль от труда. Основой

¹ Пий XII. Выступление по радио 1.9.1944 г. Utz-Groner. № 734, 731.

«справедливого» образования заработной платы и цены является поэтому учение о стоимости рабочей силы, об общественно необходимом труде, затраченном «для производства продукта» (Маркс).

Однако фактически дело обстоит гораздо сложнее. Для производства необходимы также инструменты, для промышленного производства нужны промышленные установки, инвестиции в исследование и развитие и т. д., короче говоря, нужен капитал. Только квалифицированный труд в сочетании с соответствующими капиталовложениями может привести к благосостоянию для всех. Производительность человеческого труда зависит, таким образом, от капиталовложений. Но только одно оснащение предприятий капиталом, по мнению Раушера, каким бы высоким оно ни было, не может заменить людей, их производительность, их творческую энергию и их предпринимательский дух.

Капитал образуется путем накопления, то есть часть полученного народного дохода не потребляется сразу же, а инвестируется с целью получения в будущем более высокого дохода от производства. Однако для того, чтобы этот капитал использовался по возможности продуктивно для социального хозяйства, то есть там, где он приносит наибольшую пользу, необходим регулирующий механизм. Он может иметь чисто политический характер, как при советско-коммунистических режимах, или же чисто экономический характер. Например, это рынок капитала, то есть место, где встречаются предлагающий капитал (вкладчик) и нуждающийся в капитале (желающий его вложить); ценой за использование капитала является процент. Все предложения, которые обещают более высокий доход от капитала, чем предлагаемый рынком процент, получают финансирование, а другие инвестиционные предложения не реализуются. Так выступающий в роли цены процент направляет капитал в нужное место социально-экономического процесса.

Однако следует проводить четкое различие между процентом и прибылью: процент есть цена за использование капитала, прибыль – вознаграждение за предпринимательское чутье (покрытие насущной потребности) и эффективную организацию производства (рациональное расхода-

ние средств на производство) и дистрибуцию (стратегия маркетинга и т. д.). Предпринимательская же зарплата – это вознаграждение за конкретное приложение труда самостоятельного предпринимателя, подобно тому как вознаграждается управляющий.

Согласно неоклассической экономической теории на рынке происходит оптимальное распределение доходов между капиталом и трудом, соответственно между производительностью труда и производительностью капитала, проще говоря, предприниматель стоит перед решением: если он для повышения производства товара хочет вложить дополнительно 100 евро, то должен ли он эти 100 евро израсходовать на приобретение новых машин или на привлечение дополнительной рабочей силы. Он стремится принять экономически рациональное решение, причем он взвешивает, как достичь большего эффекта: вложить ли эти 100 евро в машины или нанять дополнительно на 100 евро людей, расширив тем самым производство. Таким образом, распределение доходов между трудом и капиталом в принципе довольно четкое. С этим столкнулись, например, германские профсоюзы в 70-х гг., когда они наряду с обычным требованием роста производительности включили в свои требования по зарплате еще и компоненты перераспределения доходов и добились их принятия. Но результатом стало не изменение в распределении доходов, как ожидалось, а еще большая инфляция и растущая безработица среди необученных рабочих. Труд необученных рабочих стал слишком дорог и был заменен машинами.

Противоречие между капиталом и трудом, как его уже на протяжении многих десятилетий излагают социалисты, проявляется в обществе остро при использовании комплекса зависти – здесь эксплуататоры-капиталисты, а там бедные рабочие, вынужденные трудиться за нищенскую плату. Но в хорошо функционирующей рыночной экономике для него нет оснований. Это не означает, что профсоюзы излишни! В действительности постоянно имеют место злоупотребления властью и эксплуатация экономически более слабых, а это, как правило, рабочие, особенно неквалифицированные. К тому же рыночно-экономические регулирующие механизмы функционируют не везде удовлетворительно, возникают нацио-

нальные монополии, договоренности или мафиозные структуры, которые мешают здоровому экономическому развитию. Поэтому профсоюзы в социальной рыночной экономике не могут оставаться равнодушными, если установленные политические рамки конкуренции оказываются неэффективными. В интересах наилучшего возможного экономического развития профсоюзы должны внимательно следить за тем, чтобы первичное распределение доходов не нарушалось из-за противоречащих установленным правилам вмешательств, ибо это тотчас же оказывает обратное воздействие на занятость и влечет за собой субституционные эффекты, когда труд замещается капиталом. Такие проблемы возникают, если требования по повышению зарплаты выше, чем рост производительности, если социальная политика, которая должна проводиться с учетом справедливого распределения в вопросе об использовании доходов (то есть при вторичном распределении), прибегает к мерам, ведущим к удорожанию стоимости труда. Следствием оказывается структурная безработица, которую мы в настоящее время наблюдаем в значительной мере в Европе. Экстремальным примером является Восточная Германия. После переворота там было выдвинуто требование ввести такую же заработную плату, как и в Западной Германии, под девизом: один народ, одна страна, так и уровень заработной платы один. Этого, правда, не произошло, но рост заработной платы непосредственно после переворота намного превзошел реальную производительность восточногерманских предприятий. В результате многие восточногерманские предприятия не смогли удержаться на плаву, новые инвестиции с Запада были заинтересованы в основном в интенсивности капитала, и безработица упорно удерживается в среднем на уровне выше 20%. Следствием явилась утечка особенно активного населения, слабость экономической структуры, несмотря на все субституционные программы. Зажатые в тисках между высокими расходами на заработную плату и слабыми капиталовложениями, многие малые и средние предприятия в Восточной Германии выживают с большим трудом, а расширение ЕС за счет Польши и Чехии обещает дополнительную конкуренцию со значительно меньшей стоимостью труда.

**Цель христианской социальной реформы:
 благосостояние для всех – через накопление состояний
 среди широких слоев населения**

Исходным моментом для подлинной социальной реформы является распределение имущества в сочетании с эффективным институциональным комплексом в рамках социальной рыночной экономики, что приведет к созданию открытого общества с помощью инструмента конкуренции. Целью всего этого является создание благосостояния для всех (Людвиг Эрхард), участие всего населения в достижении экономического прогресса, а не обеспечение социальными услугами лишь одной части населения. (Социальная политика в социальной рыночной экономике – это не карета «скорой помощи» капитализма для неудачников.) Чем шире распределение доходов от капитала, тем сбалансированнее общество. Чем шире среднее сословие, тем стабильнее общество и государство.

Таким образом, народно-хозяйственный доход от капитала складывается из процентов и прибылей. Заработная плата предприятия зависит от дохода от труда. Прибыли в подлинном смысле – сильно колеблющаяся величина, результат хорошей конъюнктуры и хороших предпринимательских решений. Они составляют, по сравнению с оборотом, лишь несколько процентов. Стоимость капитала, понимаемая как проценты за привлеченный капитал и за собственный капитал (= ожидаемое собственником обложение наименьшим процентом его, связанного с рисками, капитала), составляет значительную часть стоимости. Чем интенсивнее капиталовложения в производство, тем значительнее этот блок стоимостей.

Вопрос заключается в следующем: кому достается доход от капитала? Предпринимателям? Акционерам? Банкам? Страховым компаниям и пенсионным кассам? Или вкладчиком сберкасс? При более внимательном рассмотрении мы констатируем: всем.

Объем капитала зависит от структуры финансирования предприятий и рынка капитала. В англосаксонских странах

предприятия, как правило, лучше оснащены собственным капиталом, чем, например, германские предприятия, к тому же они больше ориентируются на биржу, чем, в частности, германская промышленность. Тому есть различные причины, кроющиеся в налоговой политике, менталитете, истории (учет последствий войны), а также в системе обеспечения старости. Если, например, в Америке большую роль на рынках капитала играют пенсионные фонды, то в Германии законодательное обеспечение старости, основанное на договоре между поколениями и связанном с этим перекладывании финансирования с одного поколения на другое, не оказывает существенного обратного воздействия на рынок капитала. Немцы, в свою очередь, предпочитают накапливать сбережения через банковскую систему, поступающие в промышленность в виде внешнего капитала. Большие накопления капитала делают страховые компании и пенсионные фонды, которые собирают сбережения многих и предлагают их на рынке капитала. Короче говоря, распределение имущества определяется не соотношением между заработной платой и доходом от капитала, но тем, насколько широкие слои населения имеют возможность сберегать свои вклады и участвовать в доходах от капитала через различные формы его вложения. Рассмотренные выше различные формы накопления имущества четко указывают, что преференции в определенных видах накопления имущества весьма различны. Кроме того, никто не принуждается накапливать имущество. Большое число задолжавших хозяйств в западных странах – будь то по причине малого дохода или особо критического положения, будь то в силу своей неспособности обращаться с деньгами – указывает на то, что распределение имущества в конечном итоге всегда неравномерно. Всегда будут богатые и бедные. Вдохновляющим для христианско-социальной политики является то, что накопление собственности среди широких слоев населения становится возможным и что фактическое новообразование и новораспределение собственности не встречает ограничений или препятствий со стороны господствующего класса. Если, например, крупные землевладельцы обла-

дают монополией на землю, но землю должным образом не используют и препятствуют многим мелким крестьянам обеспечивать существование себе и своим семьям, тогда вполне оправдано достичь через земельную реформу социальное равновесие и разрушить заскорузлые структуры. При этом речь идет не о справедливом распределении земли (что бы ни понималось в этой связи под словом «справедливое»), а о необходимом повышении сельскохозяйственной производительности. Производительность и обеспечение снабжения населения продовольствием должны находиться в центре внимания социальной политики. Это должно учитываться также при приватизации сельского хозяйства в странах бывшего Восточного блока. То же самое относится, например, и к Зимбабве, что касается белых фермеров. Налоговая политика также должна поощрять накопление имущества среди широких слоев населения. Не в последнюю очередь и приватизация государственных предприятий является хорошей возможностью сделать широкие слои населения обладателями капитала. Однако при условии, что приватизируемые государственные предприятия действительно, во-первых, рентабельны и, во-вторых, предлагается большой букет различных прямых (акции) или косвенных (например, участие в фондах) приложений капитала и осуществляется эффективное профессиональное управление через соответствующие институты в рамках конкуренции. Опыт при раздаче ваучеров и долевых свидетельств в посткоммунистических странах свидетельствует о многочисленных злоупотреблениях, которые возможны при несовершенных рамочных условиях.

Частная собственность и общественная власть

Таким образом, мы подошли к важной теме «экономическая власть». По Карлу Марксу, собственность на средства производства представляет в индивидуалистическо-капиталистическом обществе «общественную власть», позволяющую «капиталу» по безгранично свободному рабочему договору эксплуатировать труд. Правильным в

этом анализе является то, что при индивидуалистическом капитализме капитал действительно был носителем общественной власти. Но Маркс совершает ошибку, понимая частную собственность на средства производства как такую всегда и при всех обстоятельствах как «общественную власть». Цель социальной реформы заключается не в устранении частной собственности, а в ограничении ее власти и возвышении труда до равноправного принципа порядка в социальной экономике и в целенаправленной политике накопления имущества среди широких слоев населения.

Предприятие – это не только «*my very profitable business*» («мой очень выгодный бизнес»), но и место, где предприниматель в полном согласии со своими сотрудниками трудится, чтобы снабдить своих клиентов товарами и при этом получить доход, чтобы выплатить зарплату, уплатить налоги и оплатить свой труд и чтобы еще по возможности оставалась прибыль.

Если малыми и средними предприятиями в основном руководят их владельцы, то на крупных предприятиях, и особенно в акционерных обществах, собственники играют второстепенную роль. Менеджеры заняли место капиталистов или, лучше сказать, место собственников-предпринимателей. Чему обязаны эти менеджеры – только «*Shareholder Value*» («имуществу акционеров»), что стало модой с начала 90-х гг., или долгосрочному развитию предприятия. Вознаграждаются они и за то, что обеспечивают быстрые прибыли, и за свою способность создавать на предприятии климат сотрудничества, укреплять связь предприятия с сотрудниками, с собственными и внешними капиталовкладчиками, с окружением, поставщиками и клиентами, что гарантирует долгосрочную конкурентоспособность предприятия.

Все громче становится призыв не пренебрегать общественной ответственностью предприятия. Каждое инвестиционное решение является также и моральным и культурным решением¹. Решения о жилых поселках при предприятии, инвестициях в модернизацию производства или даже о приостановке, продаже или перемещении предприятия ока-

¹ Иоанн Павел II. Социальная энциклика «*Centesimus Annus*». 1991.

зывают значительное обратное воздействие на жизненную ситуацию его рабочих и их семей, на поставщиков и на города и регионы, в которых оно находится. Собственность на средства производства можно лишь условно сравнить с собственностью на потребительские и потребляемые товары. По этой причине имеются особые социальные обязательства по защите прав сотрудников. Все трудовые и тарифные права ограничивают сферу использования собственниками их средств производства. Право голоса совета предприятия в урегулировании персональных, социальных и экономических вопросов служит защитой от злоупотребления имущественной или административной властью. Однако эти регулирования и определения не должны заходить так далеко, чтобы отпугивать собственников, желающих инвестировать капитал в это предприятие. Тогда бы пострадали сами работающие. Разумеется, подобные решения не должны быть направлены против экономической логики рынка, ответственные и дальновидные менеджеры своевременно учитывают новые обстоятельства и соответственно перестраиваются, чтобы обеспечить на будущее должное функционирование производственных мощностей. Это, конечно, не всегда удается. Со стороны сотрудников необходимо поэтому должное понимание, соучастие и солидарность с предприятием. Здесь требуется совместная ответственность представителей работающих (производственных советов, профсоюзов и т. д.). Производительная собственность обязана гарантировать справедливую заработную плату, обеспечивать гуманные рабочие места, отчислять налоги государству, оберегать и щадить окружающее пространство, а также поставлять клиентам здоровые, естественные продукты.

Вдохновляемая христианством социальная реформа опирается поэтому на равноправные трудовые отношения между работополучателями и работодателями, не снимая ни с кого ответственности. Частное и коллективное право на труд (например, конституционный закон о предприятии) остается для этого адекватным средством. Является ли паритетное право голоса – как это принято в горной промышленности в Германии – правильным путем для ограничения «об-

щественной власти капитала»? Такое право оспаривается христианской социальной наукой. Но все едины в том, что избранные работополучателями представители в наблюдательных советах крупных акционерных обществ несомненно оказывают, как правило, положительное влияние на руководство правления и наблюдательных советов. Интересы работополучателей могут быть, таким образом, учтены при принятии решений.

Не классовая борьба, не зависть к имущим, не революция являются ответом христианской социальной реформы на вызовы неправильных действий индивидуалистического капитализма, но:

- 1) политика, которая позволяет широким слоям населения приобретать собственное имущество;
- 2) право на труд и конституционный закон о предприятии, который регулирует сотрудничество между менеджментом и сотрудниками на предприятии, не нарушая предпринимательскую деятельность и ответственность;
- 3) рамочные условия политического порядка в духе свободного и социального рыночного хозяйства, которые гарантируют и поддерживают свободную конкуренцию, препятствуют тем самым злоупотреблению экономической властью и обеспечивают свободу производительности;
- 4) поддержание малых и средних предприятий, а также создателей благосостояния (поддержание среднего сословия);
- 5) общественная и социальная политика, которая в соответствии с народно-хозяйственными возможностями и производительностью учитывает гармоничное развитие всего общества в духе всеобъемлющей культуры любви, не искажая, однако, рыночную деятельность в области первичного распределения.

СМЫСЛ И СУЩНОСТЬ ТРУДА

Человек рожден для труда, как птица для полета, пишет папа Пий XI в своей энциклике «*Quadregesimus Annus*». Он выражает тем самым основополагающую истину. Развитие человека, его самореализация осуществляются в результате постоянного, отчасти требующего больших усилий труда. Кто не трудится, кто не напрягается, тот не может развить свою личность. В стране с молочными реками и кисельными берегами нет личностей!

Эти предварительные замечания ясно свидетельствуют о том, что понятие труда должно быть определено более точно. Физика определяет труд (работу) ($kr \times m$) как груз, перемещающийся по определенному отрезку пути. Труд, о котором в данной связи идет речь, означает нечто большее. Он имеет в виду человека, труд человека. Этот труд может быть физическим или же духовным, хотя на практике каждый физический труд включает в себя по крайней мере минимум «know-how» и мышления. Труд может осуществляться сообща или в одиночку; он может проделываться за плату или бесплатно; это может быть обязательный профессиональный труд в производственно-хозяйственном смысле или труд добровольный, например работа в семье. Напротив, деятельность жизненно важных органов человека не является трудом. Деятельность животных также не может быть охарактеризована как труд в человеческом понимании. Игра и спорт требуют, правда, напряжения и движения, но они отнюдь не являются трудом, наоборот, они служат разрядке после труда.

Труд есть сознательно желаемая и планомерно осуществляемая деятельность человека, которая направлена в основном на производство ценностей, которые, однако, не

обязательно проявляются в результате этого делания¹. В то время как спорт и игра находят свой смысл в ходе самого этого делания, труд является транзитивным, направленным на достижение определенной цели. Здесь можно различать две цели: во-первых, «*finis operas*», «цель творения», достигаемая в процессе труда, и, во-вторых, «*finis operantis*», цель или, лучше сказать, намерение творящего. И то и другое не обязательно должны согласовываться. Цель человеческого труда имеет тем самым два измерения: объективное и субъективное. Мы не будем на этом останавливаться. Для полноты следует упомянуть еще следующее: есть также такое сознательное делание человека, которое выходит за рамки самого делания и не причисляется традиционно к труду, но четко от него отделяется, – это молитва и культовое богопочитание.

Труд – это не проклятие, а экзистенциальное призвание человека

Труд отличает человека от всех других творений. В этой констатации сходятся все идеологии и мировоззрения. Вполне очевидно также, что природа дарует лишь малые блага, которые человек может непосредственно использовать и потреблять. Таким образом, чтобы жить и выжить, человек должен ресурсы, предлагаемые ему природой, обработать таким образом, чтобы из них возникли товары, какие ему нужны. Только в результате труда из ресурсов появляются хозяйственные товары, в которых нуждаются люди. Изготавливаются ли эти товары в достаточном количестве и достаточного качества, зависит в первую очередь от трудового и производственного процесса². Тем самым только труд обеспечивает одновременное существование столь многих людей на земле. Только в процессе труда обращает человек силы природы себе на пользу и обеспечивает себе жизненное пространство. Из природы в результате труда появляется культура.

¹ См.: Herder Staatslexikon. Статья «Arbeit» («Труд»).

² См.: Rauscher Anton. Das Privateigentum im Dienste der arbeitenden Menschen. S. 6.

В предисловии к своей Трудовой энциклике¹ папа Иоанн Павел II пишет: «Созданный по образу и подобию Божью посреди видимой вселенной и поставленный там, чтобы возделывать землю, человек тем самым с самого начала призван к труду». Итак, согласно христианскому воззрению человек не принужден к труду как неизбежному проклятию, но призван. Он получил от Бога конкретное задание владеть миром как второй творец, не как произвольный властитель, но как умный управитель, который его возделывает и хранит. «Только человек способен к труду, – пишет далее папа, – только он совершает этот труд, причем он одновременно с этим обеспечивает свое земное существование. Труд, таким образом, является особенным признаком личности... этот признак определяет ее внутреннее качество и составляет в определенном смысле ее сущность». В разделе «Труд и персональное достоинство» (LE. № 9) он идет дальше и заявляет: «Труд есть благо для человека – для его «человеческого бытия», потому что он через труд не только преобразует природу и приспособливает ее к своим нуждам, но и реализует себя как человек, даже до определенной степени «становится больше человеком». Этот пассаж побудил Андре Пьетра (Andre' Pietre) (Institut de France) в комментарии в газете «Le Figaro» от 1.1.1982 г. задать вопрос: «Не является ли Иоанн Павел II социалистом? Чем отличается он в таком случае от Маркса и Энгельса?»

Марксистский взгляд на труд

Для Карла Маркса и его социалистических сподвижников история мира есть не что иное, как творение человека в результате его человеческого труда. Маркс объединяет гегелевское понятие всемирной истории как единообразного постепенного развития вплоть до его конечного завершения с социалистической концепцией ранних социалистов. Вместо гегелевского всемирного духа у него общество ста-

¹ Иоанн Павел II. Энциклика «Laborem Exercens». 1981 (в дальнейшем сокращенно LE).

новится субъектом всемирно-исторического развития. Он заменяет гегелевскую субстанцию истории (в которой Бог и история суть одно) суммой производительных сил (средства труда) и производственных отношений (формы труда). Они есть Бытие, которое дается каждому поколению, каждому индивидууму.

По Фридриху Энгельсу (1820–1895), труд создал человека («Диалектика природы»). Энгельс переносит марксовскую мысль о том, что человек сам сделал себя посредством общественного труда, на историческое развитие и рисует превращение обезьяны в человека таким образом, что рука есть не только орган, но и продукт труда. Совместный труд привел, таким образом, к развитию языка и мозга. Тем самым он осуществил призыв Людвиг Фейербаха (1804–1872) преобразовать теологию в антропологию. Труд человека заменил Творение Божье. Человек, который сотворил сам себя, не нуждается ни в каком Творце: марксистская философия есть выражение практики «Homo faber».

Труд для христианина – путь к святости в мире

Согласно христианской философии и христианскому учению человек создан по образу и подобию Божью. Он не только «Homo faber», но и «Homo sapiens» и призван к тому, чтобы обладать землей, владычествовать над видимым миром и возноситься к Богу. В марксизме же человек становится своего рода результатом общественных отношений и взаимосвязей.

В Евангелии от Иоанна Христос говорит сам о Себе: «Отец Мой донныне делает, и Я делаю»¹. Если Он об Отце говорит, что Он делает, то это однозначно действие вечного Бога. Если Он о Себе Самом говорит: «Я делаю», то этим Он определенно хочет сказать не то, что Он как второе Лицо Божества имеет все общее с Отцом и что Он поэтому делает все то, что Отец делает. Он хочет, напротив, этим сказать, что Он делает и производит действие как Человек. В

¹ Ин. 5,17.

этом и заключается Величие Бога: Господь не оставляет только за Собой одним право делать, но Он также нам, всем людям, и в первую очередь Своему вочеловечившемуся Сыну, дарует и предоставляет возможность, чтобы и мы могли делать¹. Высказывание «Обладать» миром² или высказывание из 2-й Истории Творения («и создал Господь Бог человека», «ut operatur et custodiret illum», «чтобы возделывать его» (мир) «и хранить его»)³ ясно показывают: по иудейско-христианскому воззрению труд является сущностью человека. Св. Хосемария Эскрива, современный проповедник святости труда, сказал так: «Хорошо уясните себе: долг трудиться – это не следствие первородного греха и не изобретение Нового времени. Напротив, труд есть необходимое средство к существованию, которое Бог веряет нам на земле. Он дает нам дни и позволяет нам участвовать в деле Его творения, чтобы мы заслужили наше существование и одновременно «собирали плод в жизнь вечную» (Ин. 4, 36)⁴. Уже одна эта цитата показывает ошибочность утверждения, что религия утешает угнетенные народные массы обещанием лучшего будущего на Небесах, делая их тем самым покорными перед эксплуатацией со стороны господствующего класса. Напротив, христианская вера не чужда миру, но рассматривает деятельность в этом мире в гораздо более широкой взаимосвязи, а именно что все люди призваны быть детьми Божьими и своей жизнью и трудом славить Бога, реализуя для себя замысел Божий, который Он имел при Творении в отношении каждого из нас. Это – истинная самореализация, которой достигают в совершенном виде только святые. Существенным средством для этого является труд. Иисус Христос, второе Лицо Пресвятой Троицы, остался вне всякого вреда, потому что Он большую часть Своей земной жизни занимался профессиональным трудом как

¹ См.: *Nell-Breuning Oswald von. Die Arbeit im Heilsplan Gottes in Arbeit und Arbeitswelt / Fuldaer Vorträge. Band XX (1962).*

² См. 1-ю Историю Творения. Быт. 1, 28 и сл.

³ Быт. 2, 7, 15.

⁴ *Escrivà Josemarie. Freunde Gottes. Homelie über die Arbeit. N 57.*

самостоятельный ремесленник. Поскольку Бог явил нам в Иисусе из Назарета человека и вся жизнь Иисуса Христа есть часть Его дела спасения, следовать Иисусу Христу – значит для нормального христианина в этом мире трудиться и жить так, как Христос на его месте стал бы трудиться и жить. Труд для христианина, таким образом, есть путь к святости в этом мире.

Труд во славу Божью...

Христианин идет по миру путем святости, если он, во-первых, старается свою работу делать хорошо – насколько он это может – и жертвует ее Господу, то есть делает ее во славу Его. Слава, *Gloria*, по-гречески *doxa*, означает блеск, излучение великолепия и величия. В труде человека проявляется богатство и любовь Бога Творца в мире. Представим себе зерно, которое зреет в полях, или сокровища земли, из которых человек создает многое. Человек, подобно шлифовальщику алмазов, через свой труд заставляет сиять славу Божью.

...для собственного самосовершенствования...

Христианин идет по миру путем святости, если он, во-вторых, освящает этим трудом сам себя, человечески растет в этом труде, становится более добродетельным и сознает присутствие и помощь Божью во всем своем делании, ибо Бог содержит его и его делание в «бытии» (насколько оно имеет «бытие»)¹. Это требует дисциплины, напряжения, а также самопреодоления.

В сложной, требующей разделения труда экономике современный человек должен научиться проявлять справедливость и любовь также и к незнакомому и ясно представлять себе, что он даже в возможно кажущемся незначитель-

¹ Бог не содействует в грехе, так как грех есть «несовершенство бытия»; в грехе отсутствует совершенство бытия, Бог не содействует несовершенству, за которое несет ответственность человек.

ным труде исполняет великую заповедь любви. Так, например, из-за плохой «монтажной работы» рабочего-монтажника другие – распространитель, торговый партнер – делают недовольное лицо, а клиент сердится. Сам же он от этого ничего не выигрывает.

...и как служение ближнему

Христианин идет по миру путем святости, если он, в-третьих, освящает своим трудом других, то есть своим трудом и деланием способствует тому, что мир становится более человечным, лучше, зло как бы тонет в избытке добра. Здесь особенно проявляется тот аспект, который Иоанн Павел II характеризует как «структуры греха»¹. В мире, становящемся все более сложным и все более взаимозависимым, в котором усиливается процесс социализации в результате появления структур, требующих дальнейшего разделения труда, христианин глубже, чем раньше, должен задумываться над тем, кому служит его труд, каким силам протягивает он свою руку. Тяжкие испытания потребуют от христианина поистине героических решений, которые могут иметь значительные обратные воздействия на его экономическое существование и даже на его жизнь. 20-е столетие знает много христианских мучеников и свидетелей, которые не поддались лишениям и запугиваниям со стороны тоталитарных и идеологических сил. Но под этим подразумевается не только сопротивление против бесчеловечных режимов, здесь речь идет точно так же о сопротивлении против «культуры смерти»², против коррупционных и криминальных махинаций в малом и большом независимо от того, являются ли они еще «легальными» (потому что они прикрываются преднамеренно несовершенными законами) или уже нелегальными³. Здесь христиане призваны в духе

¹ Иоанн Павел II. Энциклика «*Sollicitudo Rei Socialis*» от 30.12.1987.

² Ср.: Иоанн Павел II. Энциклика «*Evangelium Vitae*» от 25.3.1995.

³ См. также главу «Коррупция – причина бедности и постоянной слаборазвитости».

солидарности, по собственной инициативе и собственными усилиями в экономической, общественной и политической сфере позаботиться о том, чтобы этот мир стал лучше, чтобы добро легче проложило себе путь. Св. Хосе-мария Эскрива сказал однажды об этом так: «Если бы в каждой профессии было много святых, вы не узнали бы этот мир».

Каждое поколение опирается на труд предшествующих поколений. Техника, «know-how» и капитал как конденсированный труд предшествующих поколений предоставлен в распоряжение людей современности.

Труд поэтому представляет собой в огромной степени общественное явление, служение брату. Каждый человек трудится в конечном итоге на благо других. Он трудится не только потому, что он хочет заработать деньги, содержать свою семью или улучшить свой социальный статус, или, выражаясь еще более идеалистично, потому, что он хочет развить свои способности способствовать социальному прогрессу (такowymi могут быть его личные побудительные причины), – эти свои цели он может реализовать, только если он одновременно полезен для других. Каждый – независимо от того, является ли он самостоятельным предпринимателем или зависимым от заработной платы работополучателем, – трудится для своих клиентов, получает за свой труд ту цену, эквивалент которой его труд приносит клиенту в виде субъективной пользы. Он может при этом считать себя непризнанным гением, далеко опережающим свое время, неспособное оценить его творение, потому что оно не может понять или не хочет видеть пользы от его труда. Это размышление показывает, что столь ценимое Карлом Марксом учение о стоимости товара (включая рабочую силу), согласно которому стоимость вещи определяется вложенным в нее трудом, нуждается в критическом анализе. В экономических науках уже в 19-м столетии была разработана теория цены, которая определяется исключительно пользой продукта для клиента.

Объективное и субъективное измерение труда

Объективное измерение стоимости труда вытекает из рыночной стоимости продукта труда. Это дает возможность определить величину вознаграждения. Но следует избегать переоценки роли объективной стоимости труда. Рентабельность и эффективность являются не единственными критериями оценки. Здесь кроется опасность чистого экономизма. Человек – это не только «Гомо экономикус», каким его представляет теория хозяйства. Речь идет также о внутреннем соучастии в судьбе человека. Не следует пренебрегать субъективным измерением труда, то есть его персональным характером. Человек не инструмент для решения проблем техников, которым еще не удалось создать полностью автоматизированный процесс труда, и не бездушное рабочее животное, из которого посредством техники выжимается максимум возможного. В фильме Чарли Чаплина «Новые времена» с освежающей сердце иронией показана невозможность такого эксперимента. Достоинство человеческого труда и в конечном итоге экономический разум и хозяйственный интерес свидетельствуют о необходимости и целесообразности организации процесса труда, ориентированного на человека, его личные потребности и способности, а не на подчинение человека технике.

Некоторые аспекты труда

Если в античные времена было распространено мнение, что физический труд недостойн свободного человека, а есть лишь удел рабов, то христианство возвеличило всякий труд, сделав его почетным. С началом секуляризации и индустриальной революции в конце 18-го столетия изменились представления о труде и его формах. Механизация и разделение труда привели к невиданному росту производительности. На смену производству на крестьянском или ремесленном семейном предприятии пришел фабричный труд, конвейерный труд, посменный труд и т. д. Новое современное индустриальное общество базируется прямо-таки на вовлечении по возможности большего числа людей в производственный процесс с раз-

делением труда. Встал вопрос о работающих. Детский труд, женский труд, крайне увеличенный рабочий день стояли на повестке дня и были постепенно посредством государственных социальных законов запрещены или ограничены. Обострились идеологические споры о возможных путях преодоления негативных последствий индустриализации: социальная реформа или революция. Реализация различных путей известна. Напряжение обострилось с наступлением постиндустриальной эры общества с ее растущими услугами и знаниями. Число классических фабричных рабочих сокращается. Появляются новые формы труда и организации, предъявляющие высокие требования к подготовке и гибкости персонала.

Но несмотря на все социально-политические успехи, чему в значительной мере способствовали профсоюзы, несмотря на отточенное трудовое и социальное законодательство, открытыми остаются многочисленные проблемы, которые не могут быть решены ориентирующейся на материальное перераспределение социальной политикой. Они касаются смысла жизни и труда. Если в обществе идолизируется профессиональный труд и успех в жизни определяется успехом в профессии, то рушатся другие важные составные стороны жизни, например семейная жизнь. Мы постепенно начинаем осознавать, что достижения индустриального общества, коим мы обязаны нашим благосостоянием, в значительной части отзываются жертвами, которые ложатся тяжким бременем на семью¹. Следствием является утрата гуманности и защищенности. Односторонний взгляд на эмансипацию женщины ведет к тому же к значительным двойным нагрузкам (профессия и семья) или же к демографическим перекосам (сокращение рождаемости). Труд в семье, включая воспитание детей, в западных индустриальных странах занимает малое место в общественном престиже. Одновременно возрастает противоречие между трудом и досугом. Наряду с ростом числа трудоголиков растет и число тех, кто рассматривает профессиональный труд исключительно как неизбежное зло,

¹ *Roos Lothar*. Christlicher Arbeitsethos und moderne Arbeitskultur. S. 23 / Dresdner Kathedralvorträge. Heft 7. Hrsg. Aktion kath. Christen im Bistum Dresden-Meißen.

необходимое, чтобы заработать свой хлеб. Профессиональный труд воспринимается как чуждый, навязанный извне, в отличие от «навязывающего себя» досуга, когда человек полностью оказывается в плену у индустрии досуга. Профессия рассматривается как «job»¹. Внутренняя идентификация с деятельностью у многих нарушается. Производительная готовность и сознание долга снижаются. К таким последствиям ведут различные факторы. Потребительство, гедонизм разного рода в материально обеспеченном, благосостоятельном обществе, а также тезисы новых левых из поколения 1968 г. находят свое практическое отражение в обществе. Завели речь о производственном терроре, эксплуатации, отчуждении, борьбе против истеблишмента. Замелькал призрак общества без труда. Самореализация встала во весь рост! Но самореализация не в христианском смысле, а как возможность для проявления эмоций, желаний, сиюминутных прихотей – в чисто индивидуалистическом толковании.

При этом забывается, что труд означает не только радость, исполнение и формирующую энергию, но также усердие и трудности. Индивидуальную самореализацию не следует слишком раздувать эмоционально. Вступление в какую-либо организацию автоматически ведет к утрате каких-то возможностей для саморазвития, но, с другой стороны, в зависимости от положения в этой организации открывается возможность для деятельности, которую нельзя осуществить одному человеку. К тому же время и одаренность также имеют свои границы. Не всякий труд востребован в любое время. Ложное профессиональное ориентирование не так-то просто исправить.

Труд – отнюдь не чисто производственный фактор

Есть бремя труда и страдания от труда по причине человеческой несправедливости. Отсюда вопрос: как создать такой порядок труда, который полностью будет соответствовать единственности и достоинству каждой личности и одновременно будет подчинять труд каждого отдельного челове-

¹ работа, дело (англ.).

ка служению для достойного развития всех?! Человеческий труд не может рассматриваться просто как товар. Труд не должен рассматриваться «просто как средство производства» (LE. 15,2). Люди не должны оцениваться по «обменной стоимости» их труда, даже если они выполняют «низкую, неквалифицированную работу». Трудовой договор не есть товарный договор обычного рода, но есть межперсональное соотношение прав, при котором обязательно учитываются неотчуждаемые права человека. Поскольку человек всегда трудится как «личность», то его действия, «независимо от их объективного содержания... все должны служить реализации его человеческого бытия» (LE. 6). Это предполагает ситуацию, когда серьезно воспринимается субъективное измерение труда, когда каждый человек оценивается по его личному, человеческому вкладу, который определяется его конкретной волей к труду и его конкретным деланием, независимо от того, насколько объективно ценным или малоценным является его конкретный трудовой вклад.

Право на труд

Социальная справедливость включает в определенной мере призвание людей к активному и продуктивному участию в общественной жизни, а также обязанность общества содействовать такому участию каждого отдельного человека. Речь, таким образом, идет не только о том, чтобы обеспечить малопроизводительных или даже пассивных к труду людей минимумом средств к существованию посредством социально-политически мотивированного перераспределения материальных благ в смысле чистого обеспечения, но и особенно о том, чтобы побудить их к самоучастию в производстве социального продукта и интегрировать их в это производство. Это не обязательно должно отражаться статистически в брутто-количестве социального продукта. Решающим для смысла жизни человека – в том числе и инвалида – является чувство востребованности, полезности и возможности

¹ Roos Lothar. Christlicher Arbeitsethos und moderne Arbeitskultur. S. 10.

в меру своих сил и дарований оказывать служение другим. И так как каждый человек нуждается в труде, чтобы совершенствовать свою личность, то для каждого человека должна быть открыта возможность трудиться соответственно его способностям и его физическим и духовным возможностям, будь то кабинетная работа, работа в семье, свободная социальная или самостоятельная деятельность.

От этого права на труд следует отличать подлежащее обжалованию право на оплачиваемое рабочее место. Такого права в рыночной экономике быть не может. Подобная претензия должна быть обращена только к государству. Но оно смогло бы удовлетворить эту претензию только в том случае, если бы действовало в условиях плановой экономики, для чего необходимо создавать управляемую из центра экономическую систему, чтобы соответствующим образом удовлетворить это требование. С другой стороны, на государстве лежит обязанность, вытекающая из его функции способствовать общему благу, заботиться о соответствующем экономическом порядке и необходимых реформах, которые обеспечили бы достаточное количество рабочих мест. Обеспечение полной занятости – такова существенная цель магического четырехугольника, стоящая перед каждой ответственной, ориентированной на общее благо экономической политикой.

Эсхатологические¹ измерения труда

Если имманентистские идеологии, и прежде всего коммунизм, мечтают о рае на земле, то христианин видит, что обетования революционеров в любую эпоху сопровождаются страданиями людей². Для него ясно: «Мир, в котором Бог был казнен, никогда не сможет стать раем»³. «Пришел

¹ Эсхатология есть учение о «последних вещах», то есть для отдельного человека это означает: смерть, Воскресение из мертвых и Страшный суд; для общества: конец мира и пришествие Царства Божья. В богословии Нового Завета различаются апокалиптическая эсхатология, главным предметом которой является будущее, и актуальная эсхатология, которая ожидает в конце времен спасение видит в жизни и страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа.

² См.: Schmaus. Vom Wesen des Christentums. Augsburg, 1947. S. 113.

³ Ibid. S. 110.

к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими...» (Ин. 1, 11–12), как говорится в прологе к Евангелию от Иоанна, и в прощальной речи Христос говорит: «Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир» (Ин. 17, 18). И в Тайном Откровении тот же апостол говорит о Новом Иерусалиме, о «новом небе и новой земле» (Откр. 21, 1 и сл.), которые наступят. В благовествовании Христовом постоянно говорится о Царстве Божьем, которое уже наступило и ожидает только, чтобы его брали силою (Мф. 11, 12). Как следует понимать эти высказывания в отношении смысла и сущности труда человека?

Ясно, что при всем возможном материальном прогрессе земли с молочными реками и кисельными берегами не будет и, что особенно важно, чисто материальный прогресс не сможет удовлетворить тоску человека по справедливости и смыслу жизни. Человек постоянно наталкивается в конечном итоге на границу, устанавливаемую смертью. И только для человека, который тщательно оберегает свою автономию, открывается перед лицом смерти полная бессмысленность жизни, которую он хочет преодолеть, героизируя закат (Ницше) или идеализируя абсурдность сизифова труда (Камю). Для христианина же смысл жизни и делания кроется в самоотдаче и любви, в любви к Богу и к Его творению или к Его творениям. «...А тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими...»

Поскольку в центре христианской веры в Крест стоит Воскресение, то в отношении труда можно сказать: «В труде мы постоянно открываем, благодаря свету, который проникает к нам от Воскресения Христова, сияние новой жизни и нового добра, а равно и обетование «нового неба и новой земли», которые достаются человеку и миру только в результате упорного труда – упорного труда и никогда без него» (LG. 27,5). Кто в состоянии разделить эту надежду, для того «обетование новой земли» отнюдь не означает ослабление своей деятельности в этом мире, но, напротив, вдохновляет к ней.

К богословской добродетели относится также то спокойствие, с каким человек не все сам хочет «сделать» и свершить,

и человеческие плоды своего жизненного труда спокойно отдает в руки Божьи, что возможно только в том случае, если повседневный труд сочетается с повседневной молитвой.

Царство Божье уже наступило с Пришествием Христа¹, и тот, кто открывается призыву Божью и следует Его конкретно призванию², своим трудом, своей ревностью и своей жизнью, своей любовью, а также своими разочарованиями, своей жертвенностью и самоотдачей, реализмом и энтузиазмом уже способствует созиданию нового Иерусалима, собирая сокровища небесные (как своего рода камни для строительства нового Иерусалима), потому что он с любовью к Богу и к людям исполняет свои земные обязанности. Ненависти, несправедливости, насилию, эгоизму в мире он сознательно противопоставляет любовь и несет, таким образом, в следовании Христу свой крест в надежде на Воскресение и свершение.

Труд, «совершаемый в вере и в любви, никогда не бывает напрасным». Человек, правда, не может своим трудом «создать рай на земле, но силою веры и любви он может, по крайней мере, этим трудом сделать зримым «сияние новой жизни и нового добра», которое Бог в конце времен дарует в полной мере»³. Таким образом, христианин переживает три измерения святости в труде и посредством труда. Он живет – и это касается в первую очередь мирян – созерцательной жизнью в этом мире не по старому бенедиктинскому правилу «ora et labora» («молись и трудись»), но более интенсивно – в смысле «laborare», трудиться молясь, молиться трудясь. Или, иначе говоря, он осознает, что постоянно трудится в присутствии Божьем, во всякое время может возобновить свой разговор с Ним словом и делом и из любви может в любой момент исполнить волю Его.

¹ Здесь: актуальная эсхатология (см. примеч. 1 на с. 186).

² См. также Послание к Ефесеям 2,10: «Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять».

³ Roos Lothar. Christlicher Arbeitsethos und moderne Arbeitskultur. S. 15.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Арендт Ханна – 8
 Аристотель – 3, 7, 47, 141
 Бакес Рейнхард – 97
 Бетховен Людвиг ван – 52
 Борхерт Й. – 68
 Брифе Гётц – 144
 Бэкон Роджер – 96
 Вебер Макс – 77, 100
 Велти Эверхард – 28
 Верхан Петер Х. – 142
 Вильке Хельмут – 74
 Гартман Николай – 28
 Гвардини Романо – 31
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих – 14
 Генрих IV – 90
 Гиль Альберто – 75
 Гильдер Георг – 78
 Гитлер Адольф – 4
 Гоббс Томас – 74, 119
 Горбачев Михаил Сергеевич – 12
 Грациан – 141
 Декарт Рене – 14
 Дестют де Траси А. Л. К. – 19
 Дунс Скот И. – 96
 Иисус Христос – 14, 18, 22, 23, 81–84, 86, 90, 91, 141, 158, 177–179, 186–189
 Иоанн XXIII – 102
 Иоанн Павел II – 83–85, 111, 112, 146, 147, 171, 176, 180
 Ирод Великий – 23
 Камю Альбер – 187
 Кант Иммануил – 14
 Карл V – 127
 Квинтилиан Марк Фабий – 79, 80
 Кеннеди Джон – 62
 Климент Александрийский – 161
 Коля Хельмут – 12
 Лев XIII – 149, 151, 160, 161
 Ленин Владимир Ильич – 41, 162
 Лист Фридрих – 128
 Лука, евангелист – 23
 Людовик XIV – 90
 Майснер, кардинал – 40
 Мао Дзэдун – 8, 38
 Маркс Карл – 8, 142, 149, 164, 165, 170, 171, 176, 181
 Маршалл Альфред – 143
 Маршалл Джордж Кэтлетт – 135, 142
 Месснер Йоханнес – 20, 46, 89, 95, 142, 160, 164
 Миттеран Франсуа – 12
 Молина Луис – 158
 Моцарт Вольфганг Амадей – 52
 Мухаммед – 22
 Мюллер-Армак – 113
 Нелл-Бройнинг Освальд фон – 178
 Ницше Фридрих – 187
 Ойкен Вальтер – 113
 Павел, апостол – 45
 Петр, апостол – 45
 Пий XI – 49, 174
 Пий XII – 159, 163, 164
 Пипер Йозеф – 5, 8
 Понтий Пилат – 14
 Прудон Пьер Жозеф – 149, 164
 Путин Владимир Владимирович – 163
 Пьер Андре – 176
 Раушер Антон – 150, 151, 165, 175
 Рикардо Давид – 127, 142
 Роос Лотар – 183, 185, 188
 Руссо Жан Жак – 41, 43
 Сартр Жан Поль – 31
 Симонс Марк – 76
 Смит Адам – 100, 101, 127, 142
 Фейербах Людвиг – 177
 Феллермейер Якоб – 28
 Фома Аквинский – 141, 158, 161, 162
 Франциск Ассизский – 96
 Фрейд Зигмунд – 35
 Фридман Милтон – 146
 Фридрих II – 137
 Фрингс Йозеф, кардинал – 157
 Фромм Эрих – 112
 Хаббард Лафайет Рональд – 93
 Хеннис Вильгельм – 100
 Хёфнер Йозеф Кардинал – 160
 Хризостом, св. – 141
 Цицерон Марк Туллий – 79
 Чаплин Чарли – 182
 Шиллер Фридрих – 35
 Шпикер Манфред – 67
 Шрёдер Герхард – 3
 Шумпетер Йозеф – 143
 Энгельс Фридрих – 114, 176, 177
 Эрхард Людвиг – 113, 135, 145, 168
 Эскрива Хосемария – 86, 178, 181

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Что такое политика?	7
Предмет политики (9). – Цель политики (9). – Государство – центральная инстанция политики (10). – Власть – центральная категория политики (11). – Политика и мораль (12).	
Экскурс: Истина	14
Экскурс: Мировоззрение против идеологии	19
Есть ли вообще христианская политика?	22
Христианская антропология	25
Человек есть прежде всего личность (26). – Индивидуальная природа человека (26). – Быть личностью означает обладать самосознанием, самостоятельностью и свободой, а также ответственностью (27). – Социальная природа человека (телесная сторона) (28). – Социальная природа человека (духовная сторона) (29). – Трансцендентная природа человека (31). – Христианский образ человека в отличие от индивидуалистического и коллективистского понимания человека (32). – Общины на службе личности (33).	
Свобода	35
Свобода – проявление духовной сущности человека (36). – Свобода – actus humanus (37). – Свобода – не только эмансипация, свобода от чего-то... (38). – ...но также свобода для чего-то (39). – Свобода требует ответственности (40). – Социалистическое понятие свободы (41). – Общественные свободы (42). – Индивидуалистические теории договорного государства (43). – Принципы взаимоотношений между личностью и обществом (44). – Общественные свободы базируются на основных правах человека (46).	
Принцип субсидиарности – право и задача одновременно	48
Экскурс: Слово против понятия (48). – Субсидиарность – существенный принцип христианского социального учения (49). – Субсидиарность заложена в социальной природе человека (51). – Тройное пространство общества (53): Экономика (54); Коммунальное самоуправление (55); Гражданское общество (56). – Демократический централизм противоположен субсидиарности (57).	
Солидарность – основополагающий принцип христианского социального учения	58
Лозунг и три понятия солидарности в зависимости от взгляда на человека (59). – Солидарность – нравственная обязанность... (60). – ...и главный принцип права (62). – Границы солидарности (63). – Солидарность требует лояльности (65).	
Манфред Шникер. Социальное государство: принципы – границы – возможности	67
Три принципа: солидарность... (67). – ...субсидиарность... (69). – ...и общее благо (69). – Моральный облик гражданина социального государства (70). – Никакого рая на земле (73).	

Альберто Гиль. Руководящие добродетели менеджера на современном предприятии. О взаимосвязи между этикой и эстетикой	75
Тренировка для лидера: добродетели (76). – Какими способностями должна обладать образцовая личность? (77). – Какие добродетели определяют практику руководства? (77). – Этика притягательна: о взаимосвязи между этикой и эстетикой (79).	
Почему христианин должен ангажировать себя в обществе и политике?	81
Общество и политика – преимущественно сфера деятельности христиан-мирян (82). – Человек Иисус из Назарета – пример для христиан (83). – Человек призван к труду (84). – Грех – причина страдания (85). – Освящать себя и весь мир (86).	
Терпимость	89
Борьба за терпимость и религиозную свободу – исторический обзор (89). – Экскурс: Публичный характер Церкви (91). – Быть нейтральным к религии не означает быть арелигиозным (92). – Подлинная демократия (94). – Характерные черты терпимости (96). – Экскурс: Религиозная свобода (96).	
Общее благо	98
Раскрытие понятия (98). – Общее благо – цель и средство сообщества (99). – Не является ли общее благо пустым понятием, которое может быть заполнено произвольно? (100). – Общее благо – сложное соотношение дел (101). – Государство – гарант общего блага общества (102). – Общее благо – экономическое (104). – Общее благо – социальное (104). – Взаимосвязь между общим благом и благом отдельного человека (106).	
Устойчивое развитие	107
Принцип устойчивого развития (108). – Принцип устойчивости и мировоззрение (110). – Изменить вид хозяйствования и стиль жизни! (112).	
Социальная рыночная экономика	113
Свободный общественный и экономический порядок (114). – Система или порядок (116). – Основные цели социальной рыночной экономики (117): А) Свобода (117); В) Социальная безопасность (121); С) Производительность (124). – Резюме (125).	
Глобализация	126
Дискуссия о глобализации началась не сегодня (127). – Свободная торговля... (127). – ...или протекционизм (128). – Европейский союз – модель создающей благосостояние свободной торговли (129). – Новые средства коммуникации оказывают давление на темпы структурных изменений! (130). – Эффективные рамки порядка в пользу международной социальной рыночной экономики отсутствуют (132).	
Коррупция – причина бедности и постоянной слаборазвитости	135
Малая коррупция (136). – Средняя коррупция (137). – Большая, или институциональная, коррупция (139).	
Предприниматель – неотъемлемый двигатель экономики	141
Предприниматель или все же только капиталист? (142). – Творческий предприниматель (143). – Предприниматель как фактор узкого места (144).	

Собственность	149
Взаимоотношение человека и мира вещей (150). – Публичные (общественные) и частные товары (153). – Три измерения права собственности (154). – Обладатели права собственности (155). – Собственность и естественное право (156). – Универсальное предназначение товаров для всех людей и право собственности (157). – Размышления о причинах частной собственности (160). – Негативные причины подчеркивают более пластичный смысл принципа собственности (161). – Собственность есть кража? Соотношение между трудом и капиталом (164). – Цель христианской социальной реформы: благосостояние для всех – через накопление состояний среди широких слоев населения (168). – Частная собственность и общественная власть (170).	
Смысл и сущность труда	174
Труд – это не проклятие, а экзистенциальное призвание человека (175). – Марксистский взгляд на труд (176). – Труд для христианина – путь к святости в мире (177). – Труд во славу Божию... (179). – ...для собственного самосовершенствования... (179). – ...и как служение ближнему (180). – Объективное и субъективное измерение труда (182). – Некоторые аспекты труда (182). – Труд – отнюдь не чисто производственный фактор (184). – Право на труд (185). – Эсхатологические измерения труда (186).	
Именной указатель	189

Норберт Нойхауз

**ЦЕННОСТИ
ХРИСТИАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИИ**

Заведующий редакцией *М. М. Беляев*

Ведущий редактор *Т. И. Трифонова*

Редактор *Т. В. Исакова*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Т. А. Новикова*

Корректоры *Т. И. Андрианова, Т. Ю. Коновалова*

ЛР № 010273 от 10.12.97.

Подписано в печать 28.09.05. Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 4000 экз. Заказ № 1665.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Издательство «Республика»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации.

ГП издательство «Республика».
Миусская пл., 7, Москва. А-47, ГСП-3 125993.

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6